3 1761 08821060 4

216/V

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/istoriiamoegosov03koro

LR
K8467is
Korolenko, Vladimir Galaktionovich

ВЛ. КОРОЛЕНКО

ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННИКА

Istoriya moego sovremennika

III

UNIVERSITY OF TORONTO

519755
22. 3. 51

1 9 2 2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОЗРОЖДЕНІЕ
МОСКВА * БЕРЛИНЪ

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

ВОЛОГДА, КРОНШТАДТЪ, ПЕТЕРБУРГЪ

LXII

ВЫСЫЛКА — Я СТАНОВЛЮСЬ ГОСУДАРСТВЕННЫМЪ ПРЕСТУПНИКОМЪ

Дня черезъ два меня перваго потребовали въ канцелярію части.

Поставивъ столикъ на нары и поднявшись такимъ образомъ къ окну, мы могли видѣть, что дѣлается во дворѣ. Я какъ разъ смотрѣлъ въ окно, когда во дворъ части съ грохотомъ въѣхала карета, изъ которой вышли два жандарма. Изъ этого мы поняли, что означаетъ мой вызовъ. Высылаютъ. Благодаря «открытому образу мнѣній» Ливена мы совсѣмъ не были приготовлены къ этому: приходилось уѣзжать безъ денегъ, безъ бѣлья. На мнѣ былъ чужой, сборный костюмъ, легкое пальто, а туго накрахмаленный воротничекъ непріятно подпиралъ мою шею.

Сборы не заняли много времени. Мы крѣпко обнялись и черезъ полчаса жандармы доставили меня на Ярославскій вокзалъ. Я не разсчитывалъ на такую стремительность, и мнѣ было особенно грустно уѣзжать, не попрощавшись съ сестрой въ институтѣ.

Меня ввели въ биткомъ набитый вагонъ третьяго класса. Въ самомъ углу, у стѣнки, тоже между двухъ жандармовъ, сидѣлъ человѣкъ небольшого роста, съ длинной черной бородой, напоминавшій мнѣ сказочнаго Черномора. Мы познакомились. Господинъ оказался Бочкаревымъ, земскимъ дѣятелемъ изъ кружка И. И. Петрункевича. Передъ самымъ отходомъ поѣзда на платформѣ произошелъ нѣкоторый шумъ. Оказалось, что нѣсколько петровскихъ студентовъ, карауливших у Басманной части, попытались войти въ нашъ вагонъ, но ихъ не пустили. Я видѣлъ, какъ мимо оконъ пронеслась фигура Эдемскаго, въ его оригинальномъ охабнѣ, высокой барашковой шапкѣ, съ большой дубиной въ рукахъ. Вѣроятно, именно эта живописная фигура обратила вниманіе сыщиковъ. Поѣздъ вскорѣ тронулся.

Во время краткой остановки на станціи Пушкино къ нашему окну подошла молодая красивая брюнетка, съ выразительнымъ, даже драматическимъ лицомъ. Остановясь противъ нашего окна, она уставилась глазами въ Бочкарева, точно на икону. Разговаривать черезъ двойныя окна было нельзя, и она простояла неподвижно, съ трагическимъ выраженіемъ въ лицѣ, пока поѣздъ не двинулся. Бочкаревъ раскланялся съ нею и вздохнулъ.

Среди ночи я вдругъ проснулся, точно отъ толчка, и долго не могъ сообразить окружающихъ меня обстоятельствъ. Мнѣ приснилась мать, и острая тоска о ней теперь сжимала мое сердце. Въ вагонѣ было накурено и душно. Волны дыма застилали тусклый свѣтъ фо-

наря. Напротивъ меня и рядомъ клевали носомъ четыре жандарма. Я наконецъ сообразилъ свое положеніе, и мысль о матери ясно встала въ умѣ. Все это время я мало думалъ о ней. Она больна и какъ-то она встрѣтитъ извѣстіе о моей ссылкѣ, если оно появится въ газетахъ. Нервная усталость этихъ дней сказалась: я почувствовалъ, что на глаза просятся слезы... Скорѣй на мѣсто, чтобы написать ей что-нибудь опредѣленное... А пока не зачѣмъ поддаваться малодушію: другія мысли смѣнили и вытѣснили тоску. Я не раскаивался. Несмотря на исполнившіеся 22 года, я испытывалъ мальчишеское чувство гордости: въ Басманной части мнѣ объявили формально, что я высылаюсь «по высочайшему повелѣнію» въ Усть-Сысольскъ Вологодской губерніи... Мнѣ вспомнилось первое «тайное собраніе» въ Измайловскомъ полку. Тогда были мобилизованы полицейскія силы одной полицейской части. Теперь противъ меня приведенъ въ движеніе аппаратъ самой верховной власти...

Не помню точно, гдѣ мы разстались съ Бочкаревымъ. На прощаніе мы горячо обнялись, точно члены братскаго ордена, объединенные общимъ преслѣдованіемъ. Меня жандармы привезли съ вокзала въ ярославское полицейское управленіе, окна котораго выходили на Волгу. По рѣкѣ медленно двигались широкія льдины начавшагося ледохода. Все населеніе полицейскаго управленія собралось у оконъ: слѣдили за тѣмъ, какъ бравый прокуроръ, предсѣдатель общества спасанія на водахъ, переправляетъ почту изъ Вологды на спасательной лодкѣ.

Когда переправа благополучно закончилась, помощникъ полицеймейстера, старикъ добродушнаго вида, принялъ меня отъ жандармовъ, и отъ него я впервые узналъ, что я «государственный преступникъ».

— Вы ошибаетесь, — сказалъ я. — Я только студентъ и высылаюсь за коллективное заявленіе своему начальству.

— Ну, ну, — отвѣтилъ онъ съ положительной увѣренностью. — Это самое и есть... «По высочайшему повелѣнію», батюшка... Какъ же не государственный преступникъ?..

И опять долженъ признаться: что-то при этомъ слегка пощекотало мое самолюбіе.

Вскорѣ пришелъ полицеймейстеръ, человѣкъ черноволосый, военнаго вида съ повелительными манерами. Онъ успѣлъ сходить къ губернатору и принесъ распоряженіе его превосходительства: отправить меня въ тюрьму. Я предъявилъ убѣдительнѣйшую просьбу не задерживать меня въ пути и послать по возможности сегодня же дальше. Мысль о матери опять захватила меня, и опять при этомъ глаза что-то щекотало. «Государственный преступникъ», вѣроятно, имѣлъ довольно жалостный видъ, и полицеймейстеръ отнесся къ моей просьбѣ съ видимымъ участіемъ. Онъ осмотрѣлъ мой парадный костюмъ, замѣтилъ полное отсутствіе какого бы то ни было багажа и понялъ, что задерживать меня дѣйствительно не слѣдуетъ.

— Если вы не побоитесь ледохода, — сказалъ онъ, — то я похлопочу у прокурора, чтобы васъ

переправили завтра съ почтой. А пока что дѣлать? Придется переночевать въ тюрьмѣ... Дайте провожатаго поприличнѣй, — обратился онъ къ одному изъ подчиненныхъ.

Явился провожатый городовой, но онъ оказался какъ разъ совершенно «неприличнымъ». Тогда въ губернскихъ городахъ полицейскіе еще не успѣли принять щеголеватаго вида, и явившійся городовой напоминалъ одного изъ подчиненныхъ гоголевскаго Держиморды: его шинель была вся въ отрепьяхъ съ разноцвѣтными заплатами, а сабля висѣла просто на старой веревкѣ.

— Уберите его. Прислать другого, поприличнѣй, — сказалъ брезгливо полицеймейстеръ.

Пришелъ другой. У этого заплаты были того же цвѣта, что и шинель, а сабля висѣла частью на ремнѣ, и только частью на веревкѣ. Полицеймейстеръ посмотрѣлъ и махнулъ рукой.

— Ну, не взыщите... Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады... Что дѣлать.

Я поблагодарилъ его за добрыя намѣренія и пѣшкомъ черезъ весь городъ отправился въ тюрьму. Насъ было четверо: забракованный городовой провожалъ какого-то злополучнаго субъекта, въ короткой арестантской курткѣ съ бубновымъ тузомъ на спинѣ. Дорогой я услыхалъ, что этотъ субъектъ о чемъ-то препирается со своимъ провожатымъ и оглянувшись, увидѣлъ, что городовой схватилъ его за широкую мотню арестантскихъ шароваръ — старается осадить назадъ.

— Въ чемъ дѣло? — спросилъ я.

— Извѣстно, невѣжество... пояснилъ мой

городовой. — Видите, онъ хочетъ идти рядомъ съ вами. Говоритъ: мы товарищи.

Воспользовавшись остановкой, субъектъ выскочилъ впередъ и бойко спросилъ у меня:

— Вы высылаетесь?

— Высылаюсь.

— На подзоръ полиціи?

— Вѣроятно.

Онъ съ торжествующимъ видомъ повернулся къ своему провожатому и сказалъ:

— Ну, и я тоже на подзоръ полиціи. Какъ же не товарищи.

Дальше мы уже шли рядомъ, — я въ легкомъ чужомъ, но все-таки парадномъ, костюмѣ со стоячимъ крахмальнымъ воротничкомъ и въ круглой шляпѣ, а онъ въ арестантскомъ бушлатѣ съ ироническимъ любопытствомъ.

Ярославская тюрьма была первая, съ которой мнѣ пришлось познакомиться. Меня ввели въ камеру и оставили ее незапертой. Вскорѣ ко мнѣ вошелъ арестантъ невысокаго роста, въ очкахъ и съ эспаньолкой. Это былъ мой сосѣдъ изъ «привилегированныхъ». Оказалось, что меня посадили въ дворянскій коридоръ. Отрекомендовавшись, онъ спросилъ:

— Вы, вѣроятно, тоже по дѣлу Иванчинъ-Писарева и графини Потоцкой?

Фамилію Иванчинъ-Писарева я тогда слышалъ въ первый разъ. Новый знакомый разсказалъ мнѣ, что въ Ярославской губерніи раскрытъ кружокъ революціонеровъ, въ центрѣ котораго стоялъ Иванчинъ-Писаревъ. Многіе арестованы, нѣкоторые сидятъ теперь въ

этой же тюрьмѣ. Иванчинъ скрылся. Арестантъ часто упоминалъ фамилію графини Потоцкой, намекая на свое знакомство съ нею, и предлагая, если мнѣ угодно, передать ей записку. Мнѣ нечего было писать графинѣ Потоцкой и я отказался къ явному разочарованію любезнаго сосѣда.

Былъ, помнится, какой-то праздникъ, и послѣ арестантскаго обѣда староста, благообразный, не старый арестантъ, принесъ мнѣ въ камеру кружку чаю и цѣлую груду калачей и булокъ. Меня поразилъ ихъ видъ: тутъ были куски французской булки, куски ситнаго хлѣба, маленькій ломтикъ пирога и полъ бублика, воткнутаго въ ситный.

— Нынче было подаяніе, — пояснилъ староста, — кушайте на здоровье.

Дворянскій коридоръ былъ почти пустъ. Я рано ушелъ въ свою камеру и проспалъ почти весь день и ночь. Утромъ въ шесть часовъ меня разбудили. Полицеймейстеръ исполнилъ обѣщаніе: на берегу Волги меня ждала уже спасательная лодка, переправлявшая почту на Вологду. Вмѣстѣ съ провожатымъ полицейскимъ и почтальонами мы усѣлись въ лодку на полозьяхъ, стоявшую на берегу. Подвижки льда прекратились, и только на срединѣ тихо плыли, сталкиваясь и шурша, то мелкія льдины, то широкія ледяныя поля. По льду лодку тащили на полозьяхъ, потомъ, раскатившись, она погружалась въ воду и плыла среди ледяного «сала», пока разогнавшись на веслахъ, не вкатывалась на большую льдину. Эта переправа

не была лишена довольно сильныхъ ощущеній. Затѣмъ мы тихо покатились по узкоколейной вологодской дорогѣ.

LXIII

ВЪ ВОЛОГДѢ — ЧЕРТЫ ТОГДАШНЕЙ ССЫЛКИ

Въ Вологдѣ губернаторомъ въ то время былъ старикъ полякъ Хоминскій, человѣкъ довольно либеральный и очень добродушный. Поэтому вѣроятно меня помѣстили не въ тюрьмѣ, а въ дежурной комнатѣ при полицейскомъ управленіи. Дѣло было на страстной недѣлѣ, и на мою просьбу отправить меня немедленно далѣе — полицеймейстеръ отвѣтилъ, что меня отправятъ на третій или четвертый день праздника.

Полицеймейстеръ оказался человѣкомъ тоже благодушнымъ; онъ предложилъ мнѣ расположиться въ дежурной комнатѣ, «какъ у себя дома», и спросилъ, не желаю ли я отправиться въ баню. Я отказался: у меня не было чистаго бѣлья. Къ вечеру онъ прислалъ мнѣ смѣну бѣлья, предложивъ отдать мое для стирки. Его обращеніе произвело на меня впечатлѣніе самое благопріятное. Но увы, я долженъ сказать, что въ своей ссыльной карьерѣ я ближе встрѣчался такимъ образомъ съ тремя очень радушными полицеймейстерами, и всѣ они, по странной случайности, попадали подъ судъ.

Въ первый день Пасхи меня неожиданно посѣтилъ губернаторъ Хоминскій. Оказалось, что

его сыновья, студенты института путей сообщенія въ Петербургѣ, получивъ свѣдѣнія отъ товарищей петровцевъ, успѣли телеграфировать отцу, и добродушный старикъ пришелъ, чтобы ободрить меня и спросить, не нуждаюсь ли я въ чемъ-нибудь. Вскорѣ послѣ него пришелъ также дѣлопроизводитель его канцеляріи, молодой еще человѣкъ огромнаго роста. Онъ сидѣлъ у меня около часу и разсказывалъ о громкой исторіи расхищенія сѣверныхъ лѣсовъ. Объ ней тогда много писали въ газетахъ. Молодой чиновникъ возмущался стачкой чиновниковъ лѣсного вѣдомства съ какой-то иностранной компаніей. Работаетъ экстренная слѣдственная комиссія, но едва ли ей удастся раскрыть все: замѣшаны очень сильныя лица и огромные иностранные капиталы.

Посѣщеніе губернатора и его чиновника, очевидно, произвело сильное впечатлѣніе на личный штатъ полицейскаго управленія, начиная съ николаевскаго кавалера сторожа и дежурныхъ чиновниковъ и кончая самимъ полицеймейстеромъ. Придя ко мнѣ и похристосовавшись въ первый день праздника, онъ предложилъ мнѣ прогуляться по городу.

— Вѣроятно съ провожатыми? — спросилъ я.

— Со мной, если ничего не имѣете противъ. Я ничего не имѣлъ противъ, и мы пошли.

— Не хотите ли посмотрѣть нашъ арестный домъ? — сказалъ онъ, и, не дожидаясь отвѣта, поднялся по лѣстницѣ въ зданіе подъ каланчей. Меня нѣсколько удивило то обстоятельство, что здѣсь уже какъ будто ждали. Коридоры были чисто выметены и воздухъ про-

вѣтренъ. Пройдя со мной по коридору и предложивъ взглянуть въ камеры черезъ глазокъ, онъ неожиданно сказалъ ключнику:

— Есть свободная камера?

— Такъ точно: номеръ девятый.

— Отопри... Не угодно ли вамъ взглянуть внутри? — И онъ сдѣлалъ жестъ любезнаго хозяина, пропускающаго впередъ гостя.

Мнѣ вспомнилась сцена между городничимъ и Хлестаковымъ, и я, какъ Иванъ Александровичъ, непрочь былъ отказаться отъ любезнаго приглашенія. Но, скрѣпя сердце, переступилъ черезъ порогъ и спустя нѣкоторое время благополучно вышелъ изъ камеры. Очевидно, полицеймейстеръ имѣлъ въ виду только похвастать чистотой помѣщенія.

Удивленіе мое еще усилилось, когда, выйдя на крыльцо, я увидѣлъ во дворѣ выстроившуюся въ порядкѣ пожарную команду.

— Гдѣ-нибудь пожаръ? — спросилъ я.

— Нѣтъ, это я нарочно: можетъ быть, вамъ интересно взглянуть на наши новыя машины?

Онъ сдѣлалъ знакъ и команда тронулась со двора. Сытыя лошади рвались впередъ, звенѣли колокольчики, развѣвался пожарный флагъ, сверкали новенькіе насосы, окрашенные яркимъ сурикомъ, блестѣли мѣдныя каски пожарныхъ, я съ полицеймейстеромъ стоялъ на крыльцѣ, краснѣя и чувствуя себя дѣйствительно въ положеніи Хлестакова: для меня столько людей и лошадей потревожили въ такой большой праздникъ.

Да, это былъ странный періодъ россійской ссылки, вскорѣ прекратившійся. Въ ссыльныхъ

захолустьяхъ жили еще, очевидно, смутныя воспоминанія о тѣхъ временахъ, когда люди попадали въ ссылку, чтобы потомъ, при перемѣнѣ обстоятельствъ, сугубо возвыситься. Телеграмма губернаторскихъ сыновей, посѣщеніе самого губернатора вызвали, очевидно, въ головѣ благодушнаго полицеймейстера ту же идею, и на всякій случай онъ нашелъ нелишнимъ показать свое хозяйство въ образцовомъ порядкѣ.

Когда мы возвращались съ прогулки вдоль лицевого фасада полицейскаго управленія, случилась маленькая неожиданность: одна изъ дверей внезапно пріоткрылась, и изъ нея показалась небольшая фигура мѣщанскаго вида. Чья-то рука крѣпко держала ее за шиворотъ и затѣмъ сильнымъ толчкомъ кинула внизъ съ невысокой лѣстницы. Неизвѣстному грозило довольно непріятное паденіе, если бы, размахивая руками и шатаясь изъ стороны въ сторону, онъ не ударился головой въ животъ полицеймейстера. Послѣдній схватилъ его сверху за шиворотъ, сердито встряхнулъ раза два и, установивъ прочно на ногахъ, спросилъ довольно грозно: «Это что такое? Ты пьянъ?»

Мѣщанинъ дѣйствительно былъ пьянъ, но все-таки пытался оправдать себя: онъ пришелъ въ полицейское управленіе за справкой, а они вотъ какую справку выдали: по шеѣ да съ лѣстницы...

И внезапно вдохновившись, онъ воскликнулъ съ настоящимъ паѳосомъ:

— Ваше высокоблагородіе... Что жъ это у насъ за порядки? Республика что ли?..

— Ну, ну, ступай. За справкой придешь въ будни и трезвый. — И улыбнувшись съ грустной снисходительностью, онъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Вотъ не угодно ли, — какое понятіе о республикѣ...

Можно было догадаться, что собственныя его понятія о республикѣ — другія. Въ общемъ, повторяю, у меня осталось пріятное воспоминаніе о добродушіи этого человѣка и мнѣ хотѣлось бы думать, что служебныя непріятности, его постигшія черезъ нѣкоторое время, не имѣли особенно предосудительнаго характера.

LXIV

МОЙ ПРОВОЖАТЫЙ — ОСТАНОВКА ВЪ ТОТЬМѢ — ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ВСТРѢЧА

Вскорѣ мнѣ пришлось тронуться въ дальнѣйшій путь. Весна быстро подвигалась съ юга. Въ Ярославлѣ Волга уже трогалась, но Сѣверная Двина лежала еще подо льдомъ. Снѣга были глубоки, но дни стояли теплые и всюду подъ снѣгомъ журчали весенніе ручьи. Ѣхали мы быстро, но все же подъѣхали къ Тотьмѣ по совершенно рыхлой дорогѣ, а мѣстами прямо и по грязи.

Судьба послала мнѣ въ провожатые человѣка очень оригинальнаго. Это былъ городовой, по фамиліи, кажется, Федоровъ (точно не помню), очень малаго роста, плотный, съ шарообразной

головой и пухлыми щеками, среди которыхъ совершенно утопалъ маленькій носъ. Настоящій Квазимодо по безобразію, онъ оказался человѣкомъ благодушнымъ и разговорчивымъ. Между прочимъ онъ питалъ почему-то пламенную ненависть къ жандармамъ.

— Терпѣть не люблю, — говорилъ онъ. — Жандарма есть самый послѣдній человѣкъ: ябедники, доносчики, фискалы. Не то что на товарища — на отца родного донесетъ. — Въ этомъ неодобреніи мы съ нимъ сходились, хотя по разнымъ причинамъ.

Въ Тотьмѣ на почтовой станціи мнѣ сказали, что меня къ себѣ приглашаетъ исправникъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что утромъ получена телеграмма отъ губернатора предложить студенту Короленко на выборъ — слѣдовать далѣе въ Усть-Сысольскъ, или же подъ надзоръ полиціи на родину. Подумавъ немного, я написалъ, что предпочитаю отбыть ссылку «въ г. Кронштадтѣ, гдѣ живетъ моя мать». На родинѣ, въ Житомірѣ, у меня никого уже не было. Кромѣ того, я еще живо помнилъ, какъ рвался изъ своихъ мѣстъ, и потому рѣшилъ написать наудачу: авось попаду въ Кронштадтъ. Исправникъ принялъ бумагу и далъ тутъ же полицейскому предписаніе везти меня обратно въ Вологду.

Лошадей на станціи не было — недавно прошла почта на Архангельскъ. Пришлось ожидать. Мы дружелюбно сидѣли на крылечкѣ почтовой станціи, бесѣдуя съ моимъ Квазимодо, какъ вдругъ лицо его нахмурилось.

— Смотрите, смотрите: жандарма идетъ...

Шныритъ чего нибудь, подлецъ. Непремѣнно объ васъ пронюхалъ. Смотрите, будто и не видитъ насъ, а сейчасъ остановится. Вотъ увидите...

По другой сторонѣ улицы, представлявшей море жидкой грязи, шелъ жандармъ. Въ шинели на распашку, съ заломленной фуражкой, онъ имѣлъ видъ празднаго фланера и безпечно глядѣлъ по верхамъ. Но вдругъ взоръ его какъ будто случайно упалъ на насъ. Онъ остановился, пріятно пораженный.

— Ба, господа проѣзжающіе... У насъ такая радость заѣзжіе люди... Позвольте побесѣдовать. Откуда будете? Изъ Москвы?

Онъ оглянулся направо и налѣво, но нигдѣ не было перехода. Тогда онъ рѣшился и пошелъ въ бродъ по глубокой грязи, съ трудомъ вытаскивая ноги.

— Такъ изволите ѣхать изъ Москвы? Студентъ? Петровской Академіи? Скажите... Какъ это пріятно... У меня тамъ землячокъ, даже, признаться, родственникъ: Суровцева не изволите знать? Здоровъ ли? Что-то давно не пишетъ.

Мой провожатый дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки. Суровцевъ въ это время скрывался и жандармъ «развѣдывалъ». Я отвѣтилъ спокойно:

— Суровцева знаю. Товарищи. Видѣлъ его передъ самымъ отъѣздомъ. Здоровъ. Просилъ кланяться родственникамъ, если встрѣчу.

— Да не можетъ быть... — изумился жандармъ, и глаза его забѣгали. — Гдѣ же онъ проживаетъ, если вамъ извѣстно?

— Конечно, извѣстно: проживаетъ въ академіи, на Выселкахъ, гдѣ жилъ и прежде...

— Обрадовали вы меня... Пойти сейчасъ женѣ сказать... Честь имѣю кланяться. — И онъ быстро ушелъ...

— Эхъ вы-ы, — сказалъ мой провожатый съ выраженіемъ крайняго порицанія. — Зачѣмъ сказали? Суровцева-то ищутъ. На телеграфъ теперь побѣжалъ, телеграммъ дастъ.

Я засмѣялся и сказалъ, что пошутилъ: Суровцевъ скрывается и адресъ его неизвѣстенъ. Городового хватилъ бурный восторгъ, лицо его исказилось невѣроятными гримасами и онъ такъ судорожно качался изъ стороны въ сторону отъ хохота, что я думалъ — онъ упадетъ съ крыльца.

Въ ожиданіи лошадей я получилъ неожиданное приглашеніе: въ городѣ жилъ чиновникъ лѣсного вѣдомства, бывшій студентъ петербургскаго лѣсного института. Считаетъ меня, какъ петровца, своимъ товарищемъ и проситъ придти къ нему попить чаю. Я охотно согласился, провожатый не возражалъ.

Пригласившій меня оказался лѣснымъ таксаторомъ съ семинарской фамиліей Успенскій или Предтеченскій — теперь не помню. Это оказался человѣкъ симпатичный, но чрезвычайно унылой, даже мрачной наружности. Жилъ онъ въ холодной неуютной обстановкѣ, вмѣстѣ съ сожителемъ, лѣснымъ кондукторомъ. По случаю праздничнаго времени оба было въ легкомъ подпитіи, которое дѣйствовало на нихъ противоположно: таксаторъ былъ, повидимому, угнетенъ и унылъ сверхъ мѣры, кондукторъ веселъ, развязенъ и говорливъ. Тотчасъ послѣ

моего прихода Успенскій отвелъ въ сторону кондуктора и сталъ что-то шептать ему. Тотъ съ самодовольнымъ видомъ отвѣтилъ:

— Ну что жъ. Намъ наплевать, — и тотчасъ же, демонстративно вынувъ кошелекъ, отправился «распорядиться». Смуглое лицо Успенскаго (я буду такъ называть его), казалось, потемнѣло еще больше. Видя, что секретъ его разоблаченъ, онъ потупился и сказалъ:

— Добрый малый... И товарищъ... Но взяточникъ, а я, видите ли, старыхъ идей держусь, студенческихъ. Противлюсь. Поэтому придираются ко мнѣ... Вотъ сдѣлали начетъ... Третій мѣсяцъ получаю только треть жалованья.

И онъ разсказалъ мнѣ, что не согласился подписать какую-то сдѣлку, и за это ему мститъ непосредственное начальство.

— И дуракъ, ха-ха-ха, — съ непріятной развязностью сказалъ вошедшій на эти слова кондукторъ. Ну, кого ты, скажи, пожалуйста, своею честностью удивить хочешь? Въ вашемъ дѣлѣ, я вамъ скажу, господинъ, главное умѣть неправильность соблюсти... Тогда, ха-ха-ха, жить можно...

Лицо Успенскаго передернулось страдальческой гримасой.

— Замолчи. Ты пьянъ, — сказалъ онъ.

— Ты больно трезвъ... Только я пьянъ на свои, а ты въ долгъ, — отвѣтилъ развязный молодой человѣкъ.

Черезъ часъ къ квартирѣ таксатора подали почтовую тройку. Мои хозяева, захвативъ нѣсколько бутылокъ, усѣлись со мной въ про-

сторныя почтовыя сани и поѣхали провожать меня до слѣдующей станціи. Дорогой они продолжали пить. При этомъ Успенскій все глубже увязалъ въ меланхоліи, а его сожитель становился все веселѣй и развязнѣе. Онъ кидалъ въ проѣзжихъ мужиковъ пустыми бутылками, заливался громкимъ хохотомъ, горланилъ пѣсни, — вообще становился несносенъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ вдругъ остановилъ ямщика. У дороги лежали штабели свѣже срубленнаго хорошаго строевого лѣса. Несмотря на опьяненіе, онъ живо, хотя и пошатываясь, прошелъ по глубокому снѣгу, что-то посмотрѣлъ и, вынувъ записную книжку, съ веселымъ видомъ сталъ дѣлать въ ней какія-то отмѣтки.

— Комлями въ разныя стороны... Не по правиламъ, — штрафъ съ подрядчика, или откупайся, голубчикъ... — говорилъ онъ весело, взобравшись опять въ сани...

— Постыдился бы человѣка, — съ печальной укоризной произнесъ Успенскій.

На слѣдующей станціи мы разстались. Успенскій горячо обнялъ меня и плакалъ:

— Завидую вамъ. .. Избрали благую часть... — говорилъ онъ слегка заплетающимся языкомъ: — а я понимаю вотъ тутъ... Видите: торжествующая свинья, а мнѣ товарищъ.

— Ну, ты не очень. Чего лаешься? Кто виноватъ, что самъ глупъ, не умѣешь неправильность соблюсти.

И онъ тоже полѣзъ цѣловаться со мной. Дальше я поѣхалъ одинъ, унося съ собой рѣзкое и глубокое впечатлѣніе.

Юность склонна къ быстрымъ обобщеніямъ.

Назади я оставилъ свѣтлѣйшаго князя Ливена, высшаго представителя вѣдомства, въ которомъ я собирался служить. Въ то время, послѣ коварнаго поступка съ нами, онъ казался мнѣ совершеннымъ негодяемъ. Потомъ — разсказы губернаторскаго чиновника о грандіозныхъ хищеніяхъ, охватившихъ чуть не весь сѣверъ, съ которыми безсильно справиться правосудіе. И вотъ, наконецъ, эта яркая иллюстрація уныло-страдающей добродѣтели въ лицѣ Успенскаго и торжествующаго порока въ лицѣ этого маленькаго взяточника, все это складывалось для меня въ яркое и цѣльное настроеніе. Мои еще недавнія намѣренія и мечты матери, связанныя съ дипломомъ, разлетѣлись прахомъ... И пусть... Нѣтъ, я уже не пойду на службу къ этому государству съ Ливенами вверху, съ сѣтью мелкаго неодолимаго хищничества внизу. Это — разлагающееся прошлое... А я пойду навстрѣчу невѣдомому будущему.

LXV

ЛѢСНЫМИ ДОРОГАМИ — РАЗСКАЗЫ О СКИТНИКАХЪ — ОПРЕДѢЛЯЮЩАЯ МИНУТА ЖИЗНИ

Всѣ эти мысли роемъ неслись за мной по дорогѣ подъ скрипъ полозьевъ и звонъ колокольчика. Подъ вечеръ мы ѣхали межъ двухъ стѣнъ дремучихъ темныхъ лѣсовъ. Они тянулись по обѣимъ сторонамъ дороги, молчали-

вые и таинственные, а мой разговорчивый провожатый разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ онъ, когда былъ помоложе, ходилъ въ командѣ съ исправникомъ по этимъ лѣсамъ и разорялъ келыи лѣсныхъ скитниковъ. Ходили на лыжахъ, проникали въ глубокія трущобы, гдѣ находили избушки на курьихъ ножкахъ, изъ которыхъ хозяева по большей части успѣвали скрыться. Порой у иконы еще теплились лампадки. Избушку разоряли, изъ бревенъ складывали костеръ, кидали туда же всю утварь, иконы и лампадку, костеръ зажигали, а сами уходили.

— А что же хозяева? — спросилъ я, — какъ же они?

— А ужъ это какъ Богъ... Иной добредетъ до деревни или жительства — ну, тотъ счастливъ. А который не успѣетъ, захватитъ его морозъ въ лѣсу или пурга въ полѣ, такъ и замерзнетъ. Нашли такого одного: сидитъ старче подъ деревомъ, закуржавѣлъ весь. Глаза открыты и на глазахъ снѣгъ. А пальцы сложаны двуперстіемъ...

— И вы не чувствовали, что это грѣхъ? — спросилъ я, взволнованный этимъ разсказомъ.

Разсказчикъ слегка вздохнулъ.

— По приказу начальства... Конечно, можетъ и грѣхъ. Съ начальства и взыщется... Ну, и начальству тоже нельзя иначе. Тоже и имъ приказываютъ — потому много и изъ скитниковъ этихъ безпаспортныхъ бродягъ, бѣглыхъ солдатъ, даже такъ что и разбойниковъ съ каторги.

Мы ѣхали дальше. Опять скрипѣли полозья,

звенѣлъ колокольчикъ, глухо шумѣли отодвигавшіеся назадъ лѣса, давно тонувшіе въ ночномъ сумракѣ. А въ головѣ такія же сумрачныя и значительныя плыли мысли. Можетъ быть, и теперь въ этихъ чащахъ теплятся огоньки передъ иконами и таинственные старцы, удалившіеся отъ грѣшнаго міра, молятся, вздыхая о правдѣ. Замѣчаніе разсказчика о томъ, что среди нихъ бываютъ бродяги и даже разбойники, какъ-то проскользнуло мимо моего вниманія, какъ когда-то проскальзывали «циничныя» замѣчанія Ардаліона о Веселитскомъ... Темный умомъ, преданный суевѣрію, но свѣтлый духомъ, — такимъ рисовался мнѣ образъ лѣсного скитника. И душой я былъ съ нимъ противъ гонителей, въ томъ числѣ и такихъ, какъ мой провожатый, невѣдающій, что творитъ...

Мы ѣхали всю ночь, чтобы захватить еще остатки разрушающейся дороги. На слѣдующій день, выѣхавъ съ одной изъ почтовыхъ станцій, мы вскорѣ остановились въ большой деревнѣ. Тутъ жила семья везшаго насъ съ этой станціи ямщика, и онъ на минуту забѣжалъ въ свою избу. День былъ яркій, солнечный и теплый. Вдоль широкой и длинной улицы стояли просторныя, по большей части двухъэтажныя, избы. На нихъ лежалъ еще снѣгъ, но кое-гдѣ чернѣли уже темныя пятна тесовыхъ крышъ, и вдоль всей улицы, прохваченной горячими весенними лучами, сверкала веселая живая капель. Нигдѣ ни садика, ни длиннаго забора. Мнѣ вспомнилось, что природу нашего сѣвера назвалъ кто-то золотушной.

Изъ избы, куда за ямщикомъ ушелъ мой провожатый, вышелъ хозяинъ, вѣроятно, отецъ ямщика. Онъ былъ высокъ и моложавъ. У него были свѣтлые рыжеватые волосы, такіе же небольшіе рыжеватые усы и бородка. Онъ былъ широкоплечъ и, повидимому, силенъ, съ большими рабочими руками, но грудь у него была впалая, и вся фигура странно гармонировала съ этой, кипящей жизнью, но все-таки золотушной, сѣверной природой. Онъ былъ безъ полушубка и безъ шапки и въ рукахъ несъ большой жбанъ... Подойдя къ санямъ, онъ поклонился мнѣ съ какой-то истовой и важной ласковостью.

— Испей, пріятель, не побрезгуй: на праздникъ варили... — И онъ подалъ мнѣ жбанъ съ брагой.

Я выпилъ и отъ души поблагодарилъ его. Когда онъ ушелъ, меня вдругъ охватило какое-то особое ощущеніе глубокой нѣжности и любви къ этому человѣку, нѣтъ, ко всѣмъ этимъ людямъ, ко всей деревнѣ съ растрепанными подъ снѣгомъ крышами, ко всей этой сѣверной бѣдной природѣ съ ея бѣлыми полями и темными лѣсами, съ сумеречнымъ холодомъ зимы, съ живой весенней капелью, съ затаенной думой ея необъятныхъ просторовъ... Судьба моя сложилась такъ, что это захватывающее чувство мнѣ пришлось пережить на сѣверѣ. Случись такая же минута и при такихъ же обстоятельствахъ на моей родинѣ, въ Волыни или на Украйнѣ, можетъ быть, я бы почувствовалъ себя болѣе украинцемъ. Но и впослѣдствіи такія опредѣляющія минуты свя-

зывались съ великорусскими или сибирскими впечатлѣніями...

Теперь все, что я читалъ у Некрасова, у Тургенева, во всей народнической литературѣ, внезапно вспыхнуло и освѣтило ощущеніе этихъ дней и особенно этой дороги двумя стѣнами дремучаго лѣса, подъ разсказы о пустынныхъ скитахъ и ихъ разорителяхъ. И надъ всѣмъ какъ будто поднялся обликъ этого высокаго, но точно изможденнаго богатыря, подходящаго съ величавымъ поклономъ и привѣтливымъ словомъ къ незнакомому гонимому человѣку.

LXVI

ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ — ВСТРѢЧА СЪ ТОВАРИЩАМИ ПЕТРОВЦАМИ — СТАТЬЯ ИСПРАВНИКА ВЪ «ГОЛОСѢ»

Мы пріѣхали въ Вологду.

Опять та же дежурная комната въ полицейскомъ управленіи, и тотъ же радушный полицеймейстеръ. Пріѣхалъ я къ вечеру, а ночью ко мнѣ неожиданно ворвался мой братъ. Узнавъ о безпорядкахъ въ академіи и о томъ, что я былъ депутатомъ, онъ тотчасъ же бросился въ Москву. Товарищи въ академіи дали ему указанія и онъ пріѣхалъ въ Вологду. Здѣсь онъ сдѣлалъ такой стремительный натискъ на дежурнаго чиновника, что тотъ растерялся, и я неожиданно проснулся въ объятіяхъ брата. Мы оба хохотали, когда на утро

этотъ чиновникъ, небольшой субъектъ съ круглымъ лицомъ и усами, какъ у таракана, успѣвшій уже зарядиться по случаю праздника или для храбрости, говорилъ мнѣ:

— Напугалъ меня, знаете ли... Ворвался, знаете ли: гдѣ, говоритъ, мой братъ? Я уже думалъ: не мазурикъ ли, знаете ли? А это оказывается любезный вашъ братецъ...

Явившійся утромъ полицеймейстеръ только головой покачалъ, узнавъ объ этомъ неожиданномъ вторженіи. Это было тоже проявленіе сравнительно благодушныхъ нравовъ тогдашней ссылки, совершенно невозможное впослѣдствіи...

Въ тотъ же день ко мнѣ вторично явился губернаторъ Хоминскій съ моимъ заявленіемъ, о желаніи вернуться въ Кронштадтъ, въ рукахъ.

— Но развѣ Кронштадтъ ваша родина? — спросилъ онъ. Я отвѣтилъ откровенно, почему написалъ о Кронштадтѣ. Если туда нельзя, то я предпочитаю Усть-Сысольскъ. Хоминскій подумалъ и махнулъ рукой.

— Хорошо, я удовлетворюсь вашимъ отвѣтомъ и препровожу васъ въ Петербургъ. — Но согласятся ли тамъ-то — вопросъ. Васъ все-таки могутъ отправить въ Волынскую губернію.

Дня черезъ два мы отправились въ обратный путь по узкоколейной вологодской линіи, въ сопровожденіи прилично снаряженнаго, даже щеголеватаго, городового. Братъ, конечно, ѣхалъ со мной въ томъ же вагонѣ.

Въ Москву мы пріѣхали утромъ. Поѣздъ на Петербургъ отправлялся кажется часа въ че-

тыре, и мы уже условились съ моимъ благодушнымъ провожатымъ, что я поѣду повидаться съ сестрой въ институтъ, а онъ тоже повидаетъ въ Москвѣ какихъ-то своихъ родственниковъ и затѣмъ явится на вокзалъ. Мы такъ и сдѣлали, но, повидимому, у полицейскаго явились все-таки нѣкоторыя сомнѣнія и вмѣсто вокзала онъ пріѣхалъ за мной въ институтъ. Его появленіе и мой уходъ въ сопровожденіи полицейскаго произвелъ въ институтѣ настоящую сенсацію. Въ окнахъ мелькали любопытныя юныя лица, а почтенный швейцаръ провожалъ меня изумленнымъ и какъ будто шокированнымъ взглядомъ. Это былъ, вѣроятно, въ лѣтописяхъ института первый случай такого посѣщенія.

Братъ присоединился ко мнѣ уже въ поѣздѣ, при остановкѣ у платформы Петровской академіи, въ двѣнадцати верстахъ отъ Москвы. Вмѣстѣ съ нимъ въ вагонъ ввалились гурьба студентовъ-петровцевъ, узнавшихъ о моемъ проѣздѣ. Мы горячо обнялись, но я замѣтилъ какое-то облако въ ихъ настроеніи. Помню, тутъ былъ между прочимъ полякъ Керсновскій. У него были прекрасные волнистые волосы. Теперь онъ былъ низко остриженъ. На мое шутливое замѣчаніе по этому поводу онъ угрюмо отвернулъ голову и густой румянецъ показался на его тонкомъ и нервномъ лицѣ.

— Надо было совсѣмъ обрить голову, — сказалъ онъ. — Дались въ обманъ, какъ послѣдніе идіоты.

Они разсказали мнѣ о томъ, что происходило въ академіи послѣ нашего отъѣзда изъ

Москвы. Профессора убѣждали студентовъ подчиниться. Особенно горячо говорили профессоръ богословія свящ. Головинъ, извѣстный въ Москвѣ краснорѣчивый проповѣдникъ, а также профессоръ Иванюковъ. Видя, что со всей массой справиться трудно, такъ какъ нѣкоторые курсы вліяютъ на остальныхъ, администрація потребовала, чтобы студенты разошлись и рѣшали по курсамъ отдѣльно.

На этомъ одно время сосредоточилась вся борьба. Нѣсколько разъ начинали уже расходиться, но каждый разъ это теченіе останавливалъ Эдемскій. Стоя на окнѣ большого рекреаціоннаго зала, возбужденный, съ мрачно сверкающими глазами, онъ нѣсколькими окриками удерживалъ уходящихъ и толпа шарахалась назадъ. Она была охвачена невѣроятнымъ возбужденіемъ. Богословъ-священникъ произнесъ горячую рѣчь, въ заключеніе которой заплакалъ. Слово его произвело нѣкоторое впечатлѣніе, но въ это время изъ рядовъ выбѣжалъ маленькій бѣлобрысый студентикъ, бывшій семинаристъ. Это было незамѣтное, блѣдное, тщедушное существо. Онъ жилъ какъ-то уединенно, ни съ кѣмъ не сходясь. Вѣроятно, въ какой-нибудь отдаленной бурсѣ онъ много натерпѣлся отъ духовнаго начальства, и въ его сердцѣ накипѣла болѣзненная ненависть. Выбѣжавъ впередъ, онъ истерическимъ голосомъ выкрикнулъ въ свою очередь какой-то текстъ изъ пророка и продолжалъ:

— А, вы почувствовали, что пришелъ конецъ вашему царству, царству Веліяла. Да, пришелъ, пришелъ конецъ.

И онъ, какъ сумасшедшій, выбѣжалъ изъ рекреаціоннаго зала. Одинъ изъ главныхъ аргументовъ сторонниковъ подчиненія было соображеніе о судьбѣ депутатовъ. Аргументъ былъ хорошо разсчитанъ и толпа наконецъ поддалась: сначала разошлась по курсамъ, а затѣмъ одинъ курсъ за другимъ сталъ посылать къ Ливену депутаціи съ повинной.

Результатъ былъ достигнутъ, но какой цѣной? Когда насъ все-таки выслали, вся эта молодежь почувствовала себя обманутой, а представители того государства, которому они скоро будутъ служить, явились въ ея глазахъ обманщиками.

Студенты провожали меня на протяженіи двухъ-трехъ станцій. Если я былъ «вреднымъ смутьяномъ», то въ этой встрѣчѣ, въ горячихъ чувствахъ, ею вызванныхъ, сказалось несомнѣнное моральное торжество «смуты» надъ официальнымъ «порядкомъ».

И сколько поколѣній русской молодежи проходило и ранѣе и послѣ этой исторіи черезъ ту же волну горячешнаго подъема. Глубокая моральная болѣзнь существующаго порядка сказывалась въ этомъ. Не вопросы о столовыхъ или землячествахъ, не частные вопросы академическаго быта, а полное отсутствіе уваженія къ основамъ строя, вотъ что періодически потрясаетъ нашу молодежь. Молодость безкорыстна и великодушна. Еще несвязанная путами житейской практики и личными интересами, — становясь у порога жизни, она колеблется отдать свои силы на службу тому строю, въ основаніи котораго она чувствуетъ

неправду. И вотъ въ первомъ порывѣ, по любому поводу, въ наиболѣе доступной ей формѣ, она готова открыто высказать эти свои чувства. Силой, непомѣрными репрессіями или лукавствомъ и хитростью, какъ въ нашемъ случаѣ — достигается формальное подчиненіе «порядку». А потомъ, переживъ этотъ опасный періодъ, молодежь втягивается въ служебную лямку, изъ которой ей нѣтъ уже выхода. Но входитъ она туда часто съ глубокимъ надломомъ. Поговорите съ любымъ состарившимся на службѣ чиновникомъ, и въ минуту откровенности вы непремѣнно откроете въ его душѣ уголокъ, своего рода часовенку, гдѣ, какъ нѣкія реликвіи, онъ хранитъ воспоминанія о томъ, что «и мы были молоды, и мы увлекались». И это прошлое, когда онъ стоялъ еще на рубежѣ жизни и чувствовалъ себя противникомъ строя, которому теперь служитъ, онъ навѣрное считаетъ лучшимъ періодомъ своей жизни...

Товарищи передали мнѣ, что Вернеръ высланъ въ Глазовъ, Вятской губерніи, а Григорьевъ въ Пудожъ Олонецкой. Кажется, смягчая мою участь, государь (Александръ II) захотѣлъ отмѣтить разницу между ними и мною: какъ бывшіе офицеры, они должны были нести болѣе суровое наказаніе. Этимъ я и былъ обязанъ предложеніемъ отбыть ссылку на родинѣ.

Поѣздъ, съ которымъ я ѣхалъ, былъ какой-то медленный, и въ Петербургъ въ зданіе градоначальства меня привезли довольно поздно. Въ канцеляріи давно уже никого не было,

и меня провели какими-то ходами въ комнату въ нижнемъ этажѣ. Здѣсь мнѣ пришлось дожидаться довольно долго, пока мою бумагу носили къ секретарю градоначальства, если не ошибаюсь, Фурсову.

Братъ мой былъ юноша предпріимчивый: прямо съ вокзала онъ отправился къ одному изъ нашихъ близкихъ товарищей, земляку Бржозовскому, и оба они по свѣжимъ слѣдамъ отправились въ градоначальство. Здѣсь, не знаю уже какимъ путемъ, имъ удалось проникнуть въ ту комнату, гдѣ я дожидался, и мы дружески бесѣдовали втроемъ, когда неожиданно входная дверь открылась, и въ комнату вошелъ секретарь. Это былъ мужчина высокаго роста, одѣтый въ штатское, съ большими пушистыми усами. Видно было, что его подняли съ постели, что онъ не доволенъ, даже сердитъ. Войдя, онъ остановился въ изумленіи.

— Эт-то что еще за компанія? Какъ вы сюда попали, кто васъ сюда пустилъ? Я васъ сейчасъ арестую.

Онъ быстро открылъ дверь, чтобы позвать кого-нибудь, а я въ это время въ другую дверь выпроводилъ брата и Бржозовскаго. Когда Фурсовъ вернулся съ какимъ-то полицейскимъ, ихъ и слѣдъ простылъ. Онъ накинулся на моего вологодскаго провожатаго, но тотъ могъ только сказать, что одинъ изъ посѣтителей мой братъ и пріѣхалъ вмѣстѣ со мной, а другого онъ не знаетъ. На гнѣвный вопросъ, обращенный ко мнѣ, я отвѣтилъ спокойно,

что не вижу никакой надобности называть ему моего товарища.

Это привело его въ совершенную ярость. Пробѣжавъ бумагу отъ вологодскаго губернатора, онъ сказалъ:

— Ну, это дудки-съ... Что за мѣсто ссылки Кронштадтъ... Нѣтъ-съ, батюшка, ваша родина Волынская губернія?.. Ну такъ вотъ, — сейчасъ же въ пересыльную и въ Житоміръ.

Онъ поднялся по узкой винтовой лѣстницѣ наверхъ.

— Къ Трепову пошелъ, — прошепталъ полицейскій, котораго Фурсовъ привелъ съ собой, чтобы арестовать моихъ посѣтителей. — Плохо ваше дѣло: разбудитъ... Генералъ осердится... Не иначе въ пересыльную отправитъ...

Однако, черезъ полчаса сердитый господинъ спустился по той же лѣстницѣ и, проходя черезъ комнату, обронилъ, пожимая плечами:

— Странно. Генералъ находитъ возможнымъ... Кронштадтскій пароходъ отходитъ завтра въ 9 часовъ утра, но раньше идетъ поѣздъ на Ораніенбаумъ. Выбирайте. А ты, — обратился онъ къ вологодскому полицейскому, — повезешь до мѣста и сдашь Кронштадтскому полицеймейстеру. Сейчасъ получишь бумагу.

Я рѣшилъ ѣхать на Ораніенбаумъ, и мы отправились на вокзалъ дожидаться поѣзда. Раннимъ утромъ съ ораніенбаумскимъ пароходомъ мы высадились въ кронштадтской пристани.

Такимъ образомъ, мой первый ссыльный путь былъ конченъ.

Чтобы покончить также и съ нашей академической исторіей, мнѣ приходится сказать еще

нѣсколько словъ. Послѣ извѣстныхъ крупныхъ студенческихъ безпорядковъ въ концѣ 60 гг. и послѣ нечаевскаго процесса — замѣтныя движенія среди молодежи стихли, студенческихъ безпорядковъ не было... Начиналось что-то въ Медико-хирургической академіи, но быстро стихло. Среди этого затишья наша, въ сущности, незначительная исторія разразилась, какъ громъ среди яснаго неба. О ней много говорили въ обществѣ, но не рѣшались писать въ газетахъ. Появились только самыя краткія сообщенія съ упоминаніемъ трехъ нашихъ фамилій. Газеты ждали, вѣроятно, правительственнаго сообщенія, но его тоже не было. Наконецъ, «Голосъ» Краевскаго рѣшился напечатать замѣтку объ этомъ дѣлѣ, вѣроятно, потому, что она исходила изъ самаго «благонадежнаго» источника: ее прислалъ знакомый уже намъ старый балагуръ, исправникъ Ржевскій. Онъ изложилъ ее по своему. Студенты подали ребяческое заявленіе, въ которомъ между прочимъ «требовали себѣ женщинъ». Они волновались и не хотѣли принести извиненія, но къ счастью тутъ случился мѣстный исправникъ, человѣкъ опытный и знакомый съ нравами молодежи. И вотъ достаточно было нѣсколькихъ простыхъ и сердечныхъ словъ, сказанныхъ этимъ старикомъ, любящимъ молодежь, и любимымъ ею, чтобы безпорядки сразу стихли.

Братъ доставилъ мнѣ эту замѣтку уже въ Кронштадтѣ. Онъ и еще нѣсколько студентовъ являлись въ редакцію для объясненія, и тамъ имъ сообщили, что замѣтка напечатана имен-

но потому, что написана исправникомъ. Въ обществѣ ходятъ толки и слухи, а печатать ничего нельзя. Газета поэтому «рискнула» помѣстить сообщеніе изъ «благонадежнаго источника». Такъ какъ при этомъ были упомянуты фамиліи депутатовъ, въ томъ числѣ и моя, то я счелъ своимъ формальнымъ правомъ послать «письмо въ редакцію», въ которомъ съ юнымъ негодованіемъ опровергалъ измышленіе исправника. Но мнѣ отвѣтили, что послѣдовало положительное запрещеніе касаться этой исторіи.

Этотъ эпизодъ оставилъ во мнѣ накипь презрительнаго негодованія къ «либеральной» газетѣ Краевскаго. Я написалъ новое письмо, хотя уже не для печати, въ которомъ говорилъ, что газета, помѣстившая «гнусную клевету изъ полицейскаго источника», нравственно обязана снять ее, не считаясь съ запрещеніемъ...

Разумѣется, отвѣта не послѣдовало.

LXVII

ВЪ КРОНШТАДТѢ — ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРЪ ГОЛОВАЧЕВЪ

Кронштадтъ и тогда былъ на особомъ положеніи: управляли имъ моряки. Полицеймейстеромъ былъ капитанъ Головачевъ, а комендантомъ, вродѣ губернатора, адмиралъ Козакевичъ. Головачева прозывали въ городѣ «Капитаномъ Носомъ», такъ какъ носъ его заканчивался большими синими желваками. Это

былъ нестарый человѣкъ, въ морскомъ мундирѣ, съ кортикомъ, подвижной, дѣятельный, экспансивный и предпріимчивый до такой степени, что въ скоромъ времени попалъ подъ судъ по обвиненію заразъ въ тридцати двухъ преступленіяхъ. Одно изъ нихъ состояло въ томъ, что, выйдя на базаръ за пять минутъ до окончанія церковной службы и увидя, что торговцы, вопреки приказу, поторопились открыть уже свои лавки, онъ сталъ среди площади и крикнулъ зычнымъ голосомъ:

— Братцы, матросики... Грабь ихъ въ мою голову. Чтобы помнили законъ.

Толпа не заставила повторить себѣ этотъ приказъ. Матросы разныхъ націй кинулись на лари съ крикомъ: «Ура, капитанъ Носъ приказалъ» — и, кажется, еще до конца службы базаръ былъ разграбленъ.

Это было уже слишкомъ громко и рѣшительный полицеймейстеръ былъ наконецъ отданъ подъ судъ. Но въ то время, когда я прибылъ въ Кронштадтъ, онъ былъ еще въ полной силѣ, и его темпераментъ совершенно соотвѣтствовалъ взглядамъ высшей морской администраціи.

Моряки были тогда народъ либеральный. Пробѣжавъ бумагу, Головачевъ галантно пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— А, знаю. Ваша фамилія упоминалась въ газетахъ... Ну, что жъ, добро пожаловать... Сейчасъ мы отправимся къ адмиралу.

Моего провожатаго отпустили, а мы съ полицеймейстеромъ отправились на его лошадяхъ въ адмиралтейскій дворецъ. Было еще довольно рано и мнѣ пришлось дожидаться въ гости-

ной, гдѣ мебель была покрыта чехлами. Наконецъ, адмиралъ вышелъ вмѣстѣ съ Головачевымъ. Послѣдній имѣлъ такой видъ, какъ будто привезъ къ начальнику нѣкоторую рѣдкость, которая должна ему доставить удовольствіе. Адмиралъ, повидимому, поднятый съ постели, имѣлъ видъ нѣсколько заспанный, но встрѣтилъ меня радушно.

— Добро пожаловать, — сказалъ и онъ. — Очень радъ съ вами познакомиться... Жалѣю, что знакомство произошло при такихъ обстоятельствахъ. Ну, да авось недолго. Надѣюсь, мы съ вами ссориться не будемъ. Теперь вы свободны.

Выбѣжавъ изъ дворца, я нанялъ извозчика и поѣхалъ на квартиру двоюроднаго брата.

Мать была нездорова и лежала въ постели. Болѣзнь ея была чисто нервная, а въ послѣдніе дни она замѣчала, что отъ нея что-то скрываютъ и догадывалась, что это относится ко мнѣ. Она широко открыла глаза, когда я, въ сопровожденіи двоюроднаго брата и его жены, вбѣжалъ въ ея комнату и обнялъ ее, весело смѣясь. Она удивилась и обрадовалась. Пользуясь этимъ моментомъ радостнаго возбужденія, я сразу сообщилъ ей, что ея мечты о хозяйствѣ въ лѣсномъ домикѣ разлетѣлись прахомъ, но зато мы будемъ жить вмѣстѣ. Она смѣялась и плакала въ одно и то же время.

Итакъ, я зажилъ «на надзорѣ», по выраженію моего ярославскаго тюремнаго товарища, въ Кронштадтѣ. Сестра моя кончила институтъ, и мы рѣшили поселиться отдѣльно отъ двоюроднаго брата на своемъ хозяйствѣ. Млад-

шій братъ въ это время поступилъ вольнослушателемъ въ строительное училище и жилъ въ Петербургѣ. Старшій продолжалъ работать въ корректурѣ, но уже самостоятельно. Онъ тоже вырвался изъ цѣпкихъ когтей Студенскаго. Младшая сестра жила съ матерью. Мнѣ пришлось искать работу въ Кронштадтѣ и я сдѣлалъ объявленіе въ мѣстномъ «Вѣстникѣ», что «студентъ ищетъ занятій». При этомъ я перечислилъ: уроки, чертежи, рисунки и... корректуру.

Въ тотъ же день я получилъ экстренное приглашеніе къ Головачеву.

— Батюшка... Что же вы это со мной дѣлаете? — И онъ указалъ на объявленіе. Я удивился, что же именно приводитъ его въ такое негодованіе — уроки, чертежи, корректура?

— Вотъ, вотъ она самая. Уроки — ничего, но кор-рек-тура... Это невозможно... Вотъ чертежи другое дѣло. Можете ли вы, кстати, начертить намъ для полицейскаго управленія пожарный обозъ новаго образца? Да чтобы краски, какъ въ натурѣ... Можете? Превосходно. Ѣдемъ сейчасъ же въ часть.

И стремительный полицеймейстеръ повезъ меня въ одну изъ частей, гдѣ стоялъ пожарный обозъ новаго образца, какой одинъ разъ мнѣ уже былъ продемонстрированъ въ Вологдѣ. Я его зачертилъ, вымѣрилъ и черезъ недѣлю весь обозъ, съ бочками, насосами, телѣгой для пожарной лѣстницы и багровъ, ярко раскрашенный сурикомъ и синею краскою, былъ доставленъ Головачеву, а еще черезъ недѣлю, вста-

вленный въ изящныя рамы, онъ украсилъ стѣны полицеймейстерскаго кабинета въ управленіи.

— Вотъ это такъ, — говорилъ Головачевъ въ восторгѣ: — это не кор-рек-тура-съ. Этимъ занимайтесь сколько угодно... А можете вы составить планъ спасательной станціи?

— Это уже не по моей части, — сказалъ я. — Я не архитекторъ.

— Ну, пустяки... Съѣздите въ Ораніенбаумъ, срисуйте тамъ спасательную станцію, какъ вы срисовали обозъ, и дѣло въ шляпѣ.

— Но, вѣдь, съ меня взята подписка о невыѣздѣ за черту города.

— Наплевать. Ѣздите, сколько угодно, только не попадите въ какую-нибудь исторію. Скандальчикъ какой-нибудь, знаете, съ протоколомъ, или что-нибудь въ этомъ родѣ — тогда конечно непріятность. А сейчасъ поѣдемъ посмотрѣть выбранное мною мѣсто. Я уже его и огородилъ... Думскіе подлецы подали ябеду за самовольный захватъ. Крючкотворы... — Онъ вздохнулъ. — Думаете, мы не боремся? Боремся, батюшка, не хуже вашего.

На этотъ разъ «думскіе крючкотворы» восторжествовали и наша станція не состоялась.

Однажды Головачевъ опять пригласилъ меня и сказалъ:

— Есть у меня пріятель, начальникъ миннаго офицерскаго класса, Владиміръ Павловичъ Верховскій. Я ему говорилъ объ васъ и показывалъ рисунки пожарнаго обоза: хотите поступить въ минный классъ чертежникомъ?

Я нѣсколько удивился неожиданному предло-

женію: Головачева испугала корректура, и онъ же предлагаетъ работу въ такомъ учрежденіи. Впрочемъ, можетъ быть, я удивляюсь заднимъ числомъ: тогда терроръ еще не разгорѣлся, химія и взрывчатыя вещества не играли никакой роли въ революціи, и вскорѣ я сталъ проводить утренніе часы за чертежной доской въ минномъ офицерскомъ классѣ.

LXVIII

СРЕДИ МОРЯКОВЪ — В. П. ВЕРХОРСКІЙ И ДѢЛОВАЯ ФИЛОСОФІЯ — АДМИРАЛЪ ПОПОВЪ

И учрежденіе, и его работа, и начальникъ его представляли много интереснаго. Въ моемъ столѣ хранились чертежи всѣхъ минъ, не исключая и чуда тогдашняго миннаго искусства, мины Уайтхеда, которая, получивъ приказаніе, могла идти со скоростью 30 верстъ въ часъ на любой глубинѣ подъ водой, взорвать подводную часть корабля, а въ случаѣ неудачи вернуться обратно. Въ той же комнатѣ, гдѣ я работалъ, офицеры читали матросамъ лекціи, а въ сосѣдней, гдѣ находился большой бетонированный бассейнъ-колодезь, производились опыты небольшихъ взрывовъ подъ водой. Тамъ же готовились взрывчатые патроны съ говардовой ртутью. Однажды въ той комнатѣ вдругъ раздался взрывъ. Оказалось, что у одного минера оторвало кисть руки.

Его увезли въ больницу, а офицеръ тотчасъ же собралъ минеровъ и прочелъ имъ лекцію объ изготовленіи патроновъ. Онъ перечислилъ всѣ предосторожности и закончилъ:

— Но такъ какъ все-таки, несмотря на всѣ предосторожности, говардова ртуть взрывается иногда отъ неизвѣстной причины, то каждый работающій минеръ не долженъ имѣть ее въ данное время болѣе, чѣмъ на тридцать патроновъ. Тогда въ случаѣ взрыва погибнетъ минеръ, пострадаетъ, можетъ быть, комната, но зданіе останется цѣло.

Изъ этого я вывелъ пріятное заключеніе, что и я работаю съ такими сюрпризами. Безпеченъ русскій человѣкъ. Проходя ежедневно купаться по одной изъ дамбъ, выдававшейся далеко въ море, у откоса которой была построена избушка для сушки пироксилина, я не разъ имѣлъ случай наблюдать, какъ матросы набивали цилиндрическія мины пироксилиномъ, держа въ то же время горящія трубки въ зубахъ.

— Никто, какъ Богъ, — увѣренно отвѣтилъ на мое замѣчаніе матросъ.

И эта теорія получила вскорѣ блестящее подтвержденіе: пироксилинъ какъ-то пересушили, и онъ вспыхнулъ. Надо замѣтить, что взрывъ и простое сгораніе пироксилина даютъ различные результаты. На этотъ разъ онъ просто сгорѣлъ. Домикъ все-таки разнесло отъ напора быстро развившихся газовъ, но матроса, стоявшаго въ это время у открытаго окна (можетъ быть, того самаго, который изрекъ

эту философскую сентенцію), только выкинуло саженей на двадцать въ море, при чемъ онъ отдѣлался простымъ испугомъ и купаньемъ.

Я попалъ въ новую среду — моряковъ и съ любопытствомъ присматривался къ ней. Завѣдующій миннымъ офицерскимъ классомъ В. П. Верховскій казался мнѣ человѣкомъ замѣчательнымъ: небольшого роста, полный, отчасти напоминающій Наполеона лицомъ и шевелюрой, онъ былъ замѣчательный математикъ и прекрасный администраторъ. Распоряженія его всегда были быстры, точны, отчетливы. Мнѣ казалось, что ему предстоитъ большое будущее. Но... онъ все-таки былъ русскій человѣкъ и жилъ въ русскихъ условіяхъ, которыя напомнили мнѣ Тотьму, унылаго таксатора Успенскаго и его веселаго сожителя взяточника.

Однажды Верховскій заказалъ мнѣ небольшой чертежъ антресолей для склада минъ. Я выполнилъ эту работу, причемъ спроектировалъ два окна, такъ какъ считалъ освѣщеніе недостаточнымъ, лѣстницу съ баллюстрадой и такія же перила вдоль антресоли. Верховскій остался очень недоволенъ.

— Эхъ, — сказалъ онъ съ досадой, — вѣдь строить-то будемъ не мы, а военно-инженерное вѣдомство. Ну, они намъ каждую балясину вгонятъ въ десятки рублей... Мы это сдѣлаемъ все своими средствами, безъ плана. И мнѣ пришлось передѣлать чертежъ.

Черезъ нѣкоторое время явился военный инженеръ въ сопровожденіи подрядчика Кузьмы. Инженеръ былъ чрезвычайно благообразный

старичекъ, съ лицомъ сладкимъ почти до святости. Посмотрѣвъ на чертежъ, онъ сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Вы не знаете своего дѣла, молодой человѣкъ: свѣту мало, перилъ нигдѣ нѣтъ. — Я усмѣхнулся и промолчалъ. Верховскій одобрительно посмотрѣлъ на меня и тоже смолчалъ. Святой старичекъ, казалось, понялъ и прослѣдовалъ дальше, а подрядчикъ Кузьма остался. Молодые офицеры окружили его и стали смѣяться:

— Что, Кузьма, на этотъ разъ не выкусите?

Кузьма, кажется, рязанскій мужичокъ въ синемъ армякѣ, съ окладистой бородой, съ скуластымъ умнымъ и хитрымъ лицомъ, сталъ отгрызаться:

— Да много ли тутъ и всего-то, если бы были перила и окна? На все вѣдь справочныя цѣны.

— Ну, ужъ, чтобы вы не нашли, съ вашимъ инженеромъ, на чемъ украсть? — сказалъ, помнится, Перелешинъ, впослѣдствіи погибшій на «Вестѣ».

Кузьма посмотрѣлъ на него заискрившимся лукавымъ взглядомъ и сказалъ съ удивившей меня откровенностью:

— Ну, ужъ, не найти. Чай у насъ головы-то не опилками набиты. Найде-емъ. Теперь-то мы вашего капитана еще пуще того прижмемъ... Не мудри.

Кузьма смѣялся, офицеры тоже смѣялись и только мнѣ съ непривычки казалась поразительной эта циническая откровенность. Въ

Тотьмѣ — кондукторъ. Здѣсь — Кузьма со своимъ инженеромъ. Всюду гниль и разложеніе, — думалъ я среди общаго смѣха и шутокъ военной молодежи.

Въ другой разъ Верховскій поручилъ мнѣ расчертить всѣ отдѣльныя части мѣдной цилиндрической мины, чтобы сдать крупный заказъ артиллерійскому заводу въ томъ же Кронштадтѣ. Чертежи вернулись съ завода съ расцѣнкой. Взглянувъ на нихъ, я былъ прямо пораженъ явнымъ и ни съ чѣмъ несообразнымъ хищничествомъ: простые мѣдные дюймовые винтики были оцѣнены по семи рублей. Я былъ молодъ и наивенъ. Верховскій мнѣ казался очень порядочнымъ человѣкомъ, и я не удержался отъ выраженія удивленія. Лицо его слегка вспыхнуло и онъ тотчасъ же послалъ матроса за мастеромъ, дѣлавшимъ расцѣнку. Явился субъектъ въ мундирѣ чиновника военнаго вѣдомства, съ лицомъ еврейскаго типа. Я слышалъ изъ-за дверей, какъ Верховскій кричалъ и горячился: — «Я васъ подъ судъ отдамъ. Лично поѣду къ генералъ-адмиралу. Это грабежъ».

Субъектъ возражалъ что-то слегка визгливымъ и смиреннымъ голосомъ. Когда онъ вышелъ изъ кабинета, лицо его было красно и все въ поту, но губы передергивала ироническая и, какъ мнѣ казалось, все-таки торжествующая улыбка. Черезъ день или два расцѣнки вернулись исправленными, но исправленія были таковы, что казались просто насмѣшкой. Вѣроятно, въ моемъ взглядѣ Верховскій опять замѣтилъ недоумѣніе. Онъ понялъ настроеніе

«неопытнаго студента» и, глядя на меня своимъ умнымъ и твердымъ взглядомъ, сказалъ:

— Я могъ бы уже десять разъ отдать этого мерзавца подъ судъ. Но вѣдь я знаю: на его мѣсто будетъ назначенъ такой-то, фаворитъ генерала NN, русскій, но воръ въ десять разъ загребистѣе. Съ тѣмъ будетъ еще труднѣе. Ну, а мнѣ, — закончилъ онъ, твердо отчеканивая слова, — нужно, чтобы шла моя дѣловая работа... Бороться съ общими порядками мнѣ некогда. Я человѣкъ дѣловой.

Вся атмосфера Кронштадта была проникнута той же «дѣловой» философіей. Она побѣждала и затягивала даже честныхъ людей. Въ то время много говорили о слѣдующей исторіи. На одно военное судно былъ назначенъ новый командиръ. Это былъ человѣкъ молодой, талантливый, отличный служака, обожаемый командой и очень честный. На первыхъ же порахъ онъ отказался принять большую партію угля, совершенно несоотвѣтствовавшаго кондиціямъ. Подрядчикъ представлялъ большую силу въ вѣдомствѣ, и среди офицеровъ, не въ однихъ морскихъ кругахъ, съ интересомъ ждали, чѣмъ кончится это столкновеніе завѣдомо честнаго человѣка съ завѣдомымъ воромъ.

Кончилось оно неожиданно: въ одинъ прекрасный день на судно явился генералъ-адмиралъ, великій князь Константинъ Николаевичъ. На суднѣ все оказалось въ образцовомъ порядкѣ. Обойдя корабль отъ палубы до трюма съ сдержаннымъ видомъ, великій князь сказалъ на прощанье:

— Хорошо... Но, говорятъ, вы притѣсняете подрядчика. Это не надо.

Офицеру оставалось сдѣлать шагъ чисто революціонный: выйти въ отставку въ видѣ протеста, или подчиниться... Кажется, офицеръ подчинился установленному «порядку».

Въ морской средѣ ко мнѣ, «высланному студенту», относились вообще хорошо.

Однажды въ чертежную, гдѣ я работалъ, растянувшись надъ большой чертежной доской, неожиданно вошла гурьба офицеровъ. Впереди шелъ, въ сопровожденіи Верховскаго, старый адмиралъ, небольшого роста, очень полный, съ грубымъ, невыразительнымъ лицомъ. Я всталъ навстрѣчу вошедшимъ, поздоровался съ знакомыми, а затѣмъ опять принялся за работу въ прежней позѣ. Повидимому, это было нарушеніемъ привычной для адмирала почтительности: чертежникъ долженъ бы стоять все время, пока онъ въ комнатѣ. Это былъ знаменитый въ тѣ времена всесильный въ морскомъ вѣдомствѣ Поповъ, строитель не менѣе знаменитыхъ «поповокъ», оказавшихся на дѣлѣ совсѣмъ негодными. Поповъ былъ извѣстенъ, какъ грубый самодуръ. Если не ошибаюсь, его вывелъ впослѣдствіи Станюковичъ въ разсказѣ подъ названіемъ «Грозный адмиралъ».

Вся компанія остановилась въ той же комнатѣ у цилиндрической уайтхедовской мины, но прежде, чѣмъ приступить къ осмотру, адмиралъ обратилъ вниманіе на непочтительнаго чертежника.

— Кто? — кинулъ онъ громко, кивнувъ головой въ мою сторону.

— Чертежникъ, студентъ, — отвѣтилъ Верховскій и прибавилъ тише нѣсколько словъ.

— А... — И грозный адмиралъ успокоился. Они осмотрѣли устройство мины и ушли дальше.

Черезъ нѣкоторое время Верховскій прибѣжалъ ко мнѣ изъ другой комнаты и, торопливо набросавъ эскизъ, попросилъ меня сдѣлать чертежъ сооруженія въ родѣ желѣзной короткой и широкой лѣстницы. Это были такъ-называемые кринолины, изобрѣтеніе Попова, которыми онъ предполагалъ ограждать на ходу броненосцы отъ вражескихъ минъ. Верховскій горячо возставалъ противъ этого проекта, доказывая, что кринолины страшно замедлятъ ходъ. Черезъ мѣсяцъ производилось испытаніе ихъ на Севастопольскомъ рейдѣ, и Верховскій подѣлился со мной его результатами.

Они оказались блестящими; послѣдовалъ крупный заказъ кринолиновъ. Но въ письмѣ, присланномъ Верховскому однимъ изъ товарищей, говорилось, что результатъ испытанія просто раболѣпная поддѣлка: судно съ кринолинами шло якобы очень быстро, пока на немъ находился адмиралъ Поповъ. Но стоило ему сойти съ палубы, броненосецъ не только не облегчился, но сразу пошелъ почти вдвое тише. «Гниль и разложеніе» — констатировалъ я еще разъ про себя. — «Ложь сверху до низу».

Чтобы покончить съ воспоминаніями о минномъ офицерскомъ классѣ, скажу, что впо-

слѣдствіи я съ участіемъ слѣдилъ, не всплывetъ ли среди событій имя Верховскаго, котораго я считалъ выдающимся человѣкомъ. И оно дѣйствительно всплыло. Разъ или два оно было упомянуто въ связи съ какимъ-то молебномъ при участіи Іоанна Кронштадтскаго. Я вспомнилъ, что Верховскій былъ набоженъ и крестился каждый разъ, проходя мимо креста на церкви штурманскаго училища, рядомъ съ миннымъ классомъ. Мнѣ это тогда въ немъ нравилось, какъ черта характерная. «Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не молился» — вспомнилъ онъ разъ при мнѣ. Но вотъ, во время русско-японской войны какой-то юродивый или просто шарлатанъ нашелъ явленную икону, причемъ нѣкій благолѣпный старецъ, явившійся ему въ тонцѣмъ снѣ, предсказалъ побѣду и одолѣніе россійскому воинству, какъ только икона сія будетъ доставлена на театръ военныхъ дѣйствій. Икона торжественно препровождена въ Манджурію, никакого одолѣнія, разумѣется, не послѣдовало, и я съ нѣкоторою грустью прочиталъ, что это шутовство произошло при посредствѣ В. П. Верховскаго. Къ тому времени онъ былъ извѣстенъ въ морскихъ кругахъ, какъ владѣлецъ завода, исполнявшаго военные заказы.

Такъ заглохла среди казенщины и рутины эта крупная сила. Очевидно, размышленія юнаго «ссыльнаго студента» о «гнили и разложеніи» строя были не такъ ужъ наивны.

LXIX

ВОЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ — ЧИЖОВЪ И ДЕГАЕВЪ

Изъ перваго тома этой «Исторіи» читатель вспомнитъ моего двоюроднаго брата, артиллериста. Онъ былъ настроенъ тоже довольно радикально. Много читалъ, увлекался Боклемъ, Бѣлинскимъ, Добролюбовымъ и Писаревымъ, вообще былъ проникнутъ новыми идеями, гуманно обращался съ солдатами и водилъ знакомства съ людьми того же настроенія. Когда онъ переѣхалъ въ Кронштадтъ, у него бывала преимущественно интеллигентная военная молодежь.

Когда-то Иванъ Аксаковъ писалъ отцу и брату о настроеніи тогдашняго общества: если нужно найти въ провинціи честнаго человѣка, то слѣдуетъ искать его среди поклонниковъ Бѣлинскаго. «У человѣка, способнаго сострадать несчастіямъ угнетенныхъ, у честнаго доктора, честнаго слѣдователя, готоваго на борьбу» — вы нашли бы непремѣнно портретъ Бѣлинскаго, а также навѣрное письмо его къ Гоголю. То же, конечно, можно было сказать о слѣдующемъ поколѣніи, воспитавшемся на Добролюбовѣ и Чернышевскомъ.

Реформаторская дѣятельность Александра II вызвала къ жизни лучшія стремленія во всей странѣ, выдвинула много свѣжихъ силъ, которыя стремились къ дальнѣйшему обновленію жизни. Можно сказать безъ преувеличенія, что готовность на борьбу съ простыми злоупо-

требленіями была въ это время связана съ представленіемъ о Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ, Чернышевскомъ и становилась неблагонадежной. И, наоборотъ, — официальная благонамѣренность была связана съ старыми традиціями взятокъ и злоупотребленій или по крайней мѣрѣ съ терпимостью къ нимъ. Въ очень нашумѣвшемъ въ свое время романѣ «Марево» (Клюшникова) это было подчеркнуто съ наивной откровенностью: герою, котораго авторъ рисуетъ самыми идеальными чертами, его подчиненный, взяточникъ, говоритъ прямо: «Вотъ вы оказались хорошимъ человѣкомъ. А ужъ какъ мы васъ боялись, когда узнали о вашемъ назначеніи». «Хорошимъ человѣкомъ» онъ оказался потому, что не считаетъ себя праведникомъ, не вступаетъ въ «ненужную и заносчивую борьбу» съ бытомъ и сливается съ затягивающимъ общимъ тономъ жизни.

Если бы было понято въ свое время это трагическое противорѣчіе, этотъ голосъ простѣйшей правды, требовавшей хотя бы постепеннаго, но твердаго дальнѣйшаго обновленія жизни, то царствованіе Александра II закончилось бы тѣмъ, чѣмъ началось, и могло бы стать однимъ изъ славнѣйшихъ въ исторіи. Но для этого нуженъ былъ болѣе крупный умъ и характеръ, котораго у Александра II не было. И вотъ почему, начавъ великимъ призывомъ своего народа къ свободѣ, онъ закончилъ комически жалкими наставленіями «съ высоты престола»: «Домовладѣльцы смотрите за своими дворниками».

Вообще то время представляется мнѣ точно

взморье во время начавшагося прилива, когда по всему простору кипятъ и пѣнятся набѣгающія и попятныя волны. Благонамѣренность въ концѣ концовъ побѣдила въ офиціальной Россіи, и роковымъ образомъ съ нею воскресали дореформенные нравы, взяточничество и хищеніе. Элементарная честность становится неблагонадежной. И вотъ почему самые крайніе революціонные акты встрѣчали въ то время такое широкое сочувствіе въ образованномъ обществѣ.

То же происходило и въ военной средѣ. Изъ милютинскихъ военныхъ гимназій въ армію хлынула масса молодежи, хорошо знакомой съ Бѣлинскимъ и Добролюбовымъ. А въ казармахъ она встрѣчалась съ застарѣвшими или воскресшими вновь дореформенными злоупотребленіями, на помощь которымъ шла военная дисциплина и благонамѣренная традиція. Эти два теченія ужиться не могли и милютинская реформа была устранена.

Когда черезъ нѣкоторое время послѣ моего пріѣзда сестра моя окончила институтъ, и мы рѣшили поселиться отдѣльно отъ двоюроднаго брата, то его товарищи, молодые офицеры, стали посѣщать насъ и на новомъ мѣстѣ. Трое изъ нихъ впослѣдствіи примкнули къ революціонной дѣятельности. Одинъ, Васильевъ, кажется, эмигрировалъ, другой, Чижовъ, попалъ въ восточную Сибирь, третьему суждено было пріобрѣсти громкую, но печальную извѣстность: это былъ Дегаевъ, ярый революціонеръ, террористъ, потомъ предатель, выдавшій между прочимъ Вѣру Фигнеръ, и наконецъ, въ

довершеніе всего, устроившій убійство Судейкина, который втянулъ его въ предательство.

Въ нашей маленькой квартиркѣ, состоявшей собственно изъ одной большой комнаты съ перегородкой, гдѣ жилъ я съ матерью и двумя сестрами, вечера часто проходили въ оживленныхъ разговорахъ. Отчасти эту молодежь привлекала къ намъ моя сестра, — живая, хорошенькая и умная.

Самой яркой фигурой этого кружка былъ, несомнѣнно, Дегаевъ. Маленькій ростомъ, широкоплечій, съ тонкимъ станомъ, очень подвижной и нервный, онъ былъ склоненъ къ парадоксамъ и легко загорался. Гораздо менѣе эффектна была фигура Чижова. Большой, нѣсколько неуклюжій, съ плохой военной выправкой, онъ былъ не блестящимъ, но искренъ и серьезенъ. Съ Дегаевымъ онъ былъ пріятель, но у нихъ постоянно происходили идейныя столкновенія. Чижовъ былъ назначенъ ротнымъ командиромъ и сразу наткнулся на цѣлую сѣть хозяйственныхъ злоупотребленій. Онъ тотчасъ же затѣялъ борьбу съ хищниками, заставлявшую говорить о себѣ въ военныхъ кругахъ. Дегаевъ насмѣхался надъ этимъ «донкихотствомъ» и рѣзко высмѣивалъ «борьбу съ вѣтряными мельницами». Чижовъ защищался просто и неэффектно. Моя сестра горячо приняла сторону Чижова... Дегаевъ скоро вспыхнулъ и въ полемическомъ увлеченіи прибѣгъ къ слѣдующему соображенію: армія — главное орудіе порабощенія. Кто держитъ всю Россію подъ властью тирановъ?.. Солдатчина. Поэтому чѣмъ болѣе морятъ этихъ ско-

товъ воры каптенармусы и иные хищники — тѣмъ лучше. Сестра возмутилась этой теоріей и споръ принялъ довольно рѣзкій оборотъ. На слѣдующій день къ удивленію людей, знавшихъ Дегаева, онъ прислалъ сестрѣ письмо, въ которомъ извинялся за излишнюю страстность спора и, «по зрѣломъ размышленіи», признавалъ себя неправымъ по существу.

Еще черезъ мѣсяцъ я встрѣтилъ его въ ораніенбаумскомъ поѣздѣ. Онъ, повидимому, только что прочиталъ или перечиталъ статью Добролюбова о Кавурѣ, и ему показалось, что она имѣетъ отношеніе къ его спору съ Чижовымъ. Чижова онъ причислялъ къ людямъ кавуровскаго типа, себя къ типу Гарибальди. Это вновь укрѣпило его на прежней точкѣ зрѣнія. Впослѣдствіи мнѣ часто вспоминались эти колебанія Дегаева, когда я узналъ о парадоксальной карьерѣ этого человѣка.

Вспоминаю еще фактъ, характерный для тогдашней военной среды. Одинъ изъ сослуживцевъ моего двоюроднаго брата, артиллерійскій офицеръ, по фамиліи Франкъ, задумалъ перейти на жандармскую службу. Для этого ему пришлось просить объ отставкѣ и объ отзывѣ для представленія новому начальству. Военная молодежь отнеслась къ этому съ нескрываемымъ негодованіемъ. Офицеры постарше не были такъ рѣшительны, но въ общемъ раздѣляли взглядъ молодежи. Франкъ вдругъ былъ вызванъ къ начальнику артиллеріи петербургскаго военнаго округа, по фамиліи, помнится, Баранцевъ. Когда Франкъ явился, генералъ быстро вышелъ изъ своего кабинета въ пріемную,

подошелъ вплотную къ Франку, смѣрилъ его взглядомъ съ ногъ до головы и сказалъ:

— Я вызвалъ васъ, чтобы посмотрѣть на офицера, который рѣшается промѣнять честный артиллерійскій мундиръ на мундиръ шпіона. — Затѣмъ рѣзко отвернувшись и не кивнувъ головой на прощанье, ушелъ. Многіе офицеры перестали подавать Франку руку. Говорили даже, что ему предложено было старшинами морского клуба, въ который принимались и артиллеристы, выйти изъ состава членовъ.

LXX

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ — ПОХОРОНЫ ЧЕРНЫШЕВА И ПРОЦЕССЪ 193-ХЪ

Черезъ годъ срокъ нашей ссылки (моей, Григорьева и Вернера) кончался, и я первый напомнилъ объ этомъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это напоминаніе имѣло успѣхъ. Тогда моему примѣру послѣдовалъ Григорьевъ. Вернеръ еще раньше подалъ заявленіе о желаніи поступить въ армію. Онъ былъ отосланъ офицеромъ на Кавказъ, отличился въ русско-турецкой войнѣ, а послѣ войны вернулся въ Россію свободнымъ человѣкомъ и опять поступилъ въ академію, гдѣ впослѣдствіи сталъ профессоромъ.

Помню одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ въ Кронштадтѣ. Я вышелъ изъ библіотеки морского клуба, гдѣ въ послѣдній разъ сдалъ кни-

ги. Меня охватило сознаніе, что беззаботная жизнь въ кронштадтской ссылкѣ кончается и на меня ложится отвѣтственность за будущее семьи. Былъ тихій лѣтній вечеръ, надъ деревьями бульвара стояла яркая луна. Я сѣлъ на скамью и просидѣлъ такъ часа два. Много мыслей тогда прошло въ моей головѣ. Приходилось совмѣстить одновременно серьезныя семейныя обязанности, совершенно опредѣленныя и ясныя, съ мечтами объ общественной работѣ, манящими, но неясными и неопредѣленными. Домой я пришелъ поздно, удививъ мать долгимъ отсутствіемъ. Никакого яснаго рѣшенія я съ собой не принесъ. Въ концѣ концовъ мы переѣхали въ Петербургъ, я выдержалъ конкурсный экзаменъ въ горный институтъ и сталъ искать работу.

Устроились мы на Фонтанкѣ, гдѣ-то недалеко отъ Измайловскаго моста, купивъ самую дешевую мебель и обстановку. Однажды братъ прибѣжалъ сообщить, что онъ купилъ мимоходомъ на Сѣнной отличную кушетку, но что ее сейчасъ же нужно взять. Мы побѣжали на Сѣнную и вдвоемъ принесли кушетку, возбудивъ удивленные и презрительные взгляды дворника.

Пришлось обратиться опять къ корректурѣ. Въ это время Иванъ Васильевичъ Вернадскій, извѣстный когда-то издатель «Экономиста», полемизировавшаго съ Чернышевскимъ, рѣшилъ издавать новый еженедѣльный «Экономическій Указатель». Это былъ небольшой, довольно жалкій листокъ, выходившій четыре раза въ мѣсяцъ, наполненный цифрами. Для него по-

ее на себя. Заработокъ былъ ничтожный, что-то около двадцати рублей въ мѣсяцъ, а работа трудная, все цифры. Но это была своего рода точка опоры: «Указатель» печатался въ собственной типографіи Вернадскаго, носившей названіе «Славянская книгопечатня» и помѣщавшейся на Гороховой, между Садовой и Фонтанкой. Въ типографіи могли встрѣтиться другія работы. И дѣйствительно, вскорѣ я былъ приглашенъ вторымъ корректоромъ въ газету «Новости», въ которой работалъ до новой своей высылки изъ Петербурга. Работа была ночная и не мѣшала мнѣ днями посѣщать горный институтъ.

Долженъ, однако, сказать, что на этотъ разъ я опять не сталъ хорошимъ студентомъ. Въ Петербургѣ закипало движеніе. Судились участники казанской демонстраціи. Нѣсколько нашихъ знакомыхъ были привлечены, а младшій братъ выступалъ въ качествѣ свидѣтеля. При этомъ обвинитель, анализируя его показанія, замѣтилъ язвительно, что этому свидѣтелю лишь по оплошности слѣдствія пришлось сидѣть на скамьѣ свидѣтелей, тогда какъ его настоящее мѣсто рядомъ съ подсудимыми. Я былъ на счету бывшаго ссыльнаго. Полиція сразу стала слѣдить за нами.

Потомъ пошелъ памятный «процессъ 193». Это были жертвы первой волны такъ-называемаго «хожденія въ народъ». Теперь все это движеніе достаточно освѣщено воспоминаніями многихъ участниковъ. Основанное на совершенно иллюзорномъ представленіи о «перманентной революціонности» народа, объ его по-

стоянной готовности къ ниспроверженію существующаго строя и созданію новаго на самыхъ идеальныхъ началахъ, движеніе это, въ сущности, не было опасно. У революціонной интеллигенціи и у народа не было ни общаго языка, ни взаимнаго пониманія. Но какъ всегда — царское правительство перепугалось на смерть. Тревога пошла по всей Россіи: хватали направо и налѣво заподозрѣнныхъ въ «сочувствіи» и неблагонадежности, свозили ихъ въ Петербургъ и держали въ домѣ предварительнаго заключенія или въ Петропавловской крѣпости по три и по четыре года. Во время суда обвинитель, Желеховскій, сказалъ съ идіотской откровенностью, что громадное большинство подсудимыхъ посажены на скамью подсудимыхъ только «для фона», на которомъ должны выступать фигуры главныхъ злоумышленниковъ. И дѣйствительно, по приговору суда нѣкоторые изъ этихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ были приговорены на одинъ-два мѣсяца заключенія послѣ того, какъ они «для фона» просидѣли по четыре года.

Все это дѣло задолго до суда глухо волновало молодежь. На этой почвѣ произошла неожиданная, и небывалая еще въ такихъ размѣрахъ, демонстрація.

Въ мартѣ 1876 г. умеръ студентъ Чернышовъ. Это была одна изъ жертвъ большого процесса. Его тоже держали «для фона» и въ домѣ предварительнаго заключенія онъ заболѣлъ чахоткой. Его перевели въ клинику, гдѣ онъ и умеръ.

30 марта къ выносу тѣла явились студенты

сначала въ небольшомъ количествѣ, но затѣмъ, по мѣрѣ движенія по улицамъ, толпа росла. На углу Шпалерной и Литейнаго, у дома предварительнаго заключенія, гробъ остановили и, поднявъ надъ головами, отслужили литію. Демонстрація была организована такъ удачно, что даже послѣ этого полиція не спохватилась, и огромная толпа безпрепятственно дошла до кладбища, попутно разъясняя заинтересованной публикѣ значеніе демонстраціи. Только когда начались надъ могилой откровенно-революціонныя рѣчи, — мѣстная полиція спохватилась, но ничего не могла сдѣлать. Я въ то время жилъ еще въ Кронштадтѣ и на похоронахъ не былъ. Но братъ, какъ очевидецъ, разсказывалъ о трагикомическомъ положеніи какого-то бѣдняги квартальнаго, который увидѣлъ себя совершенно безсильнымъ въ самомъ центрѣ несомнѣнной политической демонстраціи. Онъ метался и порывался къ ораторамъ, но молодежь тѣсно окружила его, и онъ самъ увидѣлъ себя въ положеніи арестованнаго. Вдобавокъ, когда главныя рѣчи кончились, какой-то подвыпившій студентикъ взобрался на могильную ограду и, картавя, произнесъ краткую импровизацію:

— И кгомѣ того, дадимъ тогжественное обѣщаніе бить вотъ этакія полицейскія могды...

И онъ указалъ на квартальнаго. Тотъ отчаянно рванулся къ нему.

— Нѣтъ, господа, это невозможно. Этого я уже долженъ арестовать. — Студентъ тоже рвался къ квартальному, но окружающіе, смѣясь, развели ихъ. Когда подоспѣли отряды по-

лиціи и конные жандармы, все уже было кончено, и даже арестовать никого не пришлось.

Все это будоражило общественное мнѣніе, и въ Петербургѣ много говорили о предстоявшемъ большомъ процессѣ. Сначала предполагалось судить всѣхъ вмѣстѣ, но затѣмъ испугались этой толпы подсудимыхъ, озлобленныхъ многолѣтнимъ сидѣніемъ и явной неправдой «правосудія». Рѣшили разбить массу подсудимыхъ на отдѣльныя группы. Когда имъ объ этомъ объявили, то въ особомъ присутствіи сената произошли бурныя сцены. Подсудимые сопротивлялись уводу и произносили страстныя протестующія рѣчи. Публика допускалась въ очень ограниченномъ количествѣ, газетные отчеты строго цензуровались, но все же каждый день Петербургъ молніей облетали извѣстія о происходящемъ. Разсказывали, что Рогачевъ, бывшій офицеръ, богатырскаго сложенія, привелъ въ ужасъ сенаторовъ, прорвавшись къ рѣшеткѣ и потрясая ее руками. Мышкинъ, не вполнѣ уравновѣшенный, фанатичный и страстный, обладавшій незаурядным ораторскимъ талантомъ, произнесъ рѣчь, въ которой сравнилъ сенаторовъ-судей съ публичными женщинами: «Тамъ бѣдныя женщины изъ нужды продаютъ свое тѣло, а вы продаете душу за чины и ордена». Эффектъ этой рѣчи усиливался отъ того, что она была закончена среди борьбы между ораторомъ и кинувшимися выводить его жандармами.

Все это жадно ловилось налету. Когда я пріѣзжалъ въ это время въ Кронштадтъ, знакомые офицеры и ихъ дамы сходились къ дво-

юродному брату, чтобы выслушать послѣднія извѣстія. Я передавалъ, что зналъ самъ. Даже военное общество негодовало, дамы плакали. Идеалы соціализма въ общихъ формулахъ привлекали горячее сочувствіе, особенно женщинъ. Одинъ офицеръ, большой скептикъ, сдѣлалъ какъ-то практическій выводъ:

— Но, вѣдь, тогда, сударыни, всѣ будутъ равны...

— Ну что жъ... Это такъ прекрасно, — перебили его женскіе голоса.

— Виноватъ, я не кончилъ... Тогда, значитъ, не будетъ, напримѣръ, ни кухарокъ, ни горничныхъ...

Дамскія лица вытянулись.

— Да-а-а... Это въ самомъ дѣлѣ на практикѣ неудобно...

Судъ ходатайствовалъ о значительномъ смягченіи участи всѣхъ подсудимыхъ, но Александръ II не только не смягчилъ приговора, но еще для нѣкоторыхъ подсудимыхъ усилилъ его, вслѣдствіе чего многіе, уже отпущенные въ ожиданіи конфирмаціи, были вновь арестованы и посажены въ тюрьму. Это произвело самое невыгодное для царя впечатлѣніе.

Впослѣдствіи мнѣ довелось слышать отъ Николая Федоровича Анненскаго слѣдующее интересное сопоставленіе:

Въ большомъ процессѣ наивные идеалисты и мечтатели ругались, потрясали рѣшетками, наводили ужасъ на судей. Это было въ семьдесятъ восьмомъ году. А черезъ два-три года передъ тѣми же сенаторами, безупречно одѣтые въ черныя пары и въ крахмальныхъ ворот-

ничкахъ, Александръ Квятковскій и потомъ Желябовъ давали въ корректнѣйшей формѣ показаніе:

«Я уже имѣлъ честь объяснить суду, что бомба, назначенная для покушенія на императора, была приготовлена тамъ-то и состояла изъ слѣдующихъ частей».

LXXI

ПОХОРОНЫ НЕКРАСОВА И РѢЧЬ ДОСТОЕВСКАГО НА ЕГО МОГИЛѢ

Въ концѣ 1877 г. умеръ Некрасовъ. Онъ хворалъ давно, а зимой того года онъ уже прямо угасалъ. Но и въ эти послѣдніе мѣсяцы въ «Отечественныхъ Запискахъ» появлялись его стихотворенія. Достоевскій въ своемъ «Дневникѣ Писателя» говоритъ, что эти послѣднія стихотворенія не уступаютъ произведеніямъ лучшей поры некрасовскаго творчества. Легко представить себѣ, какъ они дѣйствовали на молодежь. Всѣ знали, что дни поэта сочтены, и къ Некрасову неслись выраженія искренняго и глубокаго сочувствія со всѣхъ сторонъ.

Былъ у меня въ то время пріятель студентъ горнаго института, очень радикальный, очень добродушный и комически наивный въ своемъ радикализмѣ. Онъ передавалъ мнѣ, будто собираются подписи подъ адресомъ Некрасову студентовъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Смыслъ

адреса онъ на своемъ выразительно-наивномъ языкѣ кратко резюмировалъ такъ:

— Слушай, братъ, Некрасовъ. Тебѣ все равно скоро помирать. Такъ напиши ты этимъ подлецамъ всю правду, а ужъ мы, будь благонадеженъ, распространимъ ее по всей Россіи.

Я только засмѣялся и, конечно, адресъ, съ которымъ студенты обратились къ больному поэту, былъ написанъ умно, тепло и хорошо. Говорили, что Некрасовъ былъ имъ очень растроганъ.

Когда онъ умеръ (27 декабря 1877 г.), то, разумѣется, его похороны не могли пройти безъ внушительной демонстраціи. Въ этомъ случаѣ чувства молодежи совпадали съ чувствами всего образованнаго общества, и Петербургъ еще никогда не видѣлъ ничего подобнаго. Выносъ начался въ 9 часовъ утра, а съ Новодѣвичьяго кладбища огромная толпа разошлась только въ сумерки. Полиція, конечно, была очень озабочена. Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ разсказывалъ, какъ на военно-грузинской дорогѣ онъ встрѣтилъ простую телѣгу, на которой лежалъ деревянный гробъ. «Грибоѣда веземъ», — пояснили ему осетины возницы. Тѣло самого Пушкина, какъ извѣстно, было выволочено изъ Петербурга подобнымъ же образомъ безчестно и тайно. Эти времена давно прошли, и власти были уже не въ силахъ удержать проявленіе общественныхъ симпатій. Поэта хоронили очень торжественно и на могилѣ говорили много рѣчей. Помню стихи, прочитанные Панютинымъ, потомъ говорилъ Засодимскій и еще нѣсколько

человѣкъ, но настоящимъ событіемъ была рѣчь Достоевскаго.

Мнѣ съ двумя-тремя товарищами удалось пробраться по верхушкѣ каменной ограды почти къ самой могилѣ. Я стоялъ на остроконечной жестяной крышѣ ограды, держась за вѣтки какого-то дерева, я слышалъ все. Достоевскій говорилъ тихо, но очень выразительно и проникновенно. Его рѣчь вызвала потомъ много шума въ печати. Когда онъ поставилъ имя Некрасова вслѣдъ за Пушкинымъ и Лермонтовымъ, кое-кому изъ присутствующихъ это показалось умаленіемъ Некрасова.

— Онъ выше ихъ, — крикнулъ кто-то и два-три голоса поддержали его.

— Да, выше... Они байронисты.

Скабичевскій со своей простоватой прямолинейностью объявилъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», что «молодежь тысячами голосовъ провозгласила первенство Некрасова». Достоевскій отвѣчалъ на это въ «Дневникѣ Писателя». Но когда впослѣдствіи я перечитывалъ по «Дневнику» эту полемику, я не встрѣтилъ въ ней того, что на меня и многихъ моихъ сверстниковъ произвело впечатлѣніе гораздо болѣе сильное, чѣмъ споръ о первенствѣ, котораго многіе тогда и не замѣтили. Это было именно то мѣсто, когда Достоевскій своимъ проникновенно-пророческимъ, какъ мнѣ казалось, голосомъ назвалъ Некрасова послѣднимъ великимъ поэтомъ «изъ господъ». Придетъ время, и оно уже близко, когда новый поэтъ, равный Пушкину, Лермонтову, Некрасову, явится изъ самого народа...

— Правда, правда... — восторженно кричали мы Достоевскому, и при этомъ я чуть не свалился съ ограды.

Да, это казалось намъ такимъ радостнымъ и такимъ близкимъ. Вся нынѣшняя культура направлена ложно. Она достигаетъ порой величайшихъ степеней развитія, но типъ ея, теперь односторонній и узкій, только съ пришествіемъ народа станетъ неизмѣримо полнѣе и потому выше.

Достоевскій, разумѣется, расходился въ очень многомъ и очень важномъ со своими восторженными слушателями. Впослѣдствіи онъ говорилъ о томъ, что народъ признаетъ своимъ только такого поэта, который почтитъ то же, что чтитъ народъ, то-есть, конечно, самодержавіе и офиціальную церковь. Но это уже были комментаріи. Мнѣ долго потомъ вспоминались слова Достоевскаго, именно какъ предсказаніе близости глубокаго соціальнаго переворота, какъ своего рода пророчество о народѣ, грядущемъ на арену исторіи.

Въ эти годы померкла даже моя давняя мечта стать писателемъ. Стоитъ ли, въ самомъ дѣлѣ, если даже Пушкины, Лермонтовы, Некрасовы знаменуютъ собою только крупные маяки на старомъ пройденномъ пути. Я никогда не увлекался писаревщиной до отрицанія Пушкина и помнилъ, что Некрасовъ, какъ поэтъ, значительно ниже и Пушкина, и Лермонтова, но... прійдетъ время, и оно, казалось, близко, когда станетъ «новое небо и новая земля», другіе Пушкины и другіе Некрасовы. Содѣйствовать наступленію этого пришествія — вотъ что

предстоитъ нашему поколѣнію, а не повторять односторонность старой культуры, достигшей пышнаго, но односторонняго расцвѣта на почвѣ несправедливости и рабства.

Я писалъ какъ-то о томъ, что у меня съ юности была привычка облекать въ слова свои впечатлѣнія, подыскивая для нихъ наилучшую форму, и не успокаиваясь, пока не находилъ ее. Въ этотъ періодъ моей жизни привычка эта если не исчезла, то ослабѣла. Господствующей основной мыслью, своего рода фономъ, на которомъ я воспринималъ и видѣлъ явленія, стала мысль о грядущемъ переворотѣ, которому надо уготовить путь.

Около этого времени среди моихъ земляковъ случилась одна трагедія. Былъ у насъ товарищъ Гунько, юноша очень способный, шедшій первымъ ученикомъ въ гимназіи. Онъ былъ товарищъ младшаго брата и Бржозовскаго. Вначалѣ они продолжали дружить, но тутъ вскорѣ началось идейное расхожденіе. Они увлеклись народническимъ движеніемъ, къ которому Гунько относился холодно и насмѣшливо: онъ отошелъ отъ кружка, нашелъ новыхъ товарищей, «путейцевъ», и вотъ однажды бросился съ шестого этажа на мостовую.

Причины этого самоубійства остались для насъ неясными. Новые его товарищи не могли объяснить ничего. Можетъ быть, тутъ была замѣшана любовь. Но мнѣ казалось тогда, что не можетъ быть иного объясненія этой гибели молодой жизни, какъ отсутствіе у погибшаго нашей тогдашней вѣры. Если бы онъ не оторвался отъ этого захватывающаго общаго на-

строенія, — думалъ я, — онъ бы этого не сдѣлалъ. Онъ исцѣлился бы также, какъ и я исцѣлился отъ надлома моихъ неудачныхъ годовъ. И другіе товарищи Гунька думали то же.

LXXII

ГАЗЕТА «НОВОСТИ» И ЕЯ ИЗДАТЕЛЬ НОТОВИЧЪ

Газета «Новости» печаталась въ «Славянской книгопечатнѣ». Корректоромъ въ ней былъ А. К. Долининъ, пописывавшій также статьи. Одного корректора оказалось недостаточно, и Нотовичъ пригласилъ меня работать вторымъ корректоромъ. Мы чередовались черезъ день, и такимъ образомъ времени у меня оставалось достаточно.

Газета шла довольно плохо, и деньги мнѣ приходилось получать съ нѣкоторымъ трудомъ и по частямъ, по мѣрѣ поступленія въ кассу. Для этого приходилось ходить въ редакцію и контору два-три раза въ недѣлю. Кассиръ каждый разъ посылалъ меня къ Нотовичу. Нотовичъ старался отвлечь вниманіе отъ разговора о деньгахъ, ожидая, пока въ кассѣ наберутся десятка два-три рублей, и такимъ образомъ я провелъ много часовъ за разговорами съ редакторомъ «Новостей».

Это былъ человѣкъ еще молодой, съ тонкими еврейско-аристократическими чертами лица, юристъ по образованію. Онъ издалъ попу-

лярное изложеніе книги Бокля, которымъ очень гордился, увѣряя, что онъ только «выжалъ изъ Бокля воду». У него была особая редакторская способность: нѣсколько сокращеній, нѣсколько поправокъ, — и часто совершенно неграмотная рукопись пріобрѣтала вполнѣ литературный видъ. Съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣлъ онъ использовать всякій клочекъ исписанной бумаги, попавшій въ редакцію, а дѣлать это приходилось тѣмъ усерднѣе, что за корреспонденцію онъ совсѣмъ не платилъ.

По этому поводу въ печати былъ оглашенъ слѣдующій маленькій курьезъ: въ «Новостяхъ» печатались одно время очень живыя и бойкія статейки изъ Саратова С. Гусева, впослѣдствіи пріобрѣвшаго широкую извѣстность подъ псевдонимомъ Слово-Глаголя. Тогда онъ только-что начиналъ литературную карьеру. Нотовичъ быстро оцѣнилъ молодого «начинающаго» и охотно печаталъ все имъ присылаемое, но систематически не платилъ ни копѣйки. Злополучный авторъ послѣ настойчивыхъ требованій, потерявъ терпѣніе, прислалъ редактору очень страстное и выразительно написанное ругательное письмо, въ которомъ изображалъ трудное положеніе провинціальнаго работника, а Нотовича называлъ паукомъ, жаднымъ эксплоататоромъ и другими эпитетами въ томъ же родѣ.

Нотовичъ и здѣсь выдержалъ характеръ: сразу оцѣнивъ литературное достоинство ругательнаго письма, онъ озаглавилъ его: «Провинціальные корреспонденты и столичные издатели», очень ловко замѣнилъ въ текстѣ обращеніе къ себѣ изложеніемъ въ третьемъ лицѣ,

и въ «Новостяхъ» появилась яркая замѣтка, за которую авторъ все-таки не получилъ ни копѣйки[1].

Нужно сказать, впрочемъ, что положеніе газеты въ это время было чрезвычайно трудно. Объявленій было очень мало. Чтобы скрыть это печальное обстоятельство, неблагопріятно отражающееся на притокѣ новыхъ объявленій, газета прибѣгала къ хитрости: она стала перепечатывать объявленія изъ другихъ газетъ. Казалось, заказчикамъ это только выгодно: объявленіе, данное въ одну газету, безплатно повторяется въ другой. Но однажды, придя по обыкновенію за полученіемъ хоть части своего корректорскаго жалованья, я засталъ въ редакціи слѣды большой суматохи. Какой-то спортсмэнъ, кажется, изъ остзейскихъ бароновъ, помѣстилъ объявленіе о продажѣ скаковой лошади. На скачкахъ къ нему подошелъ другой спортсмэнъ и сказалъ, что онъ читалъ въ «Новостяхъ» его объявленіе.

— Вы не могли его читать въ «Новостяхъ», — сказалъ первый спортсмэнъ. Второй настаивалъ. — Угодно пари? — предложилъ тотъ. — Сдѣлайте одолженіе.

Пари состоялось на довольно крупную сумму. Первый спортсмэнъ проигралъ: «Новости» перепечатали его объявленіе. Разъяренный баронъ ворвался въ редакцію съ требованіемъ вернуть ему проигрышъ. Нотовичъ настаивалъ

---

[1] Фактъ этотъ оглашенъ въ книжкѣ Н. Ф. Хованскаго: «Очерки изъ исторіи г. Саратова и Саратовской губ.» — въ біографіи С. С. Гусева.

на своемъ правѣ перепечатокъ въ законныхъ предѣлахъ. Вышелъ горячій споръ и баронъ сталъ гоняться съ палкой за бѣгавшимъ вокругъ стола редакторомъ.

Другая исторія имѣла нѣсколько элегическій характеръ. «Солидный пожилой вдовецъ» пожелалъ найти компаньонку среднихъ лѣтъ, по возможности пріятной наружности, и сдалъ объявленіе въ этомъ смыслѣ въ «Новое Время». «Новости» услужливо перепечатали объявленіе. Дѣло вдовца устроилось, компаньонка удовлетворительной наружности была найдена, и жизнь пожилого господина вошла въ семейную колею. Но вдругъ — опять звонки и — опять туча претендентокъ среднихъ лѣтъ и пріятной наружности начинаютъ слетаться въ квартиру вдовца. Оказалось, что метранпажъ «Новостей» за недостаткомъ объявленій вытащилъ завалявшееся старое клише и объявленіе вновь появилось въ «Новостяхъ». Злополучный вдовецъ не дрался, а только слезно просилъ прекратить печатаніе его объявленія. Нотовичъ великодушно обѣщалъ.

У него было между прочимъ какое-то особое чутье той средне-обывательской пошлости, которая можетъ создать своеобразный успѣхъ среди уличной публики, поддерживающей розницу. Въ Петербургѣ какъ-то шелъ грандіозный процессъ Юханцева, кассира одного изъ банковъ, совершившаго крупное хищеніе. Въ Петербургѣ въ это время жилъ нѣкто Гиллинъ, американецъ. Онъ издалъ небольшую книжку плохенькихъ разсказовъ и въ предисловіи выражалъ надежду, что «русская пу-

блика поддержитъ молодого американца, посвятившаго свое перо русской литературѣ». Этотъ Гиллинъ предложилъ Нотовичу за дешевую цѣну написать сенсаціонный романъ на тему громкаго процесса. Нотовичъ ухватился за эту идею и нѣсколько разъ присылалъ справиться въ типографію, не прислано ли начало романа. Наконецъ, я прочелъ первую корректуру начальныхъ главъ. Это была невѣроятно грубая и пошлая мазня, и я подумалъ объ огорченіи Нотовича по поводу обманутыхъ ожиданій. Поздно ночью Нотовичъ пришелъ въ типографію.

— Ну, что? — спросилъ онъ живо.

— Неужели вы напечатаете эту пошлость? — спросилъ я. — Вѣдь, это совсѣмъ не литература.

Лицо Нотовича омрачилось, и онъ сталъ съ озабоченнымъ видомъ просматривать корректуру. Но, по мѣрѣ чтенія, выраженіе его лица мѣнялось: оно озарилось улыбкой одобренія, которая не сходила до конца. Прочитавъ, онъ поднялся съ видимымъ удовольствіемъ.

— Вы ничего не понимаете, — сказалъ онъ. — Превосходная вещь!

А черезъ нѣсколько дней онъ съ торжествомъ сказалъ мнѣ:

— Ну, господинъ строгій критикъ, кто же изъ насъ правъ? Газетные разносчики спрашиваютъ: — есть ли Гиллинъ, тогда давайте пятьдесятъ номеровъ... Безъ Гиллина — вдвое меньше.

Я понялъ, что это не была только издатель-

ская точка зрѣнія: онъ самъ раздѣлялъ вкусы толпы, для которой издавалъ газету.

Онъ былъ человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ (юристъ), но меня поражало его глубочайшее невѣжество въ другихъ областяхъ. Однажды, въ яркій весенній день я зашелъ къ нему. По обыкновенію рѣчь шла о моемъ корректорскомъ жалованьѣ, которое онъ выплачивалъ по частямъ.

— А, вы все о томъ же? — сказалъ онъ съ шутливой досадой. — Какіе вы, нынѣшняя молодежь, все матеріалисты: какъ будто не о чемъ больше думать, какъ о деньгахъ... Посмотрите сюда. — И онъ подвелъ меня къ окну. Редакція помѣщалась тогда прямо противъ Юсупова сада, темныя вѣтви котораго въ это утро вдругъ зазеленѣли распускающимися почками.

— Посмотрите. Великая тайна совершается у насъ на глазахъ: вчера еще все это было темно и мертво. И вотъ... замѣтьте: глубокою ночью, точно затѣмъ, чтобы ничей глазъ не могъ подсмотрѣть ея тайны, природа совершаетъ свою работу, и на утро вы видите: она является, какъ юная невѣста. Что же значатъ всѣ эти ваши натуралисты... Какъ безсильна ихъ наука. Ни одинъ изъ нихъ ни разу не сумѣлъ подсмотрѣть этого рѣшительнаго творческаго момента.

Случайно я только-что купилъ учебникъ ботаники Томме. Тамъ въ рисункахъ была изображена почка и ея эволюція съ начала и до момента, когда листокъ расправляется, разорвавъ почелистики.

— Это какое-нибудь послѣднее изслѣдованіе? — спросилъ Нотовичъ. Вмѣсто отвѣта я указалъ на обертку учебника.

Тема о жалкомъ ничтожествѣ точныхъ наукъ была постояннымъ конькомъ Нотовича. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ воскресномъ прибавленіи къ «Новостямъ» онъ печаталъ фельетоны (кажется, написанные Гіероглифовымъ), въ которыхъ доказывалось, что наше юношество въ школахъ пичкаютъ, подъ видомъ, напримѣръ, физики, всякими предразсудками. Одинъ изъ такихъ предразсудковъ состоитъ въ томъ, будто... воздухъ имѣетъ вѣсъ. Авторъ изощрялся въ остроуміи, анализируя и опровергая эту, по его словамъ, явную нелѣпость.

— А, вѣдь, ловко, не правда ли? Какой, въ самомъ дѣлѣ, чушью набиваютъ головы нашихъ дѣтей эти естественники и физики, — сказалъ Нотовичъ съ такимъ же самодовольствіемъ, съ какимъ читалъ романъ Гиллина. Я сказалъ ему, что вся эта «критика» основана на полнѣйшемъ незнакомствѣ съ тѣми учебниками, которые авторъ старается опровергнуть, и тутъ же доказалъ это на нѣсколькихъ убѣдительныхъ примѣрахъ.

— Ну что жъ... — согласился Нотовичъ. — Все-таки это остроумно, это будитъ мысль...

— Да, — отвѣтилъ я, — но если это подхватятъ въ фельетонѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей», то-то достанется вамъ...

Это соображеніе произвело очевидное дѣйствіе. Нотовичъ сѣлъ къ столу и приписалъ

въ выноскѣ: «Отвѣтственность за аргументацію редакція возлагаетъ на автора». Эти курьезные фельетоны и эту приписку редакціи любознательный библіографъ можетъ, вѣроятно, найти и теперь въ публичной библіотекѣ.

LXXIII

ВЫСТРѢЛЪ ЗАСУЛИЧЪ — НАСТРОЕНІЕ ВЪ ОБЩЕСТВѢ И ПЕЧАТИ

24 января 1878 года я сѣлъ въ линейку, которая ходила отъ горнаго института, кажется, къ Исаакіевской площади, перевозя черезъ Неву профессоровъ и студентовъ. Среди другихъ пассажировъ прямо противъ меня усѣлся директоръ горнаго института, профессоръ Бекъ. Онъ зналъ меня въ лицо, такъ какъ послѣ пріема меня въ институтъ вызвалъ для сепаратнаго разговора по поводу петровской исторіи. Теперь, отвѣтивъ на мой поклонъ, онъ сказалъ:

— Вы знаете? Треповъ убитъ. Какая-то дѣвушка, говорятъ, писаная красавица... Конечно, арестовали...

Вся публика въ линейкѣ была заинтересована. Въ іюлѣ 1877 г. Треповъ велѣлъ наказать розгами осужденнаго за демонстрацію на Казанской площади Боголюбова. Говорили, что во время прогулки, проходя мимо градоначальника, Боголюбовъ не снялъ шапку.

Это былъ первый случай тѣлеснаго наказанія политическаго заключеннаго. Онъ произвелъ огромное впечатлѣніе. Въ обществѣ всѣ были возмущены, а въ домѣ предварительнаго заключенія произошли крупные безпорядки съ избіеніемъ и карцерами. Родилось то особое настроеніе, разлитое одинаково въ обществѣ и въ революціонныхъ кругахъ, которое насыщаетъ воздухъ общимъ ожиданіемъ: даромъ это не пройдетъ.

Прошло, однако, полгода. Впослѣдствіи стало извѣстно, что изъ провинціи то и дѣло пріѣзжали въ Петербургъ лица, предлагавшія убить Трепова. Но процессъ 193 еще не былъ конченъ. Центральные революціонные круги удерживали мстителей, боясь, чтобы покушеніе не отразилось на судьбѣ массы подсудимыхъ. Въ обществѣ поэтому стали забывать о боголюбовской исторіи, когда выстрѣлъ Засуличъ грянулъ первымъ террористическимъ актомъ въ отвѣтъ на первое тѣлесное наказаніе.

Исторія эта всѣмъ еще памятна. О ней много писалось, и я не стану приводить здѣсь подробностей дѣла Засуличъ. Скажу лишь, что она сразу стала героиней. Уже въ томъ, что ея дѣло было отдано суду присяжныхъ, сказалось, несомнѣнно, отношеніе къ Трепову и къ Засуличъ правящихъ сферъ. 31 марта Засуличъ судили въ окружномъ судѣ съ присяжными. Предсѣдателемъ былъ Анатолій Федоровичъ Кони, произнесшій резюмэ, на нѣкоторое время пріостановившее теченіе его блестящей юридической карьеры. Присяжные, послѣ недолгаго совѣщанія, вынесли оправдательный приговоръ.

Это было такъ неожиданно, что не успѣли даже дать приказъ объ административномъ задержаніи Засуличъ на случай оправданія. Поэтому Кони объявилъ ее свободной, а смотритель дома предварительнаго заключенія тотчасъ же отпустилъ на волю. У воротъ уже дожидалась карета. Между тѣмъ у окружного суда и у дома предварительнаго заключенія собралась съ одной стороны довольно значительная толпа, чтобы привѣтствовать оправданную, а съ другой — двигался уже небольшой отрядъ жандармовъ, чтобы арестовать ее. Произошло столкновеніе. Толпа не допустила ареста, но при этомъ оказался одинъ убитый — Сидорацкій. Сначала всѣ были увѣрены въ Петербургѣ, что Сидорацкій былъ убитъ выстрѣломъ жандарма, но впослѣдствіи явились большія сомнѣнія. Одинъ мой знакомый разсказывалъ мнѣ, что онъ былъ очевидцемъ, какъ во время демонстраціи и вызванной ею суматохи какой-то молодой человѣкъ выбѣжалъ на тротуаръ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, приложилъ револьверъ къ виску и выстрѣлилъ. Другихъ убитыхъ не было, значитъ это и былъ Сидорацкій. Говорили, будто, когда жандармы остановили карету, Сидорацкій выстрѣлилъ въ нихъ, но такъ неудачно, что легко ранилъ кого-то изъ сидѣвшихъ въ каретѣ или на козлахъ. Кто-то крикнулъ, что ранена Засуличъ, и это было причиной самоубійства.

Впечатлѣніе оправдательнаго приговора было по своей неожиданности еще сильнѣе, чѣмъ самый выстрѣлъ Засуличъ. У меня былъ въ то время въ Петербургѣ дядя однофамилецъ,

Евграфъ Максимовичъ. Я встрѣчался съ нимъ еще прежде на журъ-фиксахъ у своей двоюродной сестры, но тогда онъ относился ко мнѣ, какъ къ мальчику. Послѣ петровской исторіи и моей первой ссылки, онъ измѣнилъ это отношеніе и однажды сталъ журить меня за то, что я не бываю у моего дальняго родственника Ивана Васильевича Вернадскаго. При этомъ онъ открылъ мнѣ, что около бывшаго издателя «Экономиста» группируется кружокъ вліятельныхъ петербургскихъ либераловъ-конституціоналистовъ, къ которому принадлежитъ даже бывшій петербургскій губернаторъ Лутковскій.

— У насъ связи вверху, у васъ молодость и энергія. Намъ слѣдуетъ сговориться, — говорилъ старикъ.

Правду сказать, я ничего не ждалъ отъ этого союза. Евграфъ Максимовичъ былъ уже очень старъ, хотя кипѣлъ какой-то особенной экспансивностью. Когда онъ говорилъ горячась (а горячился онъ всегда, особенно во время споровъ), лицо его становилось багровымъ, такъ что внушало опасенія удара. Старикъ былъ очень интересенъ, уменъ и оригиналенъ, но спорить съ нимъ и даже выражать при немъ несогласное мнѣніе было невозможно, а значитъ невозможны были и соглашенія. Вернадскій въ то время представлялъ почти развалину. Онъ перенесъ одинъ ударъ и даже говорилъ невнятно. Мы съ братомъ все-таки пошли на одинъ журъ-фиксъ. Это было послѣ покушенія Засуличъ. Помню, что все солидное общество, собравшееся у Вернадскаго, было

проникнуто сочувствіемъ къ Засуличъ, начиная съ самого Вернадскаго и Евграфъ Максимовича и кончая сотрудничавшимъ въ «Новомъ Времени» историкомъ Бѣляевымъ. Здѣсь тоже повторялась сказочная версія о необыкновенной красотѣ Засуличъ и передавались фантастическія подробности, дѣлавшія обстановку выстрѣла особенно эффектной.

Передавали, между прочимъ, что, когда царь пріѣхалъ къ раненому Трепову, тотъ просилъ «не оставить его сиротъ». Когда обнаружилось, что градоначальникъ оставилъ сиротамъ по завѣщанію нѣсколько милліоновъ, Александръ II очень охладѣлъ къ нему.

Оправдательный вердиктъ присяжныхъ довелъ общій восторгъ до кипѣнія. Казалось, начинается какое-то сліяніе революціонныхъ теченій съ широкими стремленіями общества. Въ «Славянской книгопечатнѣ», кромѣ «Новостей», печаталась еще газета «Сѣверный Вѣстникъ», издаваемая Е. Коршемъ, сыномъ извѣстнаго писателя, адвокатомъ. Газета шла плохо и приносила большіе убытки. Вѣроятно, поэтому Коршъ рискнулъ и помѣстилъ письмо скрывавшейся Засуличъ. Газету, конечно, закрыли, и я помню, съ какимъ веселымъ видомъ издатель встрѣтилъ извѣстіе о ея прекращеніи. Номеръ съ письмомъ рвали нарасхватъ. Засуличъ писала въ немъ, что скрывается не отъ суда и, въ случаѣ законной кассаціи, готова вновь предстать передъ судомъ общественной совѣсти. Она скрывается только отъ безсудной административной расправы.

Выстрѣлъ Засуличъ былъ однимъ изъ та-

кихъ событій, которыя хоть на время измѣняютъ установившееся соотношеніе силъ. Цензура сразу растерялась и ослабѣла. Преграды ослабли, а общественное мнѣніе прорвалось. Въ газетахъ то и дѣло появлялись панегирики суду, сближенія, намеки, а порой и прямыя похвалы героическому поступку Засуличъ. Особенно смѣлыя статьи печатались въ коршевскомъ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», и это подзадоривало Нотовича. Онъ даже написалъ большую статью. Она начиналась очень патетично восклицаніемъ: «Читатель, Вѣра Засуличъ оправдана...» И далѣе слѣдовали періоды въ самомъ приподнятомъ тонѣ. Но когда «Сѣверный Вѣстникъ» потерпѣлъ крушеніе, а въ типографію стали то и дѣло заглядывать инспектора, то на редактора «Новостей» напала робость. Краснорѣчивый фельетонъ былъ отложенъ въ дальній столъ. Однако, Нотовичъ потребовалъ, чтобы статью все-таки не разбирали.

— Авось еще пригодится, — говорилъ онъ.

И статья дѣйствительно пригодилась. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ дѣла Засуличъ, разбирался процессъ Енкуватова, кажется, въ Одессѣ, очень характерный для того времени. Енкуватовъ женился по любви на дѣвушкѣ, которая его тоже любила. На несчастье братъ Енкуватова тоже страстно полюбилъ свою невѣстку. Драма происходила въ средѣ радикальной молодежи. Одинъ изъ братьевъ (или даже оба) были въ ссылкѣ. Они горячо любили другъ друга. На этой почвѣ, совершенно во вкусѣ Достоевскаго, между братьями произошло свое-

образное соглашеніе: мужъ отказался временно отъ супружескихъ правъ, а его братъ становился въ положеніе искателя сердца его жены. Молодая женщина любила мужа и прямо заявила объ этомъ, но, до истеченія срока своеобразнаго соглашенія, ея положеніе стало невыносимымъ. Безумно влюбленный старшій братъ перешелъ за предѣлы соглашенія. Однажды ночью мужъ, спавшій въ «нейтральной комнатѣ», услышалъ, какъ братъ прошелъ въ спальню его жены, и затѣмъ раздались крики о помощи. Это превысило мѣру всякаго «идейнаго» долготерпѣнія. Мужъ вбѣжалъ въ спальню и застрѣлилъ соперника-брата. Присяжные его оправдали.

Отчетъ о процессѣ печатался во всѣхъ газетахъ, въ томъ числѣ и въ «Новостяхъ». Когда была получена телеграмма объ оправданіи, я былъ пріятно удивленъ встрѣчей со старымъ знакомцемъ: отложенный фельетонъ Нотовича появился изъ-подъ спуда. Онъ начинался также патетично: «Читатель, Енкуватовъ оправданъ...» И затѣмъ слѣдовали тѣ же краснорѣчивые періоды съ замѣной только фамиліи Засуличъ фамиліей Енкуватова.

LXXIV

БУНТЪ ВЪ АПРАКСИНОМЪ ПЕРЕУЛКѢ И МОИ ПЕРВЫЯ ПЕЧАТНЫЯ СТРОКИ

Разставаясь на этомъ маленькомъ эпизодѣ съ «Новостями» и ихъ редакторомъ, я долженъ прибавить, что при своемъ особомъ чисто издательскомъ талантѣ Нотовичъ сумѣлъ и меня однажды запречь въ свою колесницу въ качествѣ дарового сотрудника. У него въ газетѣ и появились мои первыя печатныя строки.

Это случилось въ первыхъ числахъ іюня 1878 года. Подъ вечеръ я шелъ по Садовой съ товарищемъ Мамиконіаномъ. Около Сѣнной мы замѣтили въ уличной толпѣ какой-то особый интересъ, обращенный въ сторону къ Невскому. Туда многіе шли торопливо, разспрашивая встрѣчныхъ. Оказалось, что около Апраксина рынка происходитъ «бунтъ». Мы съ Мамиконіаномъ тотчасъ же сѣли въ конку, отправлявшуюся въ ту сторону. Мы сошли у Апраксина переулка, гдѣ увидѣли большую толпу, запрудившую входъ въ переулокъ. Когда мы стали пробираться сквозь нее, насъ останавливали, увѣряя, что идти туда опасно, что тамъ происходитъ настоящій бунтъ, что прошли войска, которыя будутъ стрѣлять. Да и самая толпа опасна. Въ переулкѣ, узкомъ и тѣсномъ, живетъ много чернорабочихъ и прочаго люда, кормящагося при гостиномъ дворѣ, и теперь они-то и подняли бунтъ. Въ тѣ времена массовыхъ вспышекъ въ Россіи совсѣмъ не бывало. Волна крестьянскихъ безпорядковъ послѣ 1861

года всюду улеглась, а въ городахъ все было спокойно. Насъ подстрекнули эти разсказы и мы проникли въ глубь переулка. Здѣсь, приблизительно около середины переулка, у большого семиэтажнаго дома № 5 стоялъ отрядъ жандармовъ, державшихъ лошадей въ поводахъ. Какой-то военный генералъ выслушивалъ полицейскій докладъ. Обстановка напоминала военный бивуакъ. Ворота дома были заперты. Во дворѣ происходило что-то, глубоко интересовавшее всю толпу. Порой въ этой толпѣ, отжатой полиціей и жандармами отъ дома съ запертыми воротами, раздавались крики «ура». Тогда среди полиціи проявлялось безпокойство. Городовые, околодочные, жандармы кидались туда и крики стихали.

Мы съ товарищемъ проникали всюду въ собиравшіяся кучки народа и слушали разсказы. Оказалось, что въ домѣ № 5, сплошь населенномъ бѣднотой, восемь дворниковъ и все татары. Въ день происшествія они хотѣли отправить въ часть какого-то матроса. Сидѣвшіе напротивъ въ трактирѣ мастеровые выбѣжали изъ трактира и не дали матросика въ обиду. Дворники вооружились подметальниками и стали бить вступившуюся публику. «Били по чемъ попало», — разсказывали въ толпѣ. Толпа освирѣпѣла и съ крикомъ «татары бунтуютъ», кинулась на дворниковъ. Они убѣжали во дворъ, кинулись по лѣстницамъ и квартирамъ. Ихъ ловили. Одного кинули съ шестого этажа во дворъ.

— На сценѣ вопросъ національный, — предположилъ Мамиконіанъ.

Но тутъ я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ, стоявшихъ у самыхъ воротъ дома № 5. Это, очевидно, были жильцы, которыхъ не пускали во дворъ. У одного въ рукахъ былъ каравай хлѣба и селедка, очевидно, купленные въ лавочкѣ, послѣ чего онъ уже не могъ попасть къ себѣ. Другіе были въ томъ же родѣ. Я обратился съ разспросами къ этой кучкѣ, и человѣкъ съ хлѣбомъ разсказалъ мнѣ всю исторію по своему.

— Дворники сильно притѣсняютъ... Придешь попозже — ворота заперты. А станешь стучать — впустятъ и зададутъ встряску, особливо если выпивши. Ограбятъ, да и бока намнутъ. Жаловались полиціи, да что... — Разсказчикъ только махнулъ рукой.

— Полиція съ ними заодно. — Свой своему братъ. — Дѣлятся, конечно... — возбужденно комментировали другіе.

Все это вызвало раздраженіе. До дворниковъ добирались давно. Случай съ матросомъ послужилъ сигналомъ. Первые кинулись на дворника мастеровые, жильцы дома. Быстро собравшаяся у воротъ толпа не позволяла полиціи заступиться за дворниковъ. Пріѣхавшаго пристава схватили за грудь съ криками:

— Смотри, тебѣ тоже будетъ. Вы съ ними заодно.

Часовъ около 11 ночи жандармы сѣли на лошадей и уѣхали. Во дворъ были введены солдаты, которые остались на ночь. Толпа рѣдѣла. Говорили объ одномъ убитомъ дворникѣ и нѣсколькихъ раненыхъ.

Въ послѣдующія десятилѣтія такія явленія все учащались, но тогда они были невиданы и апраксинскій погромъ вызвалъ интересъ тревожный и сильный. На слѣдующій день въ газетахъ ничего не было, но я зналъ, что на мѣстѣ съ полицейскими присутствовалъ «корреспондентъ». По наружности я догадывался, что это Юлій Шрейеръ, котораго тогда называли «королемъ репортеровъ». Главнымъ источникомъ свѣдѣній служили ему всегда отличныя отношенія съ полиціей, которая черезъ него и «освѣщала событія».

Мы съ Мамиконіаномъ пробыли до ночи и потомъ ушли. На слѣдующій день съ утра я опять былъ у Нотовича все за тѣмъ же, то-есть за деньгами. Я засталъ его въ большомъ волненіи.

— Вотъ не угодно ли. Вчера, говорятъ, былъ чуть не бунтъ въ Апраксиномъ, а тутъ ни одного моего репортера не дождешься.

«Мои репортеры» — это было, пожалуй, слишкомъ громко: и для репортажа Нотовичъ тогда пользовался случайнымъ сотрудничествомъ и перепечатками. Я улыбнулся и сказалъ, что я вчера былъ на мѣстѣ и знаю, что было Апраксиномъ переулкѣ. Онъ схватился за меня. — Голубчикъ, выручите, напишите.

— Хорошо, Осипъ Константиновичъ, — отвѣтилъ я. — Но только съ условіемъ: я знаю, какъ вы редактируете поступающія къ вамъ замѣтки. Я напишу съ уговоромъ, что вы напечатаете безъ перемѣнъ.

— Что еще за условіе? Вотъ еще Шекспиръ нашелся...

— Какъ хотите.

— Ну, ну, пишите скорѣе.

Я написалъ замѣтку и отдалъ ему. На слѣдующій день она еще не появилась, хотя была набрана. Ждали первыхъ сообщеній Юлія Шрейера. Когда я увидѣлся съ Нотовичемъ, онъ былъ очень недоволенъ моей замѣткой. Прежде всего плохое начало: нужно, чтобы было видно, что у газеты свои репортеры, и что они во время на мѣстѣ. А тутъ какой-то случайный очевидецъ. Вообще видно, что вы неопытны. Необходимо проредактировать.

Я на это не согласился, и, какъ ни трудно было Нотовичу удержать свой редакторскій карандашъ, онъ все-таки удержалъ. Затѣмъ, 7 іюня, кажется, замѣтка моя появилась одновременно съ циркулярно разосланнымъ отчетомъ Юлія Шрейера, отдавшаго его сразу въ нѣсколько газетъ. Шрейеръ изображалъ вспышку національной ненависти противъ татаръ и вообще свѣдѣнія сообщалъ въ чисто полицейскомъ освѣщеніи.

— Вотъ что называется репортерскимъ отчетомъ, — съ завистью говорилъ Нотовичъ, у котораго не было средствъ пріобрѣсти для себя «короля репортеровъ».

Но уже черезъ нѣкоторое время онъ измѣнилъ свое мнѣніе. Оказалось, что замѣтка «Новостей» (подписанная моими иниціалами) обратила вниманіе.

— Да, да, — говорилъ послѣ этого Нотовичъ. — Статейка вамъ удалась. Вотъ и Суворинъ

опирается на нее въ полемикѣ съ Полетикой. Наша газета измѣнила взглядъ всей печати и доказала, что апраксинская вспышка вызвана не національной ненавистью, а притѣсненіями полиціи и дворниковъ... Удачно, удачно...

Я купилъ номеръ «Новостей», еще пахнувшій типографской краской, и вотъ при какихъ условіяхъ я испыталъ извѣстное авторамъ ощущеніе первыхъ печатныхъ строкъ. Я, конечно, былъ очень доволенъ своимъ «шекспировскимъ условіемъ». Иначе, мой отчетъ сталъ бы похожимъ на идеальный отчетъ «короля репортеровъ».

При расчетѣ Нотовичъ, разумѣется, и не подумалъ уплатить корректору авторскій гонораръ за случайную статейку. Да я и не требовалъ.

LXXV

ПАНИХИДА ПО СИДОРАЦКОМЪ

Большой процессъ (такъ называли иначе процессъ 193-хъ) не только не ослабилъ движенія въ народъ, но на нѣкоторое время даже усилилъ его. Это естественно: его прямые совершенно отрицательные результаты и ихъ уроки не могли обсуждаться широко и свободно, а событія самаго процесса окружили участниковъ ореоломъ. Нашъ тѣсный петербургскій кружокъ раздѣлялъ это настроеніе, и мы съ

братомъ, а также Григорьевъ рѣшили устроить свою дальнѣйшую жизнь по новому. Григорьевъ былъ свободенъ отъ семейныхъ обязанностей, для насъ съ младшимъ братомъ задача сильно усложнялась. Мы были «лавристы» и смотрѣли на «хожденіе въ народъ» не какъ на революціонную экскурсію съ временными пропагандистскими цѣлями, а какъ на измѣненіе всей жизни. Григорьевъ не только раздѣлялъ эти планы, но, быть можетъ, болѣе всѣхъ опредѣлялъ ихъ. На ближайшее время мы съ братомъ рѣшили задачу такимъ образомъ: если представится случай участвовать въ какомъ-нибудь предпріятіи, сопряженномъ съ опасностью ареста, то участвуетъ только одинъ, а другой остается «въ семейномъ резервѣ».

Такой случай представился вскорѣ послѣ дѣла Засуличъ: во Владимірской церкви предполагалась панихида по Сидорацкомъ. Можно было ожидать побоища и арестовъ. Мы бросили жребій, который выпалъ брату. Когда онъ ушелъ, въ нашу квартиру забѣжалъ Григорьевъ и сказалъ мнѣ:

— Пріѣхала изъ Москвы Душа Ивановская. Я думалъ, что вы пойдете на панихиду. Она тоже будетъ. Пошелъ братъ?.. Ну, дѣлать нечего... Прошайте пока. — И онъ спѣшно ушелъ.

Ивановская была наша общая знакомая. Въ послѣдній годъ нашъ кружокъ въ академіи значительно расширился, и у насъ происходили регулярныя собранія въ Петровкѣ, въ квартирѣ женатаго студента Марковскаго. Кромѣ того,

мы часто собирались въ разныхъ мѣстахъ въ Москвѣ. На одномъ изъ такихъ собраній мнѣ бросилась въ глаза высокая дѣвушка, которую знакомые называли просто Душей. Въ нашемъ провинціальномъ городишкѣ мы привыкли къ особому тону отношеній съ дѣвушками: мы сходились для танцевъ, влюблялись, переживали маленькія сердечныя драмы, но дѣвушки являлись намъ лишь въ извѣстной «обстановкѣ», по большей части среди музыки и цвѣтовъ. Петербургская жизнь ничего не дала мнѣ въ этомъ отношеніи и только здѣсь, въ Москвѣ, я увидѣлъ собранія, на которыя со студентами приходили и дѣвушки. Въ собраніяхъ онѣ выступали рѣдко, но въ болѣе тѣсныхъ кружкахъ обсуждали все, о чемъ говорилось, и мнѣніе многихъ изъ нихъ пріобрѣтало большой вѣсъ въ нашихъ глазахъ.

Я былъ вообще застѣнчивъ, но къ тому времени я уже свободно говорилъ въ собраніяхъ студентовъ, и мое имя, наряду съ Григорьевымъ и Вернеромъ, пріобрѣтало нѣкоторую популярность въ кружкахъ. Однажды, придя довольно поздно на одно изъ собраній у Марковскаго, я поздоровался съ двумя-тремя знакомыми и остановился. Недалеко я увидѣлъ Ивановскую. Мы бывали вмѣстѣ на двухъ-трехъ собраніяхъ, но насъ никто не представлялъ другъ другу, я еще ни разу не говорилъ съ нею и не зналъ, какъ держаться. Можетъ быть, замѣтивъ мое легкое замѣшательство, дѣвушка подошла сама, протянула руку и сказала просто «здравствуйте», назвавъ меня по фамиліи. Это сразу подкупило меня,

и мы затѣмъ уже встрѣчались запросто. Я узналъ, что есть три сестры Ивановскія и что братъ ихъ, земскій врачъ, носившій въ кружкахъ прозвище «Василья Великаго», былъ арестованъ и убѣжалъ изъ московской Басманной части. Сестры были «на замѣчаніи» у полиціи, и послѣ нашей ссылки Ивановская тоже была арестована. Ходили слухи, что она въ заключеніи заболѣла. У меня при этихъ извѣстіяхъ сжималось сердце.

Теперь я узнаю, что она здѣсь, что я сейчасъ могъ бы ее увидѣть, если бы не случайность жребія. Братъ съ нею не знакомъ, и я увѣренъ, что, еслибы я раньше узналъ объ ея пріѣздѣ, — онъ уступилъ бы мнѣ свою очередь. Но его нѣтъ. А между тѣмъ, Богъ знаетъ, что можетъ случиться послѣ этой панихиды.

Я рѣшилъ пойти къ Владимірской церкви, разыскать брата и смѣниться съ нимъ очередями. Подходя къ церкви, я увидѣлъ, какъ отрядъ жандармовъ проѣхалъ на рысяхъ по Владимірской и въѣхалъ въ одинъ изъ дворовъ противъ церкви, послѣ чего ворота наглухо закрылись. Въ сосѣднихъ домахъ ворота тоже были закрыты; можно было предполагать, что и тамъ есть засада. Я рѣшилъ произвести небольшую рекогносцировку. Мѣстами, подальше отъ церкви, въ сосѣднихъ переулкахъ, вдоль стѣнъ и въ проходахъ подъ воротами стояли кучки людей въ сибиркахъ и высокихъ сапогахъ. На нѣкоторыхъ были надѣты фартуки, а въ рукахъ они держали метлы. Стояли они всѣ точно на какомъ-то дежурствѣ. Я понялъ:

полиція узнала о цѣли панихиды и готовила свой «народъ» для расправы съ крамольниками, въ помощь полицейскимъ.

Когда я вошелъ въ переполненную церковь, панихида была уже на исходѣ. Въ волнахъ кадильнаго дыма и въ торжественныхъ звукахъ прекраснаго пѣнія мнѣ чудилось особое настроеніе: мало кто изъ этихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ зналъ покойнаго Сидорацкаго. Но вотъ вскорѣ, быть можетъ, не одинъ и не одна изъ этой толпы подвергнутся его участи.

Недалеко отъ входа, у задней церковной стѣны, я увидѣлъ Григорьева, дѣлающаго мнѣ знаки, и я пробился къ нему черезъ толпу. Рядомъ съ нимъ стояла пріѣзжая. Такъ же просто и привѣтливо она поздоровалась со мной и черезъ нѣкоторое время сказала:

— Послушайте, Короленко, такъ нельзя стоять въ церкви.

Я дѣйствительно стоялъ спиной къ алтарю, а лицомъ къ ней.

Когда панихида кончилась, толпа повалила изъ церкви, но остановилась у паперти, очевидно, ожидая чего-то. Минута была критическая. Темная кучка людей, человѣкъ въ 500, казалась такой маленькой на этой площади подъ величавымъ порталомъ церкви. Незнакомцы въ передникахъ и съ метлами сбѣгаются изъ переулковъ. А кругомъ глядятъ слѣпыя пятна закрытыхъ воротъ, скрывающихъ вооруженную засаду.

Надъ толпой поднялся молодой человѣкъ и началъ говорить со ступеней портала. Это былъ Лопатинъ (не Германъ и не Всеволодъ,

имена которыхъ были уже извѣстны въ радикальныхъ кружкахъ). Сказавъ нѣсколько словъ о Сидорацкомъ и о значеніи панихиды, онъ сталъ горячо убѣждать толпу ограничиться этимъ мирнымъ выраженіемъ своего отношенія къ погибшей жертвѣ и разойтись по домамъ безъ дальнѣйшихъ демонстрацій. Рѣчь была сказана хорошо и оказала дѣйствіе: послѣ нѣкотораго колебанія плотная толпа какъ будто дрогнула. Ожидали возраженій, слышались отдѣльныя недовольныя восклицанія, но, вѣроятно, по предварительному плану распорядителей, рѣчей въ другомъ смыслѣ не было. Кучка за кучкой стали отрываться отъ компактной массы и вскорѣ толпа расплылась въ разныя стороны. До Невскаго и въ началѣ Литейнаго она была все-таки довольно густа, но далѣе стала смѣшиваться съ безразличной толпой, хотя все еще мѣстами привлекала удивленные взгляды встрѣчной публики. Въ концѣ Литейнаго у самаго спуска къ рѣкѣ произошелъ небольшой шумъ: кто-то замѣтилъ или просто только заподозрилъ шпіона, и кучка студентовъ дѣлала видъ, что хочетъ бросить его въ полынью на Невѣ у берега. Дѣло, однако, кончилось благополучно.

Я провожалъ Ивановскую и здѣсь попрощался съ ней. Пройдя нѣсколько шаговъ, я оглянулся. Какая-то дама, очень нарядная, только-что встрѣтилась съ дѣвушкой и тоже оглянулась. На лицѣ ея появилась насмѣшливая улыбка, значеніе которой я понялъ; высокая худощавая фигура дѣвушки была далеко не нарядна: на ней было темное пальто точно съ

чужого плеча, а на головѣ круглая клеенчатая шляпа съ лентой, падавшей сзади на плечи вмѣстѣ съ косой.

Читатель вспомнитъ первую дѣтскую, но довольно продолжительную, любовь «моего современника», начавшуюся среди музыки, дѣтской игры и танцевъ. И вотъ теперь, въ лицѣ этой нарядной красавицы, прошлая любовь какъ будто смѣялась надъ настоящей. И онъ подумалъ:

— Да, эти клеенчатыя шляпы ужасны... Но... Какъ я люблю ее...

LXXVI

УБІЙСТВО МЕЗЕНЦЕВА — ВТОРОЙ АРЕСТЪ — ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ОТДѢЛЕНІИ

Большой процессъ, выстрѣлъ Засуличъ, вызвавшій общее и очень широкое сочувствіе, ея оправданіе, заявленіе ея объ уваженіи къ суду присяжныхъ и готовности ему подчиниться, — все это были мотивы, казалось, устанавливающіе нѣкоторое взаимодѣйствіе между широкими общественными теченіями и стремленіями революціонной молодежи. Но это длилось недолго. Впечатлѣніе дѣла Засуличъ постепенно сглаживалось въ обществѣ и прессѣ, а жестокія репрессіи, которыми правительство отвѣтило на наивныя попытки народнической

молодежи, вызвали ожесточеніе. Движеніе начало сворачивать на путь изолированной борьбы революціонной интеллигенціи, на путь террора.

Вѣра Засуличъ не была террористкой въ прямомъ смыслѣ. Ея поступокъ былъ непосредственнымъ порывомъ, и оттого, быть можетъ, вызвалъ такое общее сочувствіе. Сама она всю остальную жизнь оставалась принципіальной противницей террора. Но вскорѣ послѣ ея дѣла появилась брошюра Кравчинскаго, въ которой послѣдній восторженно привѣтствовалъ ея подвигъ и звалъ къ его продолженію.

И продолженіе не замедлило.

4 августа 1878 г. убитъ шефъ жандармовъ Мезенцевъ. Во время обычной своей прогулки, въ сопровожденіи генерала Макарова, онъ встрѣтился на Михайловской улицѣ съ двумя изящно одѣтыми молодыми людьми, которые отдѣлили его отъ спутника. Одинъ изъ встрѣчныхъ прижалъ Макарова къ стѣнѣ, а другой въ это время ударилъ Мезенцева кинжаломъ. За неизвѣстными шагомъ ѣхала пролетка, въ которую они сѣли и скрылись безслѣдно. Это было среди бѣлаго дня на одной изъ центральныхъ улицъ столицы.

Исполнителями террористическаго акта были Кравчинскій и Баранниковъ. Лошадью правилъ Адріанъ Михайловъ. Въ прокламаціи, выпущенной по этому поводу, выставлялся мотивъ, близкій къ мотиву Вѣры Засуличъ: месть за погубленныхъ товарищей. Кромѣ того, въ стихотвореніи А. А. Ольхина, самомъ сильномъ

изъ всего, что имъ когда-либо было написано, упоминалось о томъ, какъ

Угасаетъ въ далекой якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной...

По закону Н. Г. Чернышевскому, окончившему срокъ каторжныхъ работъ, предстояло выйти на вольное поселеніе. Но вмѣсто этого онъ вновь былъ заключенъ въ особой тюрьмѣ въ Вилюйскѣ. И говорили, что это благодаря Мезенцеву.

Вечеромъ въ день этого убійства я долго засидѣлся въ типографіи. Возвращаясь поздней ночью въ свою квартиру (мы жили тогда на углу Подольской улицы и Клинскаго проспекта), я былъ пораженъ обильнымъ ея освѣщеніемъ. Подозрѣвая недоброе, я быстро вбѣжалъ по лѣстницѣ съ тяжелымъ опасеніемъ за мать. Она все была больна сложной нервной болѣзнью, на почвѣ которой съ нею случались тяжелые припадки. Дверь оказалась не запертой, квартира наполнена полиціей и понятыми. И первая фигура, которая мнѣ бросилась въ глаза, была совершенно спокойная фигура матери. Я кинулся къ ней и, обнимая ее, услышалъ ея шепотъ: «Пьянковъ называется такъ-то... Онъ сегодня снялъ у насъ комнату».

Пьянковъ, участникъ большого процесса, оправданный по суду, былъ все-таки сосланъ по высочайшему повелѣнію въ Архангельскую губернію, откуда только что бѣжалъ вмѣстѣ съ Павловскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ

корреспондентомъ «Новаго Времени» изъ Франціи (Яковлевъ). О томъ, что въ этотъ день что-то предпринимается, было извѣстно въ неблагонадежныхъ кругахъ, и оба бѣглеца еще съ утра попросили у насъ пріюта, считая нашу квартиру безопасной. Павловскій не явился, а Пьянкова я сразу увидѣлъ сидящимъ на окнѣ.

Ничего предосудительнаго при обыскѣ найдено не было, но все же я и мой младшій братъ были арестованы, у остальныхъ, то-есть у моего зятя, недавно женившагося на старшей сестрѣ, у его пріемнаго отца, только что пріѣхавшаго изъ Петрозаводска, чтобы познакомиться съ женой сына, и наконецъ, у Пьянкова были отобраны паспорта съ обязательствомъ явиться на слѣдующій день въ третье отдѣленіе.

Насъ съ братомъ доставили въ зданіе у Цѣпного моста, которое, несмотря на поздній часъ, было ярко освѣщено и переполнено движеніемъ и суетой. Меня привели въ корридоръ верхняго этажа, ввели въ камеру, велѣли раздѣться до-нага и унесли одежду съ собой. Но все-таки я успѣлъ припрятать карандашъ, обернутый полулистикомъ почтовой бумаги, засунувъ его въ буйные волосы. Я его оставилъ потомъ въ наслѣдство своему невѣдомому преемнику по камерѣ. Черезъ пять минутъ мнѣ принесли бѣлье, халатъ изъ тонкаго сукна и туфли вродѣ больничныхъ. Черезъ десять минутъ я уже спалъ, какъ убитый.

Раннимъ утромъ служитель принесъ принадлежности для умыванья. Онъ былъ въ жандармской тужуркѣ. Тогда жандармы не были

еще добровольцами, а назначались въ «корпусъ» прямо изъ сдаточныхъ, какъ и въ другіе роды войскъ. Поэтому, между ними встрѣчалось много простыхъ и добродушныхъ лицъ, безъ той особой печати, которая отмѣчала жандармовъ впослѣдствіи. Когда служитель входилъ за чѣмъ-нибудь въ камеру, часовой, тоже жандармъ, становился у двери, почему-то спиной къ камерѣ. Умывшись и обтирая лицо, я спросилъ у служителя который теперь часъ, но въ отвѣтъ получилъ громкій и довольно грубый окрикъ:

— Молчать... Не велѣно разговаривать. — Но тутъ же онъ прибавилъ шопотомъ: — Девять часовъ.

Я понялъ, что ни этого прислужника, ни стоящаго у двери съ обнаженной шашкой часового мнѣ опасаться нечего, и, когда онъ принесъ мнѣ завтракъ, то я опять спросилъ его:

— Не знаете ли? Мой братъ тутъ же? — Новый, еще болѣе грозный окрикъ и тихій отвѣтъ: — Въ такомъ-то номерѣ внизу.

Въ третій разъ, когда явился обѣдъ, служитель уже самъ мигнулъ мнѣ, чтобы я спросилъ у него что-нибудь и послѣ грубѣйшаго окрика отвѣтилъ шопотомъ:

— Вашего брата на допросъ повели. Кушайте скорѣе, сейчасъ поведутъ и васъ.

Мнѣ дѣйствительно скоро принесли собственное платье и повели въ канцелярію. Въ коридорахъ и въ комнатахъ третьяго отдѣленія шла невѣроятная суета, все было полно жандармами, сыщиками, арестованными и при-

званными къ явкѣ. Проходя черезъ переднюю, я увидѣлъ Лошкарева и его пріемнаго отца. Пьянкова хорошо знали въ третьемъ отдѣленіи и потому, по общему совѣту, онъ не явился.

Меня и брата допросили наскоро, гдѣ мы провели первую половину вчерашняго дня, и затѣмъ отпустили. Вмѣстѣ съ нами въ переднюю вышелъ молодой жандармскій офицеръ и оклинулъ:

— Вызванные съ Подольской улицы, домъ номеръ такой-то, есть?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, — отвѣтилъ пріемный отецъ Лошкарева, бывшій николаевскій солдатъ, и вытянулся въ струнку.

Это, повидимому, спасло наше положеніе: офицеръ благосклонно взглянулъ на эту колоритно благонадежную фигуру и, не перекликая остальныхъ, отдалъ ему всѣ паспорта. Такимъ образомъ неявка Пьянкова прошла незамѣченной. Мы веселой гурьбой вышли на узкій дворъ, гдѣ навстрѣчу намъ попался въ парадной формѣ высокій, полный и красивый жандармскій полковникъ. Намъ назвали весьма впослѣдствіи извѣстнаго тѣлохранителя и личнаго друга Александра III, генерала Черевина.

LXXVII

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МОЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ — ДИЛЕТАНТЪ РЕВОЛЮЦІИ И ВОЛЬНЫЙ СЫЩИКЪ

Эпизодъ съ арестомъ по поводу убійства Мезенцева показалъ намъ ясно, что мы признаны уже безповоротно «подозрительными», и должны ожидать такихъ же неожиданностей по любому поводу.

Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, оглядываясь на это прошлое, я спрашиваю себя: были ли для этого дѣйствительныя основанія? Былъ ли я, дѣйствительно, опаснымъ революціонеромъ? Конечно, въ моей квартирѣ находили пріютъ такіе ужасные преступники, какъ Пьянковъ или Павловскій. Впослѣдствіи, какъ я уже говорилъ, Павловскій трудился на самомъ благонамѣренномъ поприщѣ, украшая своими статьями столбцы «Новаго Времени». Правда, будучи уже эмигрантомъ, онъ написалъ какъ-то по-французски разсказъ «En cellule», гдѣ изобразилъ ощущенія политическаго заключеннаго въ одиночкѣ. Тургеневъ горячо рекомендовалъ этотъ разсказъ молодого автора французскому редактору, и это навлекло на знаментаго писателя громы и молніи въ газетѣ Каткова. Впослѣдствіи, однако, этотъ разсказъ уже по-русски («Въ одиночкѣ») появился въ книжкѣ Павловскаго, вышедшей въ Россіи при царскомъ режимѣ.

Пьянковъ, сколько мнѣ извѣстно, получилъ наслѣдство послѣ смерти отца, богатаго сибир-

скаго виноторговца, тоже сталъ впослѣдствіи крупнымъ торговцемъ на Амурѣ и издавалъ во время русско-японской войны патріотическую и даже ультра-шовинистическую газетку.

Такимъ образомъ, то, что я далъ пріютъ этимъ двумъ бѣглецамъ, очевидно, не имѣло для отечества пагубныхъ послѣдствій. Я самъ побывалъ уже въ ссылкѣ и готовъ былъ дать пріютъ всякому, уклоняющемуся отъ административнаго произвола, не справляясь, конечно, намѣренъ ли онъ впослѣдствіи работать въ «Новомъ Времени» или торговать виномъ.

Что же еще? Я строилъ планы переустройства своей жизни, связанные съ болѣе или менѣе туманными планами переустройства всего общества. Съ этими цѣлями я и Григорьевъ занялись изученіемъ сапожнаго ремесла, а мой младшій братъ завелъ небольшую слесарную мастерскую. Очень вѣроятно, что черезъ нѣкоторое время мы съ братомъ кинули бы жребій, и одинъ изъ насъ отправился бы «въ народъ», — я съ Григорьевымъ въ качествѣ странствующихъ сапожниковъ, братъ слесарнымъ мастеровымъ. Это кончилось бы тѣмъ же, чѣмъ кончались сотни подобныхъ экскурсій, то-есть сознаніемъ, что народная жизнь настоящій океанъ, управлять движеніями котораго не такъ легко, какъ намъ казалось. Для меня лично это сопровождалось бы накопленіемъ художественныхъ наблюденій, и, вѣроятно, я скоро бы понялъ, что у меня темпераментъ не активнаго революціонера, а скорѣе созерцателя и художника. Однимъ словомъ, степень тогдашней моей преступности даже у

насъ, съ точки зрѣнія даже нашихъ законовъ, оставалась самое большее въ области намѣреній и предположеній, едва ли караемыхъ.

Я былъ все-таки неблагонадеженъ?.. Конечно. И именно въ той степени, въ какой былъ неблагонадеженъ въ то время любой представитель средняго русскаго культурнаго общества. — «Ваше величество, — писалъ Лавровъ въ своемъ журналѣ «Впередъ» Александру II. — Вы ходите иногда по улицамъ. Если навстрѣчу вамъ попадется образованный молодой человѣкъ съ умнымъ лицомъ и открытымъ взглядомъ, знайте: это вашъ врагъ»...[1]. И это было очень близко къ истинѣ.

Самодержавіе это чувствовало. Бороться приходилось съ настроеніемъ, разлитымъ въ воздухѣ, а наша власть гонялась за отдѣльными проявленіями и привыкла стрѣлять по воробьямъ изъ пушекъ. Самые законы она стала приспособлять къ этой пальбѣ. Видя, что судъ все-таки не такъ легко подчинить временнымъ надобностямъ устрашенія всего общества и что онъ не можетъ стать достаточно гибкимъ орудіемъ борьбы не съ поступками, а съ настроеніемъ, власти выработали болѣе послушный механизмъ. Нѣсколькими краткими законами въ порядкѣ верховнаго управленія былъ созданъ или значительно расширенъ механизмъ такъ-называемаго «административнаго порядка». Эти краткіе акты верховной власти можно было бы назвать настоящими «законами о беззаконіи». Они вскорѣ полу-

[1] Цитирую по памяти.

чили вдобавокъ самое распространенное толкованіе, и съ ними царствованіе Александра II, «творца судебныхъ уставовъ», вступало на путь азіатскаго произвола во всемъ, что хоть отдаленно касалось политическихъ мотивовъ.

Въ это время (къ концу 1878 года) мы жили въ проходномъ дворѣ, узкомъ и длинномъ, выходившемъ одной стороной на Невскій проспектъ противъ Александро-Невской части, а другой — на вторую улицу Песковъ. Съ нами жили теперь двѣ сестры Ивановскія (Александра и Евдокія Семеновны), отпущенныя изъ Москвы впредь до окончанія (административнаго, разумѣется) какого-то ихъ «дѣла». Времена были патріархальныя, и жили онѣ безъ прописки.

Это былъ одинъ изъ лучшихъ періодовъ моей жизни и — я увѣренъ также, въ жизни моей матери и всей семьи. Всѣ мы жили вмѣстѣ, кромѣ старшаго брата, приходившаго къ намъ разъ въ недѣлю. Съ Ивановскими мы сжились, какъ съ родными. Григорьевъ называлъ мать «мамой», и она полюбила его, какъ сына. Всѣ мы, мужчины (кромѣ Григорьева) работали по корректурѣ въ разныхъ типографіяхъ, поздно возвращаясь домой. Во второмъ часу ночи обыкновенно поспѣвалъ самоваръ, мать тоже поднималась къ этому времени, и въ маленькой кухонкѣ сходилось за чайнымъ столомъ все населеніе квартирки. Шли разговоры, смѣхъ, пока мать, притворно сердясь, но въ сущности радостная и спокойная, не разгоняла насъ по комнатамъ. Въ этотъ періодъ даже ея нервная болѣзнь прошла, и припадки не повторялись.

Къ этому времени я уже бросилъ мысль о горномъ институтѣ, братъ оставилъ строительное училище и только зять Лошкаревъ продолжалъ заниматься въ медико-хирургической академіи. По утрамъ я сталъ ходить въ сапожную мастерскую на Загородномъ проспектѣ. И молодой хозяинъ ея, и всѣ рабочіе были финны, уже затронутые «пропагандой», и всѣ очень радушно старались преподать мнѣ тайны своего искусства.

Съ нѣкоторыхъ поръ мы замѣтили, что за нами установленъ систематическій надзоръ тайной полиціи. Рядомъ съ нами жили тоже неблагонадежные люди (семья Мурашкинцевыхъ), и для надзора за обѣими квартирами были поставлены два шпіона. Лица ихъ намъ скоро примелькались. Одинъ былъ высокій блондинъ, довольно благообразный, но какой-то тусклый, съ вѣчно подвязанной щекой. Другой — брюнетъ, невысокаго роста, непріятный, съ физіономіей орангутанга, сильно выдавшейся впередъ нижней челюстью и мрачными черными глазами. Они стояли по одному у каждаго выхода нашего проходного двора, а иногда устанавливали наблюдательный постъ на площадкѣ противоположнаго дома, откуда можно было заглядывать въ наши окна. Стоило кому-нибудь изъ насъ выйти въ сторону Невскаго или Второй улицы Песковъ, какъ одинъ изъ нихъ увязывался за нами. Сказать правду, мы довольно жестоко забавлялись надъ бѣднягами. Мнѣ, напримѣръ, не хотѣлось, чтобы они знали о моихъ экскурсіяхъ въ сапожную мастерскую, и мы прибѣгали къ военной хит-

рости: братъ выходилъ съ подъѣзда, тревожно оглядывался и шелъ къ воротамъ. Шпіонъ тотчасъ же увязывался за нимъ. Братъ проходилъ по нѣсколькимъ улицамъ въ сторону противоположную той, куда мнѣ слѣдовало идти, заходилъ даже во дворы, подымался наудачу на лѣстницы и затѣмъ возвращался домой, а я въ это время благополучно выходилъ со двора и шелъ на Загородный. Филеры сбивались съ ногъ, записывали безъ толку много дворовъ и лѣстницъ, но не могли узнать ничего интереснаго и, конечно, въ нихъ накоплялось противъ насъ понятное озлобленіе.

Впрочемъ, гораздо болѣе серьезныя послѣдствія имѣла для насъ встрѣча съ двумя сыщиками, о которыхъ мнѣ приходится разсказать подробнѣе.

Первый изъ нихъ былъ нѣкто Глѣбовъ. Это былъ актеръ неудачникъ. Старшій мой братъ Юліанъ, совершенно непричастный ни къ какой «крамолѣ», подобралъ его въ какомъ-то увеселительномъ саду, въ трудную минуту его жизни, когда у него не было даже своей квартиры. Это былъ молодой человѣкъ, обладавшій довольно «благородной» сценической наружностью. Высокій, довольно стройный, съ роскошной артистической шевелюрой, онъ, однако, не обладалъ никакимъ талантомъ и потому бѣдствовалъ. Къ брату онъ переселился съ одной только гитарой, на которой аккомпанировалъ себѣ, распѣвая романсы. Пѣлъ онъ сладкимъ голосомъ, стараясь при этомъ пріятнѣйшимъ образомъ складывать губки ижицей. У брата, какъ нѣкогда у отца, бывали

разныя неожиданныя фантазіи, и, когда мы спрашивали, что это у него за жилецъ и почему онъ его содержитъ, братъ отвѣчалъ совершенно серьезно:

— Это даровитый артистъ. Онъ меня учитъ музыкѣ... находитъ, что у меня есть признаки таланта.

Надо замѣтить, что наша семья не отличалась особенными музыкальными способностями, а старшій братъ былъ, можно сказать, самый изъ насъ не музыкальный, и мы всѣ, не исключая его самого, отъ души хохотали, когда онъ, подъ гитару «артиста», старательно выводилъ: «По небу полуночи». Но «даровитый артистъ» дѣлалъ самый серьезный видъ.

Однажды этотъ артистъ внезапно исчезъ и не появлялся двѣ недѣли, что возбудило у брата безпокойство. Это случилось вскорѣ послѣ того, какъ уѣхала за границу госпожа Гольдсмитъ, жена редактора «Слова». Многимъ было извѣстно, что она должна увезти съ собой какую-то корреспонденцію, назначенную для передачи въ редакцію «Впередъ» П. Л. Лаврову. Среди ея знакомыхъ былъ, между прочимъ, и Глѣбовъ. Всѣ обратили вниманіе, что онъ явился къ проводамъ уѣзжавшей на варшавскій вокзалъ запыхавшись, передъ самымъ отходомъ поѣзда и, прощаясь, странно оглядывался по сторонамъ. Черезъ двѣ или три станціи г-жа Гольдсмитъ была снята съ поѣзда и обыскана. Оказалось случайно, что она раздумала везти корреспонденцію лично и передала ее болѣе благонадежной особѣ. Такимъ образомъ по обыску ничего предосудительнаго

найдено не было, г-жѣ Гольдсмитъ былъ выданъ за счетъ третьяго отдѣленія новый билетъ до Варшавы, а Глѣбовъ исчезъ съ нашего горизонта на двѣ или на три недѣли. Позже говорили, что это былъ первый его добровольческій подвигъ, и за оплошный доносъ бѣднягѣ пришлось высидѣть подъ арестомъ. Какъ бы то ни было, братъ послѣ этой безвѣстной отлучки вновь принялъ «артиста» съ распростертыми объятіями, опять зазвучала гитара, только вмѣсто дуэтовъ теперь раздавалось тріо: во время отсутствія Глѣбова братъ пустилъ новаго сожителя, нѣкоего С—ва, бывшаго народнаго учителя, теперь занимавшагося частными уроками и воображавшаго себя отчаяннымъ революціонеромъ. Это былъ человѣкъ благодушный, но очень недалекій. Ему предстояло вскорѣ отправиться съ какимъ-то юнымъ дворянчикомъ въ имѣніе въ Харьковскую губернію и онъ попросилъ моего младшаго брата достать ему нѣсколько номеровъ нелегальныхъ изданій, выходившихъ тогда въ Петербургѣ. Братъ удовлетворилъ его просьбу.

Придя послѣ этого къ старшему брату, я засталъ С—ва за укладкой вещей. Въ этомъ ему усердно помогалъ Глѣбовъ, увязавшій при мнѣ нелегальныя изданія въ тючекъ, вверху котораго были положены бумаги С—ва. Разговоры объ этомъ велись громко, несмотря на то, что комната брата отдѣлялась только одной дверью отъ сосѣдней, гдѣ жили незнакомые люди. Долженъ сказать, что я считалъ С—ва человѣкомъ легкомысленнымъ и былъ противъ его пропагандистскихъ предпріятій.

Когда Глѣбовъ кончилъ укладку, быстро собрался и убѣжалъ куда-то, сказавъ, что пріѣдетъ попрощаться на вокзалъ, мнѣ вспомнились вдругъ разсказы о случаѣ съ г-жой Гольдсмитъ, и я сталъ выговаривать С—ву за его неосторожность:

— Вѣдь, мы совсѣмъ не знаемъ этого Глѣбова. Смотрите, какъ бы и васъ не остановили на второй или третьей станціи. Объ немъ уже ходятъ нехорошіе слухи...

— Ну, если бы это случилось, тогда дѣло ясное: значитъ Глѣбовъ шпіонъ.

— А знаете ли вы, — сказалъ я, понижая голосъ, — кто вотъ тутъ слышитъ всѣ наши разговоры въ сосѣдней комнатѣ?..

С—въ уѣхалъ на вокзалъ. Вагонъ, куда онъ вошелъ, былъ набитъ биткомъ. Большой чемоданъ, бывшій съ нимъ, носильщикъ положилъ на первое незанятое мѣсто на верхней полкѣ, а самому С—ву пришлось усѣсться въ другомъ концѣ вагона. Къ самому отходу поѣзда опять примчался запыхавшійся Глѣбовъ, разыскалъ С—ва, заботливо посмотрѣлъ, удобно ли онъ устроился и, выйдя въ послѣднюю минуту на платформу, успѣлъ снабдить его на дорогу нѣсколькими іудиными поцѣлуями.

На одной изъ близкихъ станцій С—ва пригласили въ жандармскую комнату вмѣстѣ съ вещами. Разумѣется, онъ захватилъ только одинъ небольшой чемоданчикъ, лежавшій рядомъ съ нимъ, а другой чемоданъ благополучно прослѣдовалъ дальше. Благодаря этому обстоятельству у С—ва, какъ и у г-жи Гольдсмитъ, ничего предосудительнаго не найдено.

Жандармскій офицеръ, добродушный старикъ, съ соболѣзнованіемъ покачалъ головой и сказалъ:

— У васъ, г-нъ С—въ, есть въ Петербургѣ плохой пріятель.

Между тѣмъ чемоданъ съ нелегальными изданіями и съ бумагами С—ва доѣхалъ до Москвы, гдѣ и былъ оставленъ въ качествѣ безхозяйственнаго багажа. Разумѣется, С—ву оставалось только явиться къ начальнику станціи и потребовать свои «забытыя вещи». Это была единственная вѣроятность отдѣлаться благополучно. Но С—въ былъ человѣкъ несообразительный и трусливый. Поэтому онъ предпочелъ отправиться въ Харьковскую губернію и ждать тамъ пассивно до тѣхъ поръ, пока неизвѣстно кому принадлежащій чемоданъ (съ бумагами С—ва) не былъ вскрытъ, послѣ чего владѣлецъ арестованъ и доставленъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ Глѣбовъ вновь «безслѣдно отлучился» съ квартиры брата, какъ послѣ прощанія съ г-жей Гольдсмитъ. Этому неудачнику-артисту очевидно не везло также и на новомъ поприщѣ, и каждое трогательное прощаніе на вокзалѣ кончалось для него новымъ арестомъ. С—въ, на вопросъ о томъ, кто ему далъ нелегальныя изданія, сказалъ прямо, что получилъ ихъ отъ Глѣбова. За этимъ послѣдовала новая, уже третья безвѣстная отлучка Глѣбова, а С—въ былъ отпущенъ.

Какъ-то въ разговорѣ съ С—мъ по поводу сего инцидента, я сказалъ ему, что на его мѣстѣ я никогда больше не брался бы ни за

какія нелегальныя предпріятія. Вѣдь, нельзя даже быть вполнѣ увѣреннымъ, что выдалъ именно Глѣбовъ (какъ это ни правдоподобно), а не неизвѣстные сосѣди за дверью. С—въ долго послѣ этого сидѣлъ въ углу, а затѣмъ подошелъ ко мнѣ и сказалъ растроганнымъ голосомъ:

— Знаете, ваши слова смутили мою совѣсть... Но что же въ такомъ случаѣ мнѣ сказать завтра въ третьемъ отдѣленіи, куда я пойду за полученіемъ бумагъ? Вѣдь, если снять оговоръ съ Глѣбова, то придется сказать, что я получилъ нелегальныя изданія не отъ него, а отъ вашего брата?

Я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Сдѣлайте одолженіе... Скажите, что получили ихъ отъ меня...

Онъ видимо обрадовался, но скоро на его лицѣ показалось смущеніе.

— А... А что же будетъ съ вами? — спросилъ онъ.

— Обо мнѣ не безпокойтесь, — я просто скажу, что С—въ извѣстенъ въ нашемъ кружкѣ, какъ отчаянный лгунъ: сначала налгалъ на Глѣбова, а когда мы стали стыдить его за клевету, — онъ пытается оболгать насъ.

Лицо его совсѣмъ увяло. Это былъ дилетантъ отъ революціи, считавшій для себя обязательными откровенные отвѣты на всякій вопросъ начальства. Революціонная дѣятельность представлялась ему дѣломъ занимательнымъ и неособенно опаснымъ. Раздавать съ конспиративнымъ видомъ подпольныя изданія юношамъ

и особенно дѣвицамъ. Въ случаѣ провала умилостивлять начальство «откровенными показаніями», освобождаться этой цѣной и — приниматься за старое уже въ званіи «пострадавшаго». Наивный человѣкъ повидимому не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго.

— Послушайте, С—въ, что я вамъ скажу, — продолжалъ я. — Братъ не навязывалъ вамъ нелегальныхъ изданій. Вы сами выклянчили, чтобы онъ досталъ ихъ для васъ. Если же вы считаете, что вы вправѣ послѣ этого донести на него, то нужно предупредить объ этомъ вашихъ знакомыхъ. Впрочемъ, успокойтесь на счетъ Глѣбова. Конечно, если онъ не шпіонъ, то вы обязаны снять съ него оговоръ. Но это мы вскорѣ выяснимъ.

Дѣйствительно, мы съ братомъ рѣшили во что бы то ни стало выяснить этотъ вопросъ. Нѣкоторыя сомнѣнія еще оставались, и намъ казалось, что мы не имѣемъ права при такихъ условіяхъ называть Глѣбова шпіономъ. Поэтому мы своимъ кружкомъ пригласили «артиста» и попросили разъяснить намъ нѣкоторыя «сомнительныя обстоятельства». Сначала онъ все отрицалъ, но потомъ совершенно запутался и, принявъ театральную позу, сказалъ съ пафосомъ:

— Пусть такъ... Но имѣлъ ли все-таки С—въ нравственное право взводить на меня ложное обвиненіе?

Мы прекратили разговоръ о «нравственномъ правѣ» и указали шпіону на дверь.

Позже этотъ господинъ выступалъ уже офиціально даже при обыскахъ, а вскорѣ послѣ

нашего съ нимъ объясненія его имя появилось въ спискѣ шпіоновъ, напечатанномъ въ нелегальномъ листкѣ.

Въ то время, когда я пишу эти воспоминанія, въ «Русскомъ Богатствѣ» оглашены выдержки изъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ моей біографіи. Въ частности о причинахъ послѣдовавшей вскорѣ послѣ этихъ событій моей высылки изъ Петербурга. Говорится, что я подозрѣвался въ покушеніи на драгоцѣнную жизнь какого-то шпіона. Очевидно Глѣбовъ слишкомъ драматизировалъ свое «объясненіе» съ нами.

Впрочемъ, исторіи о покушеніи на его жизнь въ третьемъ отдѣленіи не придали сколько-нибудь серьезнаго значенія (о чемъ мнѣ впослѣдствіи говорили даже жандармы), такъ какъ было совершенно ясно, что по отношенію къ этому господину мы обнаружили скорѣе донкихотскую щепетильность, чѣмъ свирѣпость, но все же эти мелкіе факты въ своемъ нагроможденіи все больше сгущали атмосферу неблагонадежности вокругъ нашей семьи и ближайшихъ ея знакомыхъ.

Что касается до С—ва, то его революціонный зудъ все-таки его не оставилъ. Вскорѣ онъ опять былъ арестованъ по новому дѣлу и далъ откровенныя до гнусности показанія, которыя закончилъ слѣдующимъ патетическимъ обращеніемъ:

— Если эти показанія попадутся на глаза моимъ товарищамъ, — пусть они примутъ во вниманіе, что, давая ихъ, я томился въ темницѣ.

LXXVIII

УБІЙСТВО РЕНШТЕЙНА — НОВЫЙ АРЕСТЪ

Въ одинъ прекрасный день въ нашу квартиру явился молодой человѣкъ, одѣтый въ роскошную шубу съ собольимъ воротникомъ, и въ такой же шапкѣ, очень радостный и очень благополучный на видъ, откормленный, съ нѣжнымъ румянцемъ на сытомъ лицѣ. Показалось нѣсколько страннымъ, когда онъ отрекомендовался простымъ рабочимъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы. Онъ просилъ снабдить его петербургскими нелегальными изданіями и особенно настойчиво добивался прямыхъ сношеній съ редакціей. У него были рекомендаціи нашихъ знакомыхъ, но мы не могли удовлетворить его просьбу, уже потому, что сами такихъ прямыхъ сношеній еще не имѣли. Онъ очень просилъ узнать и сообщить ему въ слѣдующій пріѣздъ. Это мы пожалуй и могли бы сдѣлать, но у насъ не было особеннаго желанія хлопотать для этого страннаго рабочаго, явно щеголявшаго дорогой шубой, тѣмъ болѣе, что одна изъ рекомендацій исходила отъ описаннаго выше С—ва. Ренштейнъ пріѣзжалъ нѣсколько разъ и каждый разъ являлся къ намъ со своей просьбой. Случаю было угодно, чтобы одинъ разъ онъ столкнулся въ нашей квартирѣ съ человѣкомъ, близкимъ къ редакціи нелегальнаго изданія. Это былъ А. А. Астафьевъ. Послѣ крупнаго разгрома люди, оставшіеся въ Петербургѣ у революціонныхъ дѣлъ, наружно

совершенно преобразились. Астафьевъ (знакомый младшаго брата), еще недавно очень безпечный насчетъ костюма, теперь явился къ намъ настоящимъ денди, въ изящномъ пальто, съ портфелемъ подъ мышкой, точно важный департаментскій чиновникъ. Ренштейнъ, ни мало не стѣсняясь, изложилъ при немъ свою просьбу: онъ явился делегатомъ отъ московскихъ рабочихъ для прямыхъ сношеній съ редакціей «Земли и Воли». Для насъ самихъ была неожиданна быстрая готовность Астафьева исполнить это желаніе незнакомаго ему человѣка. Онъ назначилъ Ренштейну свиданіе на другой день на углу такой-то и такой-то улицы. Ренштейнъ ушелъ отъ насъ видимо обрадованный. Мы спросили Астафьева, — почему онъ такъ легко согласился на просьбу человѣка, котораго не знаетъ даже по фамиліи?

— А какъ его фамилія, въ самомъ дѣлѣ? — спросилъ Астафьевъ и, когда мы назвали Ренштейна, онъ схватился за голову: «Батюшки, шпіонъ!.. Въ слѣдующемъ номерѣ мы печатаемъ его фамилію въ спискѣ агентовъ». И онъ быстро убѣжалъ изъ нашей квартиры.

На слѣдующій день Ренштейнъ пришелъ къ намъ, огорченный: онъ напрасно прождалъ въ назначенномъ мѣстѣ. Гдѣ же ему теперь разыскать вчерашняго господина?

Братъ отвѣтилъ, что адреса вчерашняго господина мы и сами не знаемъ, такъ какъ онъ конспиративно скрываетъ свою фамилію и адресъ. Ренштейнъ послѣ этого уѣхалъ въ Москву, а черезъ нѣсколько дней стало из-

вѣстно, что онъ убитъ революціонерами. Въ Москвѣ онъ очевидно съ провокаціонными цѣлями содержалъ «конспиративную квартиру», на которой въ это время скрывался, между прочимъ, мой хорошій знакомый Петръ Засимовичъ Поповъ, С—въ и еще какой-то московскій рабочій, съ которымъ Петя Поповъ вскорѣ очень подружился. Рабочій былъ совершенно легальный, недавно пріѣхалъ изъ деревни и жилъ безъ прописки только потому, что потерялъ паспортъ и ждалъ изъ деревни другого. У Пети Попова сразу завязалась дружба съ этимъ простодушнымъ крестьяниномъ.

Вся эта компанія покоилась мирнымъ сномъ, какъ вдругъ среди глубокой ночи раздался звонокъ. С—въ поднялся и спросилъ, — кто звонитъ? Отозвался дворникъ. Когда дверь была открыта, съ дворникомъ вошелъ какой-то высокій господинъ, лица котораго при тускломъ ночникѣ С—въ не разглядѣлъ, подалъ какой-то конвертъ и тотчасъ же быстро ушелъ. С—въ не торопясь вошелъ въ спальню, зажегъ лампу и вскрылъ конвертъ. Прочитавъ записку, онъ сначала бросился въ переднюю и на лѣстницу, крича, чтобы незнакомецъ вернулся, но лѣстница была уже пуста. Послѣ этого С—въ кинулся на свою кровать, уткнувшись въ подушку, и на всѣ вопросы Попова только отчаянно отмахивался руками: «Не спрашивай, ради Бога не спрашивай»... Поповъ все-таки взялъ изъ его рукъ листокъ и прочиталъ его. На немъ измѣненнымъ почеркомъ было написано приблизительно слѣдующее:

«Вы извѣщаетесь, что вашъ квартирохозяинъ Н. В. Ренштейнъ, оказавшійся предателемъ, казненъ по приговору Исполнительнаго Комитета партіи «Народной Воли». Вы можете принять мѣры для своей безопасности, но обязуетесь хранить объ этомъ полное молчаніе подъ страхомъ смертной казни».

Легко представить себѣ, какую ночь провели послѣ этого жильцы конспиративной квартиры. На слѣдующее утро С—въ поспѣшилъ скрыться. Рабочій скрыться не могъ и рѣшилъ дожидаться заказного письма съ паспортомъ. Петя Поповъ не хотѣлъ его бросить и еще нѣсколько дней прожилъ съ нимъ въ той же квартирѣ.

Всѣ эти подробности я узналъ отъ сестры Попова, Надежды Засимовны, которая работала въ качествѣ моей помощницы въ «Новостяхъ» и была близка съ нашей семьей. Она получила съ оказіей письмо отъ брата еще въ то время, когда объ убійствѣ не было извѣстно официально, и трупъ Ренштейна лежалъ въ запертомъ номерѣ гостинницы. Поповъ былъ глубоко убѣжденъ, что въ данномъ случаѣ произошла роковая ошибка. Сестра его раздѣляла это убѣжденіе, и успѣла внушить мнѣ это сомнѣніе, хотя впечатлѣніе сытенькой фигуры этого рабочаго въ собольей шапкѣ все таки оставалось. Мысль, что этотъ благополучный молодой человѣкъ лежитъ убитымъ въ запертомъ номерѣ, вызвала во мнѣ содроганіе. Я чувствовалъ, кромѣ того, что, если Ренштейнъ дѣйствительно предатель, то это еще новое звено въ той сѣти неблагона-

дежности, которая окружаетъ нашу семью. Еще до этого, если не ошибаюсь, 22 февраля ко мнѣ подошелъ дворникъ и сказалъ какъ-то конспиративно:

— Вотъ что, господинъ: нѣтъ ли у васъ въ квартирѣ кого-нибудь не прописаннаго?.. Такъ какъ бы не вышло непріятности...

— А что? — спросилъ я.

— Да ужъ такъ, я вамъ говорю...

Мы сообразили, что это предостереженіе недаромъ и рѣшили ускорить отъѣздъ сестеръ Ивановскихъ въ Москву. Для меня это былъ день, полный печали. Недѣлю назадъ я снесъ въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ» свой первый разсказъ, который я незадолго передъ тѣмъ прочиталъ въ нашемъ кружкѣ, и въ этотъ день Щедринъ мнѣ вернулъ его въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ». Я болѣзненно принялъ эту первую литературную неудачу. А тутъ еще эти проводы.

Жили мы очень близко отъ вокзала. Прибѣгнувъ къ обычному маневру, мы отвлекли обоихъ сыщиковъ отъ воротъ, а въ это время цѣлой гурьбой пошли пѣшкомъ на вокзалъ. Гудокъ поѣзда долго еще звучалъ въ моихъ ушахъ, когда я вернулся въ опустѣвшую, казалось, квартиру, а ночью, когда мы были уже всѣ въ сборѣ, вернувшись съ работы, — раздался звонокъ. Явилась съ обыскомъ полиція Александро-Невской части, — высокій старикъ помощникъ пристава, нѣсколько городовыхъ и понятые, среди которыхъ были между прочимъ и двое нашихъ знакомцевъ филеровъ: худосочный блондинъ съ подвязанной щекой

и похожій на орангутанга брюнетъ. По намеку дворника мы, разумѣется, были совершенно готовы къ этому посѣщенію, и полиція удалилась совершенно ни съ чѣмъ. Но ровно черезъ недѣлю, 29 февраля 1879 г., обыскъ повторился. На этотъ разъ полиція только присутствовала, а распоряжался всѣмъ жандармскій офицеръ. Обыскъ былъ не особенно тщательный (жандармъ держалъ себя въ семейномъ домѣ вполнѣ корректно), но два нашихъ знакомца были опять тутъ и видимо были чѣмъ-то озабочены.

— Скажите, пожалуйста, кто эти господа? — спросилъ я у ротмистра. — Вѣроятно, члены прокуратуры?..

Ротмистръ понялъ насмѣшку и, брезгливо поморщившись, сказалъ сыщикамъ:

— Что вы тутъ суетесь? Станьте у двери въ передней и не отходите ни на шагъ. Ну!.. — прикрикнулъ онъ, когда одинъ изъ сыщиковъ пытался возразить что-то. Оба филера вынуждены были повиноваться и поневолѣ стали въ родѣ каріатидъ у двери въ передней. Черезъ нѣкоторое время изъ кухонки, помѣщавшейся рядомъ съ передней, раздался негодующій крикъ нашей кухарки Пелагеи:

— Что вамъ надо? Что вы ко мнѣ пристаете? Вотъ смотри, кочергой съѣзжу...

Очевидно сыщики приставали съ какими-то разспросами. Кухарка Пелагея была очень простодушное существо. Она недавно пріѣхала изъ деревни, жила до насъ только на одномъ мѣстѣ, гдѣ много натерпѣлась отъ хозяевъ и, попавъ къ намъ, привязалась ко всѣмъ точно

родная. Порой она тоже поднималась среди ночи, чтобы принять участіе въ нашихъ ночныхъ разговорахъ, вставляя въ нихъ свои реплики, вызывавшія взрывы веселаго хохота. Она была юмористка по натурѣ и отчасти сознавала это. На этотъ разъ сыщики обратились не по адресу. Послѣ негодующаго окрика Пелагеи, офицеръ безъ церемоніи прогналъ ихъ на лѣстницу.

Позже обнаружилось, что въ эту минуту въ нашей квартирѣ разыгрывалась маленькая шпіонская драма: на слѣдующій день мать и Пелагея, со слезами убирая мою опустѣвшую кровать, нашли подъ тюфякомъ записку. Въ ней, отъ имени наборщиковъ «Славянской книгопечатни», я извѣщался, что у нихъ «все готово» и что они ждутъ только обѣщаннаго мною сигнала. Записка была подписана Кузнецовымъ, лучшимъ и наиболѣе интеллигентнымъ наборщикомъ «Новостей».

Мать очень испугалась и поспѣшила уничтожить записку, о чемъ я очень пожалѣлъ, такъ какъ это былъ явный подлогъ. Отъ кого онъ исходилъ, я не знаю. Несомнѣнно, однако, что полиція предвидѣла жандармскій обыскъ, и записка была подкинута для того, чтобы найти ее при этомъ обыскѣ. Не думаю, чтобы въ этой продѣлкѣ участвовалъ добродушный помощникъ пристава, но, конечно, не ручаюсь за другихъ чиновъ того же участка. Всего вѣрнѣе, однако, что филеры, озлобленные нашей издѣвательской тактикой, придумали это на свой страхъ. Во время одного обыска они

незамѣтно сунули «документикъ», и должны были найти его при другомъ. Можно представить ихъ настроеніе, когда жандармскій офицеръ такъ жестоко лишилъ ихъ этой возможности. Лѣтъ десять спустя послѣ возвращенія изъ ссылки, проходя мимо Аничкова дворца, гдѣ жилъ Александръ III, я неожиданно увидѣлъ стараго знакомца: у воротъ дворца, наблюдая своимъ мрачнымъ взглядомъ за проходящей публикой, стоялъ памятный мнѣ орангутангъ. За то время, когда я совершилъ чуть не кругосвѣтное путешествіе, его карьера тоже передвинулась съ проходного двора Второй улицы Песковъ, гдѣ ему приходилось имѣть дѣло съ шаловливыми студентами, — къ воротамъ царскаго дворца.

Поздней ночью, почти уже на разсвѣтѣ симпатичный дворникъ, предупредившій меня о возможности обыска, открылъ выходнымъ ключомъ ворота на Невскій, и цѣлый отрядъ полиціи развезъ насъ по разнымъ частямъ. Лошкаревъ попалъ близко — въ Александро-Невскую часть; меня повезли въ Спасскую, на Большой Садовой, младшаго брата еще куда-то. Кромѣ насъ троихъ въ ту же ночь были арестованы старшій братъ, на своей квартирѣ, и еще младшій двоюродный братъ, совершенно не причастный ни къ какой крамолѣ, но работавшій, какъ и мы, въ типографіи. Бѣдный юноша былъ неудачникъ въ ученіи и выбралъ себѣ карьеру наборщика. Онъ былъ очень впечатлителенъ, а арестъ надолго нарушилъ его умственное и душевное равновѣсіе.

То обстоятельство, что мы были арестованы всѣ, — заставляетъ предполагать, что, при поискахъ тайной типографіи, полицейскіе обратили вниманіе на «неблагонадежную» семью, всѣ мужчины которой были причастны къ типографскому дѣлу. Явилось предположеніе, что мы, вѣроятно, доставляемъ шрифты и можемъ руководить техникой тайной типографіи. Этой гипотезы для полиціи было достаточно, хотя, надо сказать, это была совершенная фантазія.

LXXIX

ВЪ СПАССКОЙ ЧАСТИ

Меня посадили въ третьемъ этажѣ въ камеру, окнами выходившую на дворъ. Изъ моего окна была видна стѣна адреснаго стола и задняя лѣстница квартиры его начальника. Взобравшись на столъ, стоявшій подъ окномъ, я могъ съ нѣкоторымъ усиліемъ видѣть еще часть двора и воротъ, мимо которыхъ, звеня, пробѣгали вагоны конно-желѣзной дороги.

Въ то же утро рядомъ со мною послышались вдругъ какіе-то изступленные крики, прерываемые истерическими рыданіями, и черезъ нѣкоторое время мимо моей камеры два служителя провели какого-то бившагося въ ихъ рукахъ и плачущаго человѣка. Это произвело на меня, конечно, очень сильное впечатлѣніе. Затѣмъ наступила глубокая тишина, среди которой черезъ нѣкоторое время съ другой сторо-

ны раздалось тихое постукиваніе. Я зналъ, что такимъ образомъ заключенные переговариваются, и сталъ прислушиваться. Походило на частый стукъ телеграфнаго аппарата. Я не былъ знакомъ съ условной азбукой и разобрать ничего не могъ. Поэтому я принялся просто выстукивать свою фамилію счетомъ, начиная съ первой буквы и останавливаясь на той, которая была нужна. Сосѣдъ снизошелъ къ моей неопытности и у насъ завязался трудный разговоръ, долго не дававшій результатовъ. Стуки какъ-то спутывались, становились безсвязными, то прерывались нетерпѣливой дробью, то, наконецъ, переходили въ безпорядочное стучаніе кулаками. Я совершенно сбился съ толку. Разъ, наконецъ, я разобралъ: — фамилія сосѣда — Короленко. Я обрадовался и старательно выстукалъ: — Это ты, Иларіонъ? Но отвѣтъ послѣдовалъ неожиданный: «Мое имя Дмитрій». Въ концѣ концовъ я совершенно потерялся и рѣшилъ просто, что ко мнѣ подсадили шпіона, который назвался фамиліей брата, но не знаетъ его имени. Значитъ, мнѣ надо держаться настороже, но все-таки стучать я не пересталъ.

Наконецъ, я постигъ азбуку. Мой сосѣдъ сталъ рѣзко и настойчиво царапать чѣмъ-то по стѣнѣ, проводя продольныя и поперечныя полосы. Первыхъ я насчитывалъ каждый разъ шесть, вторыхъ семь. Я понялъ: нужно, значитъ, разграфить клѣтками, и въ каждой клѣткѣ помѣстить букву. Въ концѣ концовъ, кажется, уже на второй день, я перестукивался по новому: азбука состояла изъ двадцати вось-

ми буквъ. Сначала выстукивался рядъ, потомъ — которая буква въ ряду. Напримѣръ: одинъ и три означало *в*, два и пять *к* и т. д. Такимъ образомъ, я узналъ, что моего сосѣда зовутъ уже не Короленко, а Виноградовъ, но его попытка назваться вначалѣ Короленкомъ продолжала мнѣ внушать сильное сомнѣніе, пока и это не разъяснилось: стукъ шелъ изъ двухъ мѣстъ, — въ мой разговоръ съ ближайшимъ сосѣдомъ то и дѣло врывалось постукиваніе менѣе внятное, какъ будто снизу, и оно-то порой переходило въ неистовую дробь.

Черезъ нѣкоторое время Виноградовъ сказалъ мнѣ:

— Сговоритесь какъ-нибудь съ вашимъ братомъ, а то онъ развалитъ стѣнку каблуками.

Все стало ясно: это былъ дѣйствительно мой братъ, только не младшій, Иларіонъ, а старшій Юліанъ, объ арестѣ котораго я еще не зналъ. Сидѣлъ онъ въ среднемъ коридорѣ, прямо подъ Виноградовымъ и совершенно терялъ терпѣніе отъ путаницы нашихъ переговоровъ. Онъ былъ человѣкъ нетерпѣливый и вспыльчивый, и научить его новой азбукѣ оказалось совершенно невозможно. Кромѣ того, его бурные стуки въ стѣну обратили вниманіе пристава, и ему пригрозили карцеромъ. Послѣ этого мнѣ не удалось возобновить сношенія съ нимъ. Другая камера — рядомъ, откуда увели больного, была пуста и мнѣ оставался одинъ Виноградовъ.

Такія сношенія черезъ стѣнку производятъ особенное впечатлѣніе: не видишь говорящаго, не слышишь его голоса, не видишь даже его

почерка, какъ въ письмѣ. Звуки, какъ въ телеграфѣ, складываются въ діалоги, остальное приходится дополнять воображеніемъ. Современемъ пріучаешься улавливать нѣкоторые оттѣнки настроенія стучащаго, обманчивое воображеніе пытается создать произвольный образъ, — образъ непремѣнно пріятный, обвѣянный сочувствіемъ общаго заключенія и предполагаемаго единомыслія.

— Что вы обыкновенно дѣлаете? — спросилъ какъ-то мой сосѣдъ.

Въ это время мнѣ уже доставили книги, и я строго распредѣлилъ свой день: прогулка по камерѣ до чаю, часа два серьезнаго чтенія, опять прогулка, потомъ разговоръ съ Виноградовымъ, обѣдъ, послѣ котораго я позволялъ себѣ прилечь съ книгой, но не болѣе, какъ на полчаса или часъ. Потомъ опять чтеніе за столикомъ и т. д. Мнѣ говорили какъ-то опытные люди, что въ одиночкѣ всего опаснѣе распуститься, привыкнуть валяться на кровати, выпустить себя изъ рукъ и потерять систему. Когда я сказалъ или вѣрнѣе выстукалъ это Виноградову, онъ простучалъ въ отвѣтъ: «Счастливецъ вы. А я давно распустился... Много сплю, мало читаю, и развлекаюсь только у окна. Слышите вы гармонію? Это сынишка помощника... Славный мальчикъ и играетъ нарочно для меня... Вотъ взгляните въ окно...»

Я открылъ свою форточку и посмотрѣлъ по направленію звуковъ: въ самомъ низу напротивъ, въ открытую форточку, повидимому, въ кухнѣ помощника виднѣлось чудесное личико

мальчика лѣтъ восьми, игравшаго на гармоніи. Игралъ онъ тихо и задушевно, поднявъ лицо кверху, и его круглые дѣтскіе глаза съ участіемъ смотрѣли на окно Виноградова.

— Ну, что скажете? — спросилъ Виноградовъ, когда кто-то повидимому прогналъ мальчишку. — Не правда ли, настоящій ангелочекъ. Нѣтъ ли у васъ какой-нибудь монетки?

У меня была мелочь, выдаваемая въ качествѣ кормовыхъ, которыхъ я не тратилъ, такъ какъ младшая сестра и знакомые приносили мнѣ обѣдъ. Виноградовъ научилъ меня снести монету въ извѣстное мѣсто и какъ ее тамъ пристроить. Онъ пошелъ послѣ меня въ то же мѣсто и взялъ ее съ цѣлью передать «ангелочку».

Онъ придумалъ цѣлую систему передачи монеты. Ему хотѣлось, чтобы я могъ видѣть эту операцію. Для этого онъ выдернулъ изъ проволочной оконной рѣшетки кусокъ проволоки, загнулъ ее въ концѣ кольцомъ, выдернулъ изъ казенной простыни длинную нитку, къ которой привязалъ монету. Мы смотрѣли, какъ она покачивалась въ воздухѣ, втроемъ: Виноградовъ изъ своего окна, я изъ сосѣдняго, а мальчикъ снизу. Къ сожалѣнію, былъ еще и четвертый наблюдатель: воробей на ближайшемъ выступѣ крыши. Едва только Виноградовъ выпустилъ нитку, мошенникъ воробей порхнулъ, подхватилъ ее на лету и скрылся на крышѣ. Отчаянный стукъ въ мою стѣнку: — Видѣли, видѣли?.. — Виноградовъ былъ въ совершенномъ отчаяніи.

Вообще окно было для него, кажется, единственнымъ источникомъ радостей и огорченій. То и дѣло онъ давалъ мнѣ сигналъ: «Смотрите въ окно». Однажды послѣ этого сигнала я увидѣлъ на лѣстничной площадкѣ довольно пріятную молодую и полную женщину, повидимому, кухарку или горничную. Она стояла у окна, дѣлала глазки въ направленіи моего сосѣда и посылала воздушные поцѣлуи. Это повторялось въ извѣстные часы каждый день, и Виноградовъ сообщилъ мнѣ простодушно, что онъ влюбленъ и пользуется взаимностью. Это, конечно, значительно сокращало для него долгіе дни заключенія, но увы — платоническій романъ закончился печально. На женскую вѣрность разсчитывать такъ трудно!.. Опять сигналъ — «смотрѣть въ окно», и я увидѣлъ истинно-потрясающую для моего сосѣда картину: его красавицу демонстративно обнималъ пожарный. Стукъ въ стѣнку: «Видѣли? И вѣдь это нарочно! О женщины!..» Я простучалъ нѣсколько шутливыхъ утѣшеній. Мой сосѣдъ принялъ ихъ такъ же шутливо, но... видимо былъ огорченъ.

LXXX

ЭПИЗОДЪ СЪ БИТМИТОМЪ — ПРОЦЕССЪ КАЧКИ

За камерой Виноградова въ нашемъ коридорѣ помѣщался немного знакомый мнѣ человѣкъ, котораго хорошо зналъ Григорьевъ. У

Глѣба Ивановича есть разсказъ «Три письма». Въ немъ излагается исторія молодого человѣка, попавшаго учителемъ въ разлагающуюся, испорченную барствомъ дворянскую семью. Учитель задается цѣлью сдѣлать изъ этихъ барчуковъ честныхъ рабочихъ и съ этою цѣлью даже женится на вдовѣ, ихъ матери. Говорили, что это — исторія Битмита, англичанина по происхожденію, но давно сжившагося съ Россіей и даже принимавшаго участіе въ народническомъ движеніи. Два его воспитанника, по фамиліи Качка, были теперь уже взрослые молодые люди, производившіе очень пріятное впечатлѣніе. Оба были хорошими рабочими слесарями и помогали моему брату поставить свою слесарную мастерскую.

Была у нихъ и сестра — Прасковья Качка, которой суждено было вскорѣ пріобрѣсти большую извѣстность. Повидимому на ней отразились всѣ отрицательныя черты вырожденія. Это была невысокая дѣвушка, блондинка, съ свѣтло-золотистыми слегка волнистыми волосами, которые она носила распущенными по плечамъ. Многіе считали ее красивой, но мнѣ не нравился въ ней тусклый, не совсѣмъ чистый цвѣтъ лица и какъ будто потухающій по временамъ взглядъ. Кромѣ того мнѣ казалось, что въ ея лицѣ слишкомъ проступаютъ очертанія черепа, что давало ощущеніе чего-то неживого. Эта странная дѣвушка иногда приходила и къ намъ, разговаривала очень мало, но по временамъ охотно пѣла. Пѣніе ея было тоже странное. Особенно любила она бывшій тогда въ большой модѣ романсъ: «Насъ

вѣнчали не въ церкви». Это было нѣчто бурное, говорившее о томъ, что «вѣнчала насъ полночь», причемъ «столѣтніе дубы валились съ похмѣлья». Бурный романсъ требовалъ сильнаго голоса, а голосъ Качки былъ слабый, въ немъ, какъ и въ ея наружности, было что-то, производившее странное, загадочное дразнящее впечатлѣніе. Незадолго до нашего ареста Битмитъ былъ тоже арестованъ, а она уѣхала въ Москву.

Въ одно утро Виноградовъ перестукнулъ мнѣ отъ Битмита, что если я хочу передать домой записку, то у него есть случай переслать ее. Въ это время меня позвали на свиданіе въ контору.

— Знаешь новость? — сказала мнѣ при этомъ младшая сестра: — Качка въ Москвѣ убила своего жениха, Байрашевскаго. Объ этомъ пишутъ всѣ газеты...

Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что вѣроятно Битмитъ не знаетъ объ отъѣздѣ Качки въ Москву и можетъ адресовать ей свою записку, которая такимъ образомъ непремѣнно попадетъ въ руки властей. Нужно было предупредить это. Закончивъ наскоро свиданіе, я вернулся въ свою камеру и сталъ обдумывать. Виноградова въ камерѣ почему-то не было. Онъ уѣхалъ, кажется, въ баню, а ждать было нельзя. Я постучалъ въ дверь.

Въ нашемъ коридорѣ чередовались двое служителей. Одинъ былъ низенькій, полный чухонецъ, довольно противный на видъ, по фамиліи что-то вродѣ Перкіяйнена. Онъ былъ попрошайка и однажды предложилъ мнѣ на-

писать записочку брату, которую брался передать. На мой вопросъ, о чемъ онъ хлопочетъ, онъ сказалъ съ наивной откровенностью:

— Ви будетъ давать вацать копѣкъ, братъ будетъ давать вацать копѣкъ. Перкіяйненъ будетъ доходъ.

Теперь я надѣялся, что, если ему дать «вацать копѣкъ», то онъ пропуститъ меня къ камерѣ Битмита. Но дверь мнѣ открылъ смѣнившій Перкіяйнена другой служитель, человѣкъ симпатичный, хотя довольно суровой наружности. Дѣлать было нечего: переступивъ порогъ, я, вмѣсто того, чтобы двинуться направо, рѣзко кинулся въ сторону камеры Битмита. Служитель былъ человѣкъ очень сильный и, схвативъ меня за плечи, втолкнулъ назадъ въ камеру. Я успѣлъ только поставить ногу между порогомъ и дверью и такимъ образомъ помѣшалъ закрыть ее. Онъ больно прижалъ мнѣ ногу, отчего я слегка вскрикнулъ. На лицѣ его выразилось тревожное участіе. Это подало мнѣ нѣкоторую надежду.

— Что, больно? — спросилъ онъ, стараясь говорить тихо.

— Очень больно, — отвѣтилъ я, — но, все равно, я не дамъ вамъ закрыть. Мнѣ нужно сказать два слова товарищу.

— Это нельзя, — отвѣтилъ онъ рѣшительно.

Я посмотрѣлъ ему въ лицо и сказалъ:

— Послушайте, мнѣ кажется, вы добрый человѣкъ, а мнѣ нужно, понимаете, до зарѣзу!.. Вы можете раздавить мнѣ ногу, но я не дамъ запереть камеру. — И я опять рванулся въ

коридоръ. Суровое лицо полицейскаго смягчилось.

— Послушайте и вы меня, баринъ, — сказалъ онъ: — пустить васъ въ эту сторону я не могу: тутъ площадка и лѣстница. Не дай Богъ, увидятъ, особливо Перкіяйненъ... Вѣдь я тогда пропаду. Лучше я приведу товарища къ вамъ. Онъ пойдетъ въ отхожее мѣсто, вы не запирайте камеру, а ужъ я, такъ и быть, покараулю лѣстницу.

— Не обманете?

— Вотъ вамъ крестъ...

И онъ дѣйствительно не обманулъ: черезъ минуту ко мнѣ въ камеру вбѣжалъ Битмитъ. Времени терять было нельзя, и я безъ приготовленій сообщилъ ему роковую новость:

— Качка въ Москвѣ убила жениха и теперь арестована. Не посылайте ей никакихъ записокъ.

Битмитъ даже пошатнулся отъ неожиданности.

— Какой женихъ? — сказалъ онъ. — У нея никакого жениха не было.

Въ это время прибѣжалъ встревоженный служитель.

— Поднимаются по лѣстницѣ, — сказалъ онъ съ испугомъ. — Не погубите меня...

Битмиту пришлось уйти, и коридорный заперъ дверь моей камеры. Я былъ сильно взволнованъ всѣмъ этимъ эпизодомъ, представляя себѣ, каково теперь настроеніе бѣднаго Битмита.

Забѣгая нѣсколько впередъ, скажу, что дѣло Качки было однимъ изъ causes célèbres того времени. Защищалъ ее Плевако, тогда уже большая знаменитость. Дѣло было обставлено очень эффектно. Качка на судъ явилась въ глубокомъ траурѣ и произнесла длинную, сантиментальную рѣчь, которая однимъ очень понравилась, на другихъ произвела отвратительное впечатлѣніе. Она такъ любила его. Онъ клялся и измѣнилъ клятвамъ. Она не могла простить этого, не могла отдать его другой. Ее преслѣдовало постоянное видѣніе: бѣлая могила подъ снѣгомъ и надъ нею, въ глубокомъ траурѣ, грустная женская фигура... Въ могилѣ онъ, а надъ могилой вся въ слезахъ — она. И т. д. Для меня эта зловѣще-сантиментальная рѣчь слилась съ впечатлѣніемъ лица Качки, сквозь молодыя черты котораго проступали очертанія черепа, и ея тусклаго, но странно дразнящаго голоса. Во время самаго убійства, въ числѣ присутствующихъ были мои хорошіе знакомые, и они разсказывали, что вся эта исторія была сплошная выдумка: Байрашевскій не былъ совсѣмъ женихомъ Качки и, кажется, даже совсѣмъ не зналъ о ея чувствахъ. Качка въ этотъ вечеръ была, какъ всегда, молчалива и, какъ всегда, пѣла: «Насъ вѣнчали не въ церкви». Потомъ подошла и неожиданно выстрѣлила молодому человѣку въ високъ.

Качку оправдали. Весной 1885 года на пристани пароходства «Зевеке» въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ я былъ съ А. С. Ивановской, мы встрѣтили среди пассажировъ Качку. Она бы-

ла нарумянена и напудрена, производила двусмысленное впечатлѣніе и держала себя съ странной развязностью.

— А моя жизнь съ тѣхъ поръ такъ полна и разнообразна, — говорила она аффектированно: — Я перехожу отъ побѣды къ побѣдѣ...

А. С. холодно распрощалась съ ней.

LXXXI

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II И КОРИДОРНЫЙ ПЕРКІЯЙНЕНЪ

Послѣ этого случая съ Битмитомъ, высокій служитель, какъ это иногда бываетъ, когда намъ случится оказать ближнему услугу, положительно привязался ко мнѣ. Въ часы своего дежурства онъ подходилъ къ моей камерѣ, отворялъ дверь, и подолгу мы вели тихія бесѣды. Онъ разсказалъ мнѣ, кто еще сидитъ въ Спасской части, а также о своихъ товарищахъ, другихъ коридорныхъ, и о начальствѣ.

Въ среднемъ коридорѣ молодой барчукъ, генеральскій сынъ Дорошенко, помѣшался умомъ: все служитъ молебны и ругаетъ царя. Ко мнѣ дѣйствительно порой доносился звонкій голосъ изъ какой-то камеры въ среднемъ этажѣ. Начальникъ Денисюкъ — человѣкъ бы ничего, да очень горячъ: въ этой камерѣ прежде сидѣлъ рабочій Иванайненъ. Что-то согрубилъ начальнику. Тотъ приказалъ двумъ

служителямъ держать его за руки, а самъ билъ его по щекамъ. Послѣ этого революціонеры прислали начальнику письмо съ печатью: мертвая голова и два топора. Теперь онъ страшно труситъ и обращается съ заключенными мягче. А вотъ коридорный Перкіяйненъ первый доносчикъ на товарищей. Если бы увидѣлъ, какъ вотъ мы разговариваемъ, — сейчасъ бы донесъ. Въ настоящее время въ нижнемъ коридорѣ среди политическихъ сидитъ одинъ коридорный. Посаженъ на недѣлю по доносу Перкіяйнена. Настоящая язва...

И каждый разъ онъ прибавлялъ, что служба тутъ плохая, грѣшная и что онъ ее скоро броситъ.

Вскорѣ мнѣ пришлось вступить въ маленькій конфликтъ съ смотрителемъ Денисюкомъ. Однажды, войдя ко мнѣ въ камеру, онъ засталъ меня на столѣ смотрящимъ въ окошко. При его входѣ я сошелъ со стола.

— Я уже говорилъ вамъ, что смотрѣть въ окно не полагается... — сказалъ онъ очень грозно. — Вы хотите въ карцеръ?

— А тамъ есть форточка? — спросилъ я спокойно.

— Есть... Ну такъ что же? — спросилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Ну, такъ я и тамъ стану смотрѣть въ нее.

Онъ отчаянно махнулъ рукой.

— Да, я знаю... Васъ, революціонеровъ, хоть рѣжь на куски, хоть жги огнемъ... Вы народъ отчаянный, ничего не боитесь... Лишь бы насолить начальству. Вы думаете о благѣ народа, а я думаю о своей семьѣ: у меня

ихъ шестеро... Какъ вы думаете: если я народилъ такую ораву, — долженъ я ихъ содержать или нѣтъ?

И, внезапно перейдя отъ грознаго тона къ плаксивому, онъ сталъ изливаться въ жалобахъ на свою участь: подъ него подкапываются: напротивъ адресный столъ, и начальникъ мечтаетъ занять его мѣсто... То и дѣло пишетъ доносы...

Усмѣхнувшись, я увѣрилъ его, что не питаю противъ него никакихъ враждебныхъ замысловъ, а просто хочу дышать свѣжимъ воздухомъ и поглядѣть на кусочекъ Садовой улицы, видной въ ворота. Прекратить это не обѣщаю, но постараюсь смотрѣть такъ, чтобы меня не было видно изъ адреснаго стола. На этомъ мы и помирились. Кажется, его внезапное появленіе въ моей камерѣ было вызвано доносомъ Перкіяйнена.

Исторія моего одиночнаго заключенія въ Спасской части приходитъ къ концу. Мнѣ еще остается сказать нѣсколько словъ о ея вольныхъ и невольныхъ обитателяхъ. Однажды я писалъ письмо въ конторѣ, когда къ Денисюку пришелъ высокій старикъ съ благообразнымъ лицомъ типа крупнаго чиновника. Усѣвшись у круглаго стола, они повели тихую бесѣду, отрывки которой все-таки долетали до меня. Это оказался штатскій генералъ Дорошенко, отецъ того юноши, который «помѣшался въ умѣ». Старикъ былъ не то губернаторомъ, не то предсѣдателемъ казенной палаты въ какой-то изъ юго-западныхъ губерній. Теперь этотъ провинціальный тузъ гово-

рилъ заискивающимъ тономъ съ петербургскимъ приставомъ.

— Вы сами отецъ, такъ поймете сердце отца... Такое горе...

— Не безпокойтесь... Не будетъ ни въ чемъ нуждаться, — успокаивалъ Денисюкъ. — По болѣзни на свои деньги можно даже вино...

— Ну, вино-то, пожалуй, не очень... Поэкономнѣе, знаете. У меня вѣдь онъ не одинъ. — Денисюкъ сочувственно кивалъ головой и почтительно пожималъ на прощаніе руки «генерала».

Съ молодымъ Дорошенкомъ намъ придется еще встрѣтиться впослѣдствіи, а теперь еще нѣсколько словъ о коридорномъ Перкіяйненѣ. Въ судьбѣ его произошелъ черезъ короткое время переворотъ неожиданный и почти фантастическій: изъ коридорнаго Спасской части онъ превратился... въ политическаго ссыльнаго. Случилось это слѣдующимъ образомъ: послѣ меня въ томъ же верхнемъ коридорѣ сидѣлъ Василій Николаевичъ Григорьевъ, арестованный вскорѣ послѣ насъ. Перкіяйненъ предложилъ ему свои услуги по части переписки съ городомъ, и онъ сталъ довольно часто переписываться съ моей матерью и сестрами. Между тѣмъ нѣкоторыя изъ записокъ, посылаемыя заключенными изъ Спасской части, стали уже извѣстны въ третьемъ отдѣленіи. Менѣе всего подозрѣвали доносчика Перкіяйнена, но однажды рѣшили все-таки обыскать и его. Другіе товарищи, озлобленные его доносами, искали очень усердно и нашли записку Григорьева къ моей матери, искусно зашитую

въ заплату въ нижнемъ бѣльѣ. Ничего предосудительнаго въ запискѣ не было, но все же Перкіяйнена арестовали и выслали въ восточную Сибирь «по высочайшему повелѣнію».

Много лѣтъ спустя однажды при мнѣ Владиміръ Викторовичъ Лесевичъ разсказывалъ о впечатлѣніяхъ своей высылки въ Сибирь. Лесевичъ былъ прекрасный разсказчикъ. Между прочимъ, съ большимъ юморомъ онъ вспомнилъ своеобразную фигуру одного изъ шедшихъ съ нимъ въ одной партіи. Это былъ простой человѣкъ, финнъ, высылавшійся за что-то по высочайшему повелѣнію. Въ началѣ пути онъ былъ очень удрученъ и долго чуждался своихъ путевыхъ товарищей, но впослѣдствіи привыкъ, и ему даже очень понравилось, что «благородные господа» обращаются съ нимъ, какъ съ равнымъ, и что ему идутъ кормовыя наравнѣ съ ними. Путь на баржѣ по Волгѣ и Камѣ до Перми привелъ его въ восторгъ, а на этапахъ отъ Перми до Тюмени онъ уже совсѣмъ вошелъ въ колею, первый кидался занимать лучшія мѣста на нарахъ и первый же являлся со своей чашкой за обѣдомъ. Онъ очень гордился между прочимъ тѣмъ, что его выслалъ «самъ царь Александръ», и ему представлялось, что теперь царь только и думаетъ объ его ссылкѣ и о немъ. Однажды, послѣ ужина, сидя на нарахъ, свѣсивъ коротенькія ножки и болтая ими въ воздухѣ, онъ разразился отъ полноты душевной цѣлымъ монологомъ: вотъ царь думаетъ теперь, что онъ совсѣмъ пропалъ, что ему уже нѣтъ и житья.

— Александра, Александра, — закончилъ онъ

ЕДИНСТВЕННЫЙ ДОПРОСЪ — ПРЕД-при общемъ хохотѣ. — Ты думаешь Перкіяйненъ лацитъ, убивается. Дуракъ ты, Александра. Перкіяйненъ міётся...

Лесевичъ забылъ было фамилію этого «политическаго», но съ первыхъ чертъ разсказа я узналъ своего знакомца и крикнулъ: — Да это Перкіяйненъ!..[1])

О дальнѣйшей судьбѣ его я ничего не знаю.

LXXXII

ЧУВСТВІЕ ПРИСТАВА ДЕНИСЮКА

Съ первыхъ дней ареста я написалъ прокурору, требуя допроса и освобожденія. Нѣкоторое время никакого отвѣта не было, и Денисюкъ, черезъ котораго пришлось подавать эти заявленія, пожалъ плечами и сказалъ: «Напрасно. Не вы одни... Всѣхъ арестуютъ такъ же и держатъ безъ допроса».

Но вотъ, черезъ два или три дня меня вызвали въ канцелярію. Здѣсь ждалъ меня жандармскій офицеръ, который заявилъ, что онъ пріѣхалъ для допроса. Послѣ первыхъ формальностей, онъ вынулъ небольшой продолговатый конвертъ, на которомъ неровнымъ почеркомъ было написано: «Здѣсь. III отдѣленіе канцеляріи Его Величества. Шефу жандармовъ, Генералу Дрентельну».

---

[1]) Теперь впрочемъ не ручаюсь, что называю точно.

— Признаете ли вы, что это писано вашимъ почеркомъ? — спросилъ меня офицеръ.

Я успѣлъ уже дать письменные отвѣты на первые формальные вопросы, и вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ предложилъ ему сличить почерки. Ни малѣйшаго сходства не было.

Я былъ разочарованъ. Я ждалъ объясненія своего ареста, а вмѣсто этого мнѣ предлагали какой-то фантастическій конвертъ. Я высказалъ это съ такимъ возмущеніемъ и горечью, что офицеръ нѣсколько сконфузился. Онъ порылся въ портфелѣ и вынулъ оттуда бумагу. Это было заключеніе экспертовъ, сличавшихъ почеркъ конверта съ почеркомъ одного изъ взятыхъ у меня при обыскѣ писемъ. Комиссія состояла изъ нѣсколькихъ канцелярскихъ писцовъ и нѣсколькихъ учителей чистописанія. Сіи каллиграфическіе мудрецы признали, что почеркъ на конвертѣ старательно измѣненъ, но все же начертаніе отдѣльныхъ буквъ такихъ-то, а также общій характеръ письма даютъ основаніе заключить съ несомнѣнностью, что адресъ на конвертѣ и предъявленное комиссіи письмо, подписанное моей фамиліей, писаны одной и той же рукой.

Я представилъ себѣ, какъ эти каллиграфы старались угодить начальству своей экспертизой, и сказалъ:

— А не пробовали ли вы предъявить еще чьи-нибудь письма для сличенія другому составу такихъ же мудрецовъ?

Повидимому, я угадалъ, такъ какъ офицеръ странно улыбнулся и на этомъ кончилъ допросъ. Моихъ требованій объяснить причину

ареста онъ удовлетворить не могъ. Помнится, что фамилія этого офицера была Ножинъ. Онъ казался нѣсколько сконфуженнымъ и скоро уѣхалъ, а я вернулся въ свою одиночку.

Разумѣется, сейчасъ же раздался стукъ въ стѣну: Виноградовъ интересовался результатами допроса. Когда я выстукалъ отвѣтъ, онъ простучалъ:

— Это значитъ, вѣроятно, что Дрентельну прислана угроза отъ революціоннаго комитета, и васъ подозрѣваютъ, что вы надписали конвертъ.

Мнѣ это показалось довольно вѣроятнымъ. Дрентельнъ былъ назначенъ шефомъ жандармовъ на мѣсто Мезенцева. Это назначеніе вызвало много толковъ и много ожиданій, основанныхъ, между прочимъ, на томъ, что Дрентельнъ боевой генералъ, не имѣвшій до тѣхъ поръ никакихъ отношеній къ полицейской службѣ. Въ газетѣ, издаваемой Гирсомъ, «Русская Правда», органѣ молодыхъ либераловъ съ демократическимъ оттѣнкомъ, появился фельетонъ Гирса въ видѣ обращенія къ Дрентельну. Въ статьѣ авторъ указывалъ именно на это отсутствіе полицейскихъ традицій въ прошломъ Дрентельна и выражалъ надежду, что онъ сумѣетъ придать новое направленіе дѣятельности непопулярнаго учрежденія. «Идите же, прямой и честный воинъ, новымъ путемъ. Общество, уставшее отъ этой борьбы съ молодежью, ожидаетъ отъ васъ многаго», — такъ приблизительно кончалось это письмо.

О немъ много говорили въ обществѣ. Какъ условно, «по византійски» ни было оно напи-

сано, — по тому времени оно должно было считаться смѣлымъ уже вслѣдствіе заявленія о крайней непопулярности Ш-го отдѣленія. Всѣ ждали, каковъ будетъ отвѣтъ правительства на это обращеніе публициста. Помнится, что первые дни прошли безъ всякаго воздѣйствія. Цензура была какъ будто озадачена и колебалась. Но черезъ нѣсколько дней отвѣтъ послѣдовалъ: на газету обрушилась кара. Было вѣроятно, что и съ другой стороны можетъ тоже послѣдовать свой отвѣтъ.

И вотъ, 13 или 14-го марта послѣ обѣда Виноградовъ возбужденно забарабанилъ въ мою стѣнку. Онъ только что вернулся со свиданія и сообщалъ сенсаціонную новость: на шефа жандармовъ, генерала Дрентельна произведено покушеніе. Какой-то молодой человѣкъ, верхомъ на лошади, обогналъ коляску Дрентельна, выстрѣлилъ въ него два или три раза и скрылся. Произошло это среди бѣлаго дня на людной улицѣ, и объ этомъ говоритъ весь городъ, удивляясь удали неизвѣстнаго наѣздника.

Такимъ образомъ наше предположеніе оказалось правильнымъ. Очевидно Дрентельнъ получилъ предупрежденіе, но не предполагалъ, что оно можетъ осуществиться въ такой дерзкой формѣ. Кромѣ того, для меня стало очевидно, что мнѣ приписывается нѣкоторая роль въ этомъ покушеніи.

Больше никакихъ допросовъ мнѣ уже не производили, несмотря на мои настойчивыя требованія. Тогда, какъ впрочемъ и долго спустя и при мѣнявшихся обстоятельствахъ, это

считалось по нашимъ русскимъ нравамъ излишней роскошью.

Какъ-то съ утра высокій служитель предупредилъ меня, чтобы я собирался, такъ какъ сегодня мое заключеніе въ Спасской части кончается. Нѣсколько часовъ послѣ этого я провелъ въ мучительномъ нетерпѣніи. Можно сказать смѣло, что эти нѣсколько часовъ ожиданія свободы стоили нѣсколькихъ дней заключенія. Наконецъ, во дворъ въѣхала карета, меня позвали въ контору, выдали принадлежащія мнѣ вещи и деньги, и я сѣлъ въ карету. Со мной сѣлъ Денисюкъ. Дорогой онъ все вздыхалъ. Я спросилъ у него, куда мы ѣдемъ. Въ отвѣтъ послѣдовалъ вздохъ еще болѣе глубокій.

— Да о чемъ вы это въ самомъ дѣлѣ вздыхаете? — спросилъ я. — Кажется, вздыхать-то слѣдуетъ мнѣ, а не вамъ.

— Кто знаетъ? — отвѣтилъ онъ меланхолично: — сегодня я везу васъ, а черезъ мѣсяцъ, быть можетъ, вы повезете меня...

Я невольно засмѣялся. Говорятъ, у турокъ существуетъ какое-то коллективное народное предчувствіе, что они когда-нибудь непремѣнно будутъ изгнаны изъ Европы. Такое же массовое предчувствіе не чуждо было и нашему прежнему строю. Впослѣдствіи мнѣ много разъ вспоминалась меланхолическая фраза Денисюка: «Теперь мы васъ, а послѣ вы насъ»...

Между тѣмъ карета неслась дальше, пересѣкла Фонтанку, обогнула зданіе большого театра. Я началъ догадываться: впереди направо, за мостикомъ — зданіе Литовскаго замка. Во-

рота раскрылись. На минуту передъ моими глазами мелькнуло огорченное лицо матери, очевидно какъ-то узнавшей о нашемъ перемѣщеніи, и черезъ полчаса, переодѣтый въ арестантское платье съ буквами Л. Т. З. на спинѣ, я входилъ въ шумный и людный коридоръ Литовскаго замка.

LXXXIII

ВЪ ЛИТОВСКОМЪ ЗАМКѢ

Какой-то незнакомый человѣкъ встрѣтилъ меня при самомъ входѣ въ коридоръ, гдѣ сидѣли политическіе, радостнымъ восклицаніемъ:

— А, вотъ и третій. Милости просимъ. Оба ваши брата ждуть васъ.

Дѣйствительно я тотчасъ же попалъ въ объятія братьевъ, послѣ чего сталъ знакомиться съ остальнымъ обществомъ. Черезъ нѣкоторое время насъ развели по камерамъ. Въ одной изъ нихъ устроились уже оба мои брата, и меня ждала пустая кровать. Кромѣ насъ троихъ въ ней помѣщался еще немолодой человѣкъ съ наружностью «шестидесятника», съ длинными сѣдоватыми закинутыми назадъ кудрями, умнымъ лицомъ и насмѣшливой улыбкой. Короткій арестантскій бушлатъ и сѣрые штаны сидѣли на немъ какъ-то особенно изящно, точно по немъ и были сшиты. При моемъ входѣ, онъ поднялся съ постели, сильно пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Грибоѣдовъ... А вотъ это, — указалъ онъ на высокаго юношу, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ, — Цыбульскій, иначе называемый Дитё. Арестованъ за подозрительную наружность.

Я невольно засмѣялся: наружность молодого человѣка менѣе всего могла внушать подозрѣніе. Совсѣмъ юный, съ чуть пробивающимися усиками, съ нѣжнымъ румянцемъ и почти дѣтскимъ пушкомъ на щекахъ, онъ обладалъ еще простодушными голубыми глазами на выкатѣ.

Скоро я узналъ его исторію. Цыбульскій рѣшительно не зналъ, за что его арестовали: шелъ днемъ, около двѣнадцати часовъ мимо Лѣтняго сада; къ нему подошелъ неизвѣстный ему человѣкъ, пригласилъ его въ зданіе у Цѣпного моста, тамъ его обыскали и препроводили въ Литовскій замокъ. Юноша былъ въ полномъ недоумѣніи, клялся, что пріѣхалъ только въ этотъ годъ изъ провинціи и, поступивъ въ какое-то высшее учебное заведеніе, не зналъ ни о какой революціи и водилъ знакомство только съ своими земляками. Но... волосы у него были длинные, и по близорукости онъ носилъ очки. Однажды Грибоѣдовъ, лежа на кровати и слѣдя глазами за Цыбульскимъ, который ходилъ по камерѣ, вдругъ спросилъ:

— Слушайте, Цыбульскій? Не носили ли вы на волѣ пледа?

— Носилъ, — отвѣтилъ Цыбульскій.

— И высокіе сапоги носили?

— Носилъ и высокіе сапоги.

— Та-а-акъ, — протянулъ Грибоѣдовъ, выпуская струю дыма... — Пледъ... высокіе сапоги... Длинные волосы... Очки... Дѣло

ясное: вы арестованы за подозрительную наружность... Въ это время навѣрное царь гулялъ въ Лѣтнемъ саду...

Въ камерѣ всѣ расхохотались, до такой степени предположеніе казалось невѣроятнымъ. Цыбульскій былъ совершенный ребенокъ. Въ нашемъ коридорѣ одинъ изъ прислужниковъ, брюзгливый, но очень добродушный старикъ, взялъ его подъ строгую опеку и считалъ своею обязанностью смотрѣть за нимъ, какъ нянька за ребенкомъ.

— Остальные какъ хотятъ, — говорилъ онъ. — Извѣстно, — народъ отпѣтый... А ты, Цыбульской, еще дитё. По тебѣ, небось, матушка плачетъ... Надѣвай-ка, надѣвай бушлатикъ, нечего. Нонче хоть солнце, а холодно: пойдешь гулять, простудишься.

Послѣ этого Цыбульскаго и прозвали «Дитё». И тѣмъ не менѣе Грибоѣдовъ оказался правъ: когда, черезъ нѣкоторое время, пріѣхалъ его отецъ, помѣщикъ, кажется, Ковенской губерніи, и явился въ Ш-е отдѣленіе, чтобы узнать о причинахъ ареста сына, тамъ его успокоили: перелиставъ дѣло, старикъ чиновникъ сказалъ:

— Сущіе пустяки... Не безпокойтесь...

Помѣщикъ вспылилъ:

— Какъ пустяки? Жена послѣ родовъ узнала, перепугалась чуть не до смерти... Я оставилъ ее больную и помчался въ Петербургъ... А вы говорите — пустяки!..

— Маленькое недоразумѣніе, — сказалъ чиновникъ благодушно. — Время, знаете ли, тревожное, не успѣли еще навести справки. Ви-

дите ли: сынъ вашъ арестованъ за... подозрительную наружность.

Черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда отца, Цыбульскій былъ дѣйствительно отпущенъ, проведя мѣсяца два въ тюрьмѣ, и взбѣшенный отецъ тотчасъ же увезъ его изъ Петербурга.

Но я забѣжалъ впередъ. Возвращаюсь къ перечисленію другихъ обитателей Литовскаго замка и ихъ интересныхъ исторій. Въ нашей же камерѣ находился еще студентъ первокурсникъ, по фамиліи, если память мнѣ не измѣняетъ, Якимовъ. Его отецъ былъ гофъ-маклеромъ петербургской биржи. Это былъ человѣкъ консервативнаго образа мыслей и чрезвычайно строгаго нрава. Сынъ признавался Грибоѣдову, что очень боится отца.

— Да вѣдь вы же говорите, что ни въ чемъ неповинны?.. — утѣшали его слушатели.

— Не повѣритъ, — горевалъ юноша. — По его мнѣнію напрасно не арестуютъ: «Если взяли, — значитъ что-нибудь да было. И я прямо тебѣ говорю, если тебя возьмутъ, то я тебя выпорю»...

— И, пожалуй, выпоретъ на радостяхъ, когда васъ отпустятъ? — усмѣхаясь говорилъ Грибоѣдовъ.

— Пожалуй, — печально соглашался юноша.

А въ это время, послѣ покушенія на Дрентельна, появился приказъ, въ которомъ говорилось, что, въ виду распространенія крамолы, должны быть приняты экстренныя мѣры, и полиція призывалась дѣлать обыски и аресты, «не стѣсняясь ни званіемъ, ни состояніемъ подозрѣваемыхъ лицъ».

И вотъ, въ одно прекрасное утро, когда жильцы номера пятаго только что отпили утренній чай, дверь открылась, и въ ней появилась солидная фигура пожилого господина въ арестантскомъ костюмѣ. На порогѣ пожилой господинъ остановился въ нерѣшительности, и въ эту минуту у юноши Якимова вырвалось трагическое восклицаніе:

— Па-па-àша!..

Это былъ дѣйствительно гофъ-маклеръ петербургской биржи, котораго арестовали, чтобы показать, что теперь званіемъ и состояніемъ стѣсняться не будутъ. Нѣсколько минутъ послѣ этой родственной встрѣчи въ камерѣ стояла тишина. Отецъ и сынъ молча смотрѣли другъ на друга, а Грибоѣдовъ, дымя вѣчной папиросой, лежалъ на кровати и смотрѣлъ на обоихъ своими умными насмѣшливыми глазами.

— Папаша, — заговорилъ наконецъ сынъ: — а помните, что вы мнѣ говорили: если взяли, значитъ что-нибудь да было!..

— Ну, ну... Вижу теперь, — угрюмо отвѣтилъ гофъ-маклеръ, а безжалостный Грибоѣдовъ прибавилъ:

— Кажется, вамъ папаша говорилъ и еще что-то?..

— Да, папаша... Вы еще говорили: сѣчь надо.

— Да замолчи ты!.. — вырвалось у бѣдняги гофъ-маклера.

Отецъ, правда, просидѣлъ недолго, и я уже засталъ только сына. Но въ тѣ нѣсколько дней, пока «недоразумѣніе» разъяснилось, Гри-

боѣдовъ, тоже занимавшій довольно видное положеніе въ Красномъ Крестѣ, успѣлъ его порядочно помучить. Каждый разъ, какъ запирали камеры, онъ ложился на свою кровать и, попыхивая папиросой, начиналъ допросъ:

— Ну-съ, такъ какъ же (имя рекъ), припомните хорошенько: что-нибудь да было?.. И, пожалуй, не мѣшало бы насъ съ вами, «не стѣсняясь званіемъ и состояніемъ», немножечко того съ... Какъ щедринскаго дѣйствительнаго статскаго...

Это была дѣйствительно какая-то оргія доносовъ, сыска, обысковъ, ареста и высылокъ. Самодержавіе переживало припадокъ бурнаго помѣшательства, и все русское общество, «безъ различія званій и состояній», было объявлено крамольнымъ и поставлено внѣ закона. Всѣ петербургскія части были переполнены такими же преступниками, какъ я и мои братья, а исторіи другихъ заключенныхъ Литовскаго замка были почти всѣ въ родѣ приключеній съ Цыбульскимъ или Якимовыми. Между прочимъ, здѣсь я встрѣтилъ цѣлый букетъ Гордоновъ и Кайранскихъ, по большей части совершенно не знавшихъ другъ друга до ареста. Во главѣ ихъ, въ видѣ такъ сказать самаго махроваго цвѣтка, стоялъ Гордонъ, секретарь еврейскаго благотворительнаго общества. Первые дни съ нимъ въ камерѣ были посажены и его дѣти, кажется, мальчикъ и совсѣмъ маленькая дѣвочка (я уже ихъ не засталъ).

Это дѣло вскорѣ для меня разъяснилось. Одно время въ Петербургѣ говорили о побѣгѣ за границу одного изъ двухъ участниковъ такъ-

называемаго чигиринскаго дѣла, Дейча или Стефановича. Я слышалъ даже, что по этому поводу имѣлось въ виду обратиться къ Глѣбову, который уже выразилъ согласіе за вознагражденіе взять на свое имя заграничный паспортъ. Въ это время мы уже заподозрили его и успѣли предупредить хлопотавшее о паспортѣ лицо (по фамиліи, помнится, Житковъ). Послѣ этого поиски были направлены въ другую сторону. Согласился, тоже за плату, взять паспортъ нѣкто Гордонъ. Паспортъ былъ взятъ, переданъ, и Стефановичъ (или Дейчъ) благополучно уѣхалъ. Для отклоненія отъ Гордона возможной отвѣтственности, было сдѣлано объявленіе о потерѣ заграничнаго паспорта. Все сошло бы благополучно, если бы при этомъ не перехитрили. Въ объявленіи было сказано: нашедшаго просять доставить Кайранскому, улица такая-то, домъ номеръ такой-то. При этомъ адресъ былъ данъ совершенно фантастическій, а имя Кайранскаго переврано, такъ какъ конечно объявители знали, что никто паспорта не найдетъ. Полиція почему-то обратила вниманіе на это объявленіе. Можетъ быть она была извѣщена Глѣбовымъ относительно хлопотъ о заграничномъ паспортѣ. Справились о Кайранскомъ, по адресу его не нашли и, недолго думая, распорядились арестовать всѣхъ Гордоновъ и всѣхъ Кайранскихъ, какіе оказались въ Петербургѣ. На квартирахъ арестованныхъ установлена трехдневная засада. Еврейское общество какъ разъ въ это время выдавало обычныя стипендіи ученикамъ консерваторіи. Выдача производилась

въ квартирѣ секретаря общества Гордона, и всѣ, приходившіе за стипендіями въ день ареста, были тоже арестованы и препровождены въ тотъ же Литовскій замокъ, а на ихъ квартирахъ тоже устроены засады.

Вообще такихъ случайныхъ жертвъ полицейской безцеремонности я нашелъ въ Литовскомъ замкѣ десятки. Особенно жалкое и трогательное впечатлѣніе производилъ семидесятилѣтній старикъ, нѣмецъ. Онъ былъ арестованъ за предосудительное знакомство съ другимъ арестованнымъ. Интересно, что этотъ другой былъ... его родной сынъ, по профессіи настройщикъ, жившій на отдѣльной квартирѣ. Онъ часто посѣщалъ отца, его тоже посѣщалъ кто-то подозрительный. Это выслѣдили и старика арестовали одновременно съ сыномъ.

Сынъ, кажется, тоже ни къ чему не причастный, все-таки хоть догадывался о причинахъ ареста. А старикъ, сѣдой, какъ лунь, глядѣлъ на спрашивавшихъ простодушными круглыми какъ у птицы, голубыми глазами и отвѣчалъ:

— Нит-шево я не знайтъ. Ночью приходиль, по всѣмъ комнатамъ и на чердакъ ходиль... секую бумажку переверниль, мене хваталь, тюрьма садиль... Больше нит-шево.

Эту краткую исторію могли бы повторить о себѣ девять десятыхъ арестованныхъ въ то время. Былъ, напримѣръ, цѣлый кружокъ «танцоровъ», захваченныхъ на какой-то вечеринкѣ. Полиція заподозрѣла, что танцовали они съ какой-то революціонной цѣлью. Это

была веселая молодежь; даже на прогулку они направлялись парами и въ припрыжку.

Изъ сидѣвшихъ въ то время въ Литовскомъ замкѣ мнѣ приходится упомянуть еще Александра Петровича Чарушникова, извѣстнаго впослѣдствіи издателя, а также извѣстнаго нынѣ окулиста профессора Симановскаго. Всего интереснѣе, быть можетъ, было то, что не разбираясь долго въ этой массѣ арестованныхъ, ихъ просто высылали административно въ разные города. Хотя было совершенно ясно, что, напримѣръ, въ дѣлѣ съ заграничнымъ паспортомъ замѣшаны только одинъ Гордонъ и одинъ Кайранскій, — тѣмъ не менѣе, всѣ Гордоны и всѣ Кайранскіе были разосланы изъ Петербурга въ разныя стороны. Секретарь еврейскаго благотворительнаго общества попалъ въ Олонецкую губернію, если не ошибаюсь, — въ Пудожъ.

Изъ насъ троихъ только одинъ старшій братъ избѣгъ этой участи, и случилось это до восхитительности просто. Его квартирная хозяйка заявила, что онъ ея женихъ и долженъ вскорѣ на ней жениться. «Ну, что-жъ, женихъ, такъ берите его себѣ».

И братъ былъ отпущенъ.

Что касается насъ двоихъ, то никакія обращенія не помогали. Я уже сказалъ, что вскорѣ послѣ нашего ареста былъ арестованъ Григорьевъ, двѣ сестры Поповы, мой пріятель студентъ горнаго института Маниконіанъ и еще нѣкоторые наши знакомые. Арестованы они были за знакомство съ нами, и по отношенію къ Григорьеву такъ прямо и говорили.

А когда одинъ солидный человѣкъ (кажется, мой дядя, упоминавшійся выше Евграфъ Максимовичъ Короленко) обратился съ вопросомъ о насъ въ градоначальство, то тамъ ему отвѣтили просто:

— Помилуйте. Достаточно однихъ знакомствъ: всѣ знакомые этой семьи сидятъ по тюрьмамъ.

Это былъ фактъ, опровергнуть который было, разумѣется, невозможно.

Въ квартирѣ старшаго брата Глѣбова, разумѣется, уже не было. Зато былъ другой несчастливецъ, тоже бѣдствовавшій, литераторъ Линовскій, которому братъ далъ временный пріютъ, кажется, впредь до полученія паспорта. Работалъ онъ въ то время въ «благонамѣренныхъ изданіяхъ», и даже въ «Гражданинѣ», гдѣ велъ отчаянную полемику съ либеральнымъ фельетонистомъ (Гаммой). Но у него были два роковыхъ качества: мрачная наружность и чрезвычайно неразборчивый почеркъ. При обыскѣ была найдена его начатая рукопись, которую разбирать было трудно и некогда. И Линовскій попалъ въ Пудожъ, откуда вернулся далекимъ отъ сотрудничества въ «Гражданинѣ».

Особенно ярко вспоминается мнѣ еще одинъ арестованный, — ученикъ консерваторіи. Онъ былъ тоже изъ стипендіатовъ, захваченныхъ въ квартирѣ секретаря еврейскаго общества въ день выдачи стипендій. Это былъ молодой человѣкъ съ очень выразительной физіономіей артиста. Сидя какъ-то въ нашей камерѣ и

сверкая горѣвшими страстнымъ огнемъ глазами, онъ говорилъ:

— Я не революціонеръ, я артистъ... Я думаю, что всякое правительство естественнымъ образомъ борется съ революціей. Я былъ до сихъ поръ на сторонѣ правительства... Пусть установятъ самыя строгія наказанія, пусть ссылаютъ на каторгу, пусть въ крайнемъ случаѣ казнятъ. Но пусть это будетъ по суду, со всѣми законными гарантіями... А такъ... Нѣтъ. Теперь я первый радуюсь, когда въ нихъ стрѣляютъ, потому, что они сами величайшіе преступники противъ всего общества.

Я не помню его фамиліи и не знаю, какова его дальнѣйшая карьера. Но до сихъ поръ въ моей памяти звучитъ его энергичный голосъ и вспоминаются горящіе гнѣвомъ глаза. Такое настроеніе разливалось тогда даже въ равнодушныхъ къ политикѣ кругахъ общества. А стрѣльба по воробьямъ изъ пушекъ все возрастала. И вотъ, надъ головами правящихъ, надъ головой самого царя начинали все чаще кружиться менѣе безобидныя, болѣе зловѣщія птицы.

Мы сидѣли еще въ Литовскомъ замкѣ, когда, 2-го апрѣля, произошло покушеніе Соловьева. Впечатлѣніе, конечно, было сильное, но можно сказать, что цѣльно оно было развѣ только въ народѣ. Въ обществѣ симпатіи къ прежнему «царю освободителю» давно уже были подорваны его явнымъ сочувствіемъ изувѣрной реакціи.

Въ тюремной средѣ, насколько мы могли это замѣтить, впечатлѣніе было равнодушное,

и вдобавокъ оно окрасилось еще маленькой юмористической случайностью. Мы узнали о событіи во время прогулки отъ уголовныхъ арестантовъ. Въ избѣжаніе «вреднаго вліянія» мы гуляли обыкновенно въ небольшомъ квадратномъ загончикѣ, отгороженномъ отъ общаго двора высокими палями. Къ этому частоколу часто подходили уголовные, наскоро дѣлившіеся съ нами выдающимися новостями дня. Въ этотъ день они какъ разъ выходили изъ тюремной церкви, куда были собраны по случаю благодарственнаго молебна. При этомъ, по ихъ разсказамъ, съ тюремнымъ священникомъ произошло непріятное ораторское приключеніе. Выйдя на амвонъ, чтобы объяснить поводъ благодарственнаго молебна и впередъ настроившись на патетическій ладъ, онъ началъ громко и въ приподнятомъ тонѣ:

— Дорогіе братья! Вотъ и еще одно священное покушеніе на злодѣйскую особу его императорскаго величества.

Внезапный припадокъ кашля со стороны кого-то изъ тюремной администраціи прервалъ чувствительную рѣчь, и оратору было трудно возобновить ее въ томъ же тонѣ.

Въ ясный день начала мая въ части двора, видной изъ нашего коридора, появились двѣ кареты. Населеніе политическаго отдѣленія взволновалось: кого-то увезутъ?.. Черезъ нѣсколько минутъ вызвали насъ съ младшимъ братомъ. Наши сборы были недолги, но выѣздъ оказался очень торжественнымъ: въ каждую карету съ нами сѣло по два жандарма, трое скакали по сторонамъ и сзади, шестой

сидѣлъ на козлахъ. Это былъ цѣлый отрядъ, наводившій панику на прохожихъ. Когда мы, свернувъ съ Морской, выѣхали на широкую часть Невскаго, противъ гостинаго двора, рабочіе, чинившіе мостовую, быстро вскакивали и, отбѣжавъ въ сторону, снимали картузы и крестились.

Помню, это меня тронуло. Пришелъ на память Денисюкъ и его меланхолическое восклицаніе. Да, когда и какъ мы вернемся сюда?.. Мнѣ казалось тогда, что этого ждать не такъ ужъ долго. И, конечно, вернемся мы при другой обстановкѣ, въ свободную столицу Россіи.

На вокзалѣ мнѣ бросилась въ глаза во-первыхъ, высокая фигура помощника градоначальника Фурсова. Онъ очевидно ждалъ насъ, встрѣтилъ и проводилъ какимъ-то страннымъ и непонятно для меня враждебнымъ взглядомъ. А дальше, на дебаркадерѣ стояла моя мать, съ заплаканными глазами, и сестры. Намъ позволили только обнять ихъ и принять нѣсколько денегъ, а затѣмъ, свистнулъ локомотивъ, и туманное пятно надъ Петербургомъ вскорѣ исчезло на горизонтѣ.

ССЫЛЬНЫЯ СКИТАНІЯ

LXXXIV

ДОРОГОЙ ВЪ ГЛАЗОВЪ

Послѣ Спасской одиночной тюрьмы и Литовскаго замка, все казалось мнѣ по дорогѣ замѣчательнымъ, все вызывало яркія и сильныя впечатлѣнія. Здѣсь я не буду воспроизводить всѣхъ подробностей. Отмѣчу лишь нѣкоторыя.

При остановкѣ въ Москвѣ меня доставили въ ту же Басманную часть, гдѣ я испыталъ вмѣстѣ съ Григорьевымъ и Вернеромъ первое заключеніе. Только теперь меня посадили не въ подвалъ, а въ камеру второго этажа, окнами во дворъ. Прежняго старика смотрителя уже не было, но нравы были прежніе: камеры и коридоры были какіе-то обтерханные, стѣны и печка сплошь исписанныя временными жильцами. Караулъ содержался особой породой полицейскихъ, сохранившихся тогда, кажется, только въ Москвѣ и носившихъ названіе «мушкатеровъ». Названіе это происходило вѣроятно отъ «мушкетовъ», старыхъ кремневыхъ ружей, которыми они были вооружены. Большею частью это были инвалиды, пригодные

скорѣе караулить гарнизонные огороды на окраинахъ, чѣмъ арестантовъ. Не помню уже точно, но кажется мнѣ, что изъ этой части еще до моего проѣзда, на глазахъ у этихъ храбрыхъ мушкатеровъ, убѣжали два или три «червонныхъ валета», за что знакомый мнѣ смотритель и лишился мѣста. Я зарисовалъ въ свою книжечку характерныя фигуры этихъ мушкатеровъ.

Во время послѣдняго свиданія въ Литовскомъ замкѣ мать и сестры сообщили мнѣ, что есть надежда на скорое освобожденіе зятя. Это очень обрадовало насъ съ братомъ: въ семьѣ останется хоть одинъ работникъ. Но, увы, — занявшись тщательнымъ обозрѣніемъ стѣнной литературы въ своей камерѣ, я наткнулся на свѣжую запись: «Николай Лошкаревъ. Проѣздомъ изъ Петербурга такого-то числа, такого-то года». Итакъ, еще вчера въ этой камерѣ былъ для меня близкій человѣкъ. Надежды не осталось: семья лишена всѣхъ работниковъ: у сестры недавно родился ребенокъ, другая была еще только подростокъ. Григорьевъ, котораго мы считали членомъ нашей семьи, былъ тоже арестованъ. Старшаго брата мы оставили въ Литовскомъ замкѣ (его отпустили недѣли черезъ двѣ).

Положеніе семьи было критическое, но въ отчаяніе я не приходилъ: въ эти послѣдніе годы мы жили въ особенной атмосферѣ любви и дружбы, соединявшей весь нашъ кружокъ. Кромѣ того, забота о семьяхъ арестованныхъ захватила тогда широкіе круги интеллигенціи. Наконецъ, уже послѣ нашего ареста, кружокъ

близкихъ знакомыхъ семьи нѣсколько расширился: въ него вошелъ между прочимъ К. И. Панкѣевъ. Это былъ тогда очень оригинальный юноша: сынъ милліонера, владѣльца мѣстечка Каховки на Днѣпрѣ, онъ отказался отъ помощи отца и жилъ уроками. Сблизившись съ Григорьевымъ, черезъ него онъ сошелся также съ нашей семьей, и въ трудные дни выказалъ много горячаго дружескаго участія. Такимъ образомъ, хотя извѣстіе о высылкѣ Лошкарева сильно огорчило меня и заставило глубоко задуматься надъ дальнѣйшимъ устройствомъ нашей семьи, но я отложилъ всѣ эти горькія мысли и заботы до того времени, когда мы съ братомъ будемъ на мѣстѣ.

Изъ Москвы на слѣдующій день насъ повезли въ Ярославль.

Пріѣхали мы туда утромъ и, къ моему удовольствію, прямо съ вокзала жандармы повезли насъ на пристань. Передо мной опять раскинулась Волга. Я видѣлъ ее уже во время первой высылки и даже, какъ читатель помнитъ, переправлялся черезъ нее на спасательной лодкѣ. Но тогда она была почти вся подо льдомъ, и какъ-то ничего не говорила воображенію. Теперь, въ ясный весенній день, она кипѣла своеобразной жизнью. По ней неслись пароходы, плыли внизъ баржи, грузчики невдалекѣ пѣли «дубинушку», и мимо насъ спускался баркасъ съ бурлаками и работницами. Они тоже налаживали пѣсню, и я ждалъ услышать что-нибудь вродѣ:

Мы не воры не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички...

Въ это яркое весеннее утро я весь былъ охваченъ особымъ ощущеніемъ волжскаго романтизма. Для меня Волга — это былъ Некрасовъ, историческія преданія о движеніи русскаго народа, это были Стенька Разинъ и Пугачевъ, это была волжская вольница и бурлаки Рѣпина, которыхъ я съ большой любовью скопировалъ тушью съ гравюры и повѣсилъ на стѣнкѣ своей петербургской комнаты.

Надо замѣтить, что этотъ волго-разбойническій романтизмъ былъ тогда распространенъ не только среди радикальной молодежи. Правда, въ нашихъ кружкахъ на вечеринкахъ съ большимъ одушевленіемъ пѣли и тогда волжскую пѣсню: «Есть на Волгѣ утесъ», въ которой говорилось о томъ, какъ Стенька Разинъ провелъ ночь на волжскомъ утесѣ, думая свою «великую думу» о народной свободѣ, а на утро рѣшилъ идти на Москву... Степанъ погибъ, но свои думы заповѣдалъ утесу, а утесъ великанъ все, что думалъ Степанъ, готовъ передать невѣдомому новому герою. Да, мы охотно пѣли и охотно слушали эту «удалецкую» пѣсню, но... написалъ ее нѣкто Навроцкій, товарищъ прокурора, дѣлавшій карьеру обвинительными рѣчами въ политическихъ процессахъ, одинъ изъ редакторовъ неважнаго журнальчика «Русская Рѣчь», гдѣ и была впервые напечатана эта пѣсня.

Отъ Ярославля до Костромы мы поѣхали на пароходѣ. Это было нарушеніе жандармской инструкціи, и старшій жандармъ просилъ насъ не проговориться объ этомъ при случаѣ. Мы обѣщали, но за то я вытащилъ свою книжеч-

ку и сталъ свободно записывать свои впечатлѣнія. Для нихъ это была значительная экономія на прогонахъ, для меня — нѣкоторая доля свободы.

Спускался мягкій ласковый вечеръ, когда съ пристани мы подъѣхали на двухъ извозчикахъ къ губернаторскому дому въ Костромѣ. Насъ ввели въ прихожую и заставили дожидаться его превосходительства. Изъ окна этой прихожей была видна широкая аллея прекраснаго густого сада, и на ней я увидѣлъ фигуры двухъ пожилыхъ мужчинъ. Въ аллею проникали еще косые лучи солнца, и оба господина спокойно и повидимому мечтательно разговаривавшіе о чемъ-то, повременамъ останавливались, смотрѣли кверху на бѣлыя облака, плывущія по синему небу, и опять тихо двигались по аллеѣ. Обѣ фигуры были интеллигентныя и пріятныя и напомнили мнѣ почему-то героевъ Тургенева.

Къ нимъ подбѣжалъ служитель въ длинномъ сюртукѣ съ мѣдными пуговицами и сказалъ что-то, вѣроятно, о насъ. Одинъ изъ собесѣдниковъ, болѣе высокій и болѣе полный, кивнулъ головой, и оба они пошли опять вглубь аллеи, не желая, повидимому, прервать такъ скоро интереснаго разговора и мечтательнаго настроенія.

Черезъ четверть часа однако дверь изъ сада открылась, и оба господина вошли въ переднюю. Жандармы вытянулись, старшій подалъ бумагу. Господинъ, котораго я мысленно назвалъ Лаврецкимъ (изъ «Дворянскаго Гнѣзда»),

небрежно взялъ ее, небрежно прочелъ и сказалъ съ выраженіемъ равнодушія и скуки:

— Ну что-жъ... Везите въ тюрьму...

Господинъ губернаторъ, — выступилъ я. — Вы отправляете насъ въ тюрьму... Могу я узнать, на какомъ законномъ основаніи?

Собесѣдникъ пониже ростомъ, котораго я мысленно прозвалъ Михалевичемъ, съ любопытствомъ взглянулъ на меня, а потомъ на губернатора. Но тотъ отвѣтилъ, только пожавъ плечами.

— На томъ основаніи, что вы высылаетесь въ административномъ порядкѣ и должны переночевать въ тюрьмѣ, пока мы изготовимъ нужныя бумаги и деньги для дальнѣйшаго пути...

— А за что мы высылаемся? Наказаніе не можетъ быть безъ вины.

На лицѣ его превосходительства стояло то же выраженіе величавой скуки.

— Административная высылка, — сказалъ онъ, — не есть наказаніе. Это только презервативная мѣра, которую правительство въ тревожныя времена вынуждено примѣнять въ видахъ общественнаго спокойствія и удобства... Быть можетъ даже вашего удобства, — прибавилъ онъ, слегка поклонившись, и удалился въ комнаты.

Черезъ четверть часа жандармы вынесли бумагу, и мы вшестеромъ отправились пѣшкомъ черезъ весь городъ въ тюрьму. Это опять была «экономія». Мы, конечно, могли бы потребовать извозчиковъ, но закатъ былъ чудесный,

и мы непрочь были пройтись пѣшкомъ, сокративъ такимъ образомъ тюремный вечеръ.

Въ тюрьмѣ намъ отвели большую пустую комнату, въ которой почему-то продержали болѣе двухъ недѣль. Причины этой задержки я не знаю. Быть можетъ мечтательный губернаторъ былъ слишкомъ занятъ интересными разговорами съ пріятелемъ. Я опять успѣлъ съ собой пронести карандашъ и книжечку, записывалъ свои впечатлѣнія и рисовалъ виды изъ окна, причемъ на первомъ планѣ выступала верхушка тюремной стѣны съ цѣлующимися на ней голубями. Но бѣдняга братъ жестоко скучалъ, пока мы не придумали сдѣлать мячъ изъ мятаго хлѣба, которымъ перекидывались изъ конца въ конецъ камеры. Такъ и застали насъ сидящими на полу и играющими въ мячъ, явившіеся за нами смотритель и караульный офицеръ. Въ конторѣ насъ ждали уже новые жандармы.

Насъ повезли на сѣверо-востокъ сначала широкими трактами, обсаженными березками, которые потомъ, сузившись, потянулись между стѣнами лѣсовъ. Остановившись въ одной деревнѣ на ямской станціи, я увидѣлъ на косякѣ окна надпись: «Проѣхали такіе-то». Среди фамилій попалась знакомая: Мурашкинцева. Это была молодая дѣвушка, жившая рядомъ съ нами въ томъ же проходномъ дворѣ между Невскимъ и Второй улицей. «Значитъ, — подумалъ я, — и квартира сосѣдей, за которыми слѣдили тотъ же орангутангъ и подвязанная щека, тоже разгромлена».

Везшіе насъ и постоянно смѣнявшіеся воль-

ные ямщики разсказывали намъ о компаніи молодыхъ господъ, и барышенъ, которыхъ провезли наканунѣ по тому же вятскому тракту. Особенно часто упоминали про Клавдію Мурашкинцеву, у которой былъ хорошій голосъ, и которая цѣлые дни пѣла.

— Заливается, что тебѣ соловей... — восхищались ямщики.

Погода была чудесная, время праздничное (Троица и Духовъ день) и всѣ встрѣчныя деревни тоже водили хороводы и звенѣли пѣснями. Въ одной деревнѣ, гдѣ мы остановились утромъ, чтобы напиться чаю, большой хороводъ подошелъ къ ямской избѣ и сталъ пѣть передъ нашими окнами. Когда мы садились въ перекладныя, крестьяне окружили крыльцо, дѣлясь впечатлѣніями. Мы съ братомъ походили другъ на друга и были одинаково одѣты. «Браты, видно», — говорили жалобными голосами женщины, а когда мы усѣлись, каждый между двумя жандармами и передняя повозка тронулась, — я даже вздрогнулъ отъ радостной неожиданности: мнѣ послышалось такъ ясно, что какая-то высокая уже немолодая женщина, глядѣвшая на насъ съ «болѣзнымъ» выраженіемъ въ лицѣ, сказала на распѣвъ:

— Эхъ, ро-ди-и-мые... Кабы да наша воля!..

Я не вполнѣ увѣренъ, что были сказаны именно эти слова. Быть можетъ въ нихъ отлило мое воображеніе всѣ впечатлѣнія этихъ свѣтлыхъ праздничныхъ дней, такъ обаятельно дѣйствовавшихъ послѣ тюрьмы. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что всюду въ празднично

настроенныхъ деревняхъ, въ толпахъ молодежи, водившихъ хороводы, и среди степенныхъ мужиковъ и бабъ, сидѣвшихъ на заваленкахъ, насъ встрѣчали и провожали не враждебные, а скорѣе любопытно-сочувственные взгляды.

Въ двухъ или трехъ мѣстахъ на дорогу степенно выходили старики или старухи съ ковшами въ рукахъ и предлагали деревенское пиво. Ямщики останавливали лошадей.

Въ Вяткѣ, куда мы пріѣхали утромъ, насъ опять доставили къ губернатору, которымъ тогда былъ Тройницкій. Къ намъ вышелъ господинъ невысокаго роста, съ румянымъ самодовольнымъ лицомъ, которое, въ рамкѣ темной заросли, производило впечатлѣніе маски. Я разумѣется предложилъ ему тотъ же вопросъ — о причинѣ нашей высылки и получилъ тотъ же сухой отвѣтъ: — «политическая неблагонадежность».

— Сколько мнѣ извѣстно, — сказалъ я, — такого преступленія въ уложеніи нѣтъ. Оно должно было выразиться въ опредѣленныхъ поступкахъ.

Маска осталась неподвижна.

— Это государственная тайна, — сказалъ онъ глубокомысленно, и распорядился отправить насъ въ тюрьму.

Я опять не стану описывать подробностей пребыванія въ Вятской тюрьмѣ, подъ началомъ очень добродушнаго старика смотрителя и подъ непосредственнымъ надзоромъ вѣчно пьянаго коридорнаго. Нѣсколько дней заключенія, потомъ опять на почтовыхъ съ жандармами, и мы на мѣстѣ, въ уѣздномъ городѣ Гла-

зовѣ, Вятской губерніи. Этотъ городъ съ его тогдашними нравами я описалъ впослѣдствіи въ очеркѣ «Ненастоящій городъ». Поэтому здѣсь я коснусь лишь нѣкоторыхъ чертъ изъ нашей ссыльной жизни.

LXXXV

ЖИЗНЬ ВЪ ГЛАЗОВѢ — ЛУКА СИДОРОВИЧЪ, ЦАРСКІЙ АНГЕЛЪ

Въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи насъ встрѣтилъ Лука Сидоровичъ, исправникъ. Это былъ худощавый старикъ съ совершенно лысымъ черепомъ, бритымъ по николаевски подбородкомъ и длинными сѣдыми усами. Маленькіе глазки бѣгали, какъ два звѣрька, подъ нависшими сѣдыми бровями. Онъ предложилъ намъ нѣсколько вопросовъ и произнесъ нѣсколько наставленій, изъ которыхъ мы поняли, что онъ имѣетъ претензію держать насъ въ нѣкоторой субординаціи.

Въ Глазовѣ было тогда пять или шесть политическихъ ссыльныхъ, рабочихъ изъ Петербурга, высланныхъ за забастовку. Старше и серьезнѣе другихъ былъ Стольбергъ, финнъ, женатый, мастеръ-механикъ по профессіи. Остальные были юнцы-слесаря или токари съ разныхъ заводовъ.

Лука Сидоровичъ сразу запугалъ эту молодежь и взялъ ее въ ежовыя рукавицы. Въ первый праздникъ послѣ ихъ пріѣзда онъ послалъ

къ нимъ городового съ приказаніемъ непремѣнно идти въ церковь. Стольбергъ, какъ иновѣрецъ, былъ освобожденъ отъ этой обязательной повинности, но относительно остальныхъ Лука Сидоровичъ тщательно наблюдалъ за ея исполненіемъ, и зеленая рабочая молодежь повиновалась. Кромѣ того Лука Сидоровичъ вообще ввелъ строгую субординацію и часто дѣлалъ отеческіе выговоры за поведеніе.

Стольбергъ пытался съютить изъ этихъ рабочихъ маленькую слесарную мастерскую, но инструментовъ было мало. Братъ кое-что привезъ съ собою, а черезъ нѣкоторое время ему прислали изъ Петербурга всю его мастерскую. Онъ примкнулъ къ артели и, понятно, вскорѣ сталъ виднымъ и дѣятельнымъ ея членомъ. Работа закипѣла. Каждое воскресенье, съѣзжаясь на базаръ изъ деревень, вотяки приносили ружья, самовары, котлы, которые нужно было чинить, запаивать, придѣлывать курки или ложа. Я рѣшилъ докончить свое обученіе сапожному ремеслу, для чего поселился отдѣльно отъ товарищей, въ такъ-называемой слободкѣ, почти сплошь населенной ремесленниками, преимущественно сапожниками и сталъ ежедневно въ теченіе шести-семи часовъ ходить къ Нестеру Семеновичу, веселому и добродушному человѣку, согласившемуся преподать мнѣ тайны своего нехитраго искусства.

Сначала Лука Сидоровичъ былъ въ восторгѣ:

— Вотъ каковы «мои ссыльные», — съ гордостью говаривалъ онъ обывателямъ и то и дѣло посылалъ въ мастерскую заказчиковъ. Обыватели слѣдовали охотно рекомендаціи на-

чальства, и скоро мастерская стала чѣмъ-то въ родѣ клуба: подъ стукъ молотковъ и визгъ напильниковъ шли разспросы и разговоры.

Скоро, однако, идиллія была нарушена. Съ нашимъ пріѣздомъ ссыльная молодежь вышла изъ повиновенія, стала манкировать церковныя службы, а наставленія Луки Сидоровича выслушивала съ улыбкой.

— Помните, — внушалъ Лука Сидоровичъ съ самымъ суровымъ видомъ: — на небѣ — богъ. На землѣ — царь... У бога ангелы, у царя — исправники. Поэтому вы должны меня слушаться... Я васъ худому не научу.

Среди нашихъ рабочихъ былъ молодой парень Кузминъ, прекрасный, добродушный малый, очень веселаго нрава. Съ нашимъ пріѣздомъ онъ какъ-то скорѣе всѣхъ вышелъ изъ подъ властной руки Луки Сидоровича, и при этихъ словахъ внезапно фыркнулъ. Лука Сидоровичъ приписалъ вредное вліяніе именно нашему пріѣзду и въ особенности мнѣ. Скоро у меня съ нимъ начались и прямыя столкновенія, прежде всего опять на «законной» почвѣ.

Наша переписка шла черезъ его руки: ему мы должны были сдавать отсылаемыя нами письма незапечатанными, отъ него же получали распечатанными письма, приходившія къ намъ... Порой въ письмахъ сестры или матери нѣкоторыя фразы оказывались грубо подчеркнутыми, и Лука Сидоровичъ безцеремонно требовалъ у меня разъясненій. Его вопросы бывали при этомъ курьезно глупы, но понятно, какъ меня бѣсила эта безцеремонность. Кромѣ того онъ выдавалъ ихъ у себя на дому. Въ

первый же разъ, какъ онъ заставилъ меня дожидаться его выхода на кухнѣ, я ушелъ, заявивъ, что предпочитаю и сдавать, и получать свою корреспонденцію въ полицейскомъ присутствіи. Маленькіе глазки Луки Сидоровича забѣгали подъ его сѣдыми нависшими бровями, и съ этихъ поръ между нами началась глухая борьба.

Я сказалъ уже, что поселился отдѣльно отъ товарищей, въ рабочей слободкѣ. Каждый праздникъ въ ней шло сплошное пьянство, захватывающее понедѣльники, а иногда переходившее въ запой. Новые знакомые обижались, что я и самъ не угощаю, и не принимаю угощенія. Чтобы создать иную почву для общенія, я выписалъ изъ Петербурга десятка три дешевыхъ изданій. Тогда народныя книжки не подвергались еще особой цензурѣ, — можно было издавать для народа все, выдержавшее цензуру общую. Среди выписанныхъ мною книгъ были между прочимъ: «Какъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ» Щедрина, «Сказка о купцѣ Калашниковѣ» Лермонтова, нѣсколько брошюрокъ Тургенева, Пушкина. Письмо съ извѣщеніемъ я получилъ давно, но самую посылку Лука Сидоровичъ задерживалъ, нѣсколько разъ назначая сроки и заявляя, что еще не просмотрѣлъ. Тогда я, въ свою очередь, вѣжливо заявилъ ему, что и я назначаю послѣдній срокъ, послѣ котораго подамъ на него жалобу.

Лука Сидоровичъ вспылилъ.

— Есть у меня время возиться со всякою дрянью... — сказалъ онъ сердито. Я опять

вѣжливо поклонился и въ тотъ же день принесъ ему для пересылки губернатору жалобу. Въ ней я просилъ губернатора освободить мою переписку отъ цензуры исправника, который мнѣ заявилъ, что ему некогда возиться со всякой дрянью. — «Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, въ какой степени сочиненія Лермонтова и Пушкина, Тургенева и Щедрина заслуживаютъ названіе всякой дряни, — писалъ я въ этой жалобѣ, — я полагаю, что даже и въ административномъ порядкѣ я не поставленъ совершенно внѣ закона и въ правѣ требовать болѣе внимательнаго отношенія, если уже необходимо затруднять кого-нибудь прочтеніемъ моей переписки».

Когда я подалъ Лукѣ Сидоровичу этотъ документъ, который теперь, признаюсь, кажется мнѣ нѣкоторымъ злоупотребленіемъ красотами ироническаго стиля, то мнѣ припомнился директоръ Королевъ: по лысинѣ Луки Сидоровича бѣжала такая же рѣзко отграниченная красная волна, внушая опасеніе удара, а руки, въ которыхъ онъ держалъ бумагу, сильно дрожали. Я понялъ, что въ лицѣ этого «царскаго ангела» я нажилъ смертельнаго врага. Но меня это ни мало не смущало.

Это была уже вторая жалоба моя на вятскую администрацію. Первую я послалъ министру внутреннихъ дѣлъ на рѣшеніе губернатора, который, на просьбу мою о полагавшемся ссыльнымъ ежемѣсячно пособіи, положилъ резолюцію: «можетъ получать отъ родныхъ». Я писалъ министру Макову, что считаю этотъ отвѣтъ непозволительной насмѣш-

кой надъ моимъ положеніемъ: министру должно быть извѣстно, что, безъ суда и слѣдствія, безъ доказательства какой-либо вины, наше семейное гнѣздо разорено, всѣ работники мущины у семьи отняты, и послѣ этого намъ предлагается обращаться за помощью къ той же разгромленной семьѣ.

Обѣ жалобы имѣли успѣхъ: министръ впослѣдствіи отмѣнилъ отказъ губернатора, а губернаторъ, въ свою очередь, сдѣлалъ нахлобучку исправнику. Зато вскорѣ мнѣ суждено было почувствовать, что значитъ пользоваться законнымъ правомъ подавать жалобы, стоя въ сущности внѣ закона.

Лука Сидоровичъ тоже скоро понялъ, что онъ ошибся, покровительствуя мастерству «своихъ ссыльныхъ». Ему казалось по простотѣ, что, если «его ссыльные» не пьянствуютъ, не дебоширятъ, а занимаются полезнымъ трудомъ, то исправникъ за это заслуживаетъ лишь похвалы. Но вотъ, министръ Маковъ разсылаетъ по всей Россіи знаменитый въ свое время циркуляръ, въ которомъ въ прахъ разбиваетъ это заблужденіе. Онъ разъясняетъ, что тѣ политическіе ссыльные, которые не пьянствуютъ и не дебоширятъ, а ведутъ себя по наружности прилично, — они-то и являются особенно опасными, потому что, привлекая симпатіи общества, пользуются этимъ для распространенія вредныхъ идей.

Лука Сидоровичъ прозрѣлъ. Однажды въ базарный день онъ посѣтилъ мастерскую. Она была полна вотяковъ, пріѣхавшихъ за полученіемъ своихъ заказовъ и для сдачи новыхъ.

И вотъ, одинъ изъ этихъ простодушныхъ мужиковъ, солидный богатый вотякъ, подойдя къ Лукѣ Сидоровичу, сказалъ:

— Неладно царь дѣлаетъ... Зачѣмъ хорошихъ людей выгонялъ? Развѣ ему хорошихъ людей не нужно? Плохой человѣкъ ссылать надо, а хорошій человѣкъ не надо ссылать... Это все есть хорошій человѣкъ: ружье работаетъ, самоваръ работаетъ, ведро заливаетъ... Кумышка не пьетъ...

Я былъ въ то время въ мастерской, и помню выраженіе ужаса, появившееся на лицѣ Луки Сидоровича. Онъ понялъ циркуляръ Макова... Да, онъ, «царскій ангелъ», служитъ орудіемъ крамолы. И онъ принялся разрушать плоды собственной ошибки, внушая обывателямъ, что ссыльные — люди чрезвычайно опасные. Но было уже поздно: мастерская пріобрѣла извѣстность и вошла въ силу. Каждый базарный день ее наполняли мужики, а горожане не хотѣли уже отказаться отъ новыхъ знакомыхъ. Болѣе смѣлые приходили днемъ, а болѣе робкіе прокрадывались темными вечерами, причемъ просили запирать ставни.

Между тѣмъ я закончилъ курсъ своего обученія, и мой добродушный учитель объявилъ, что я теперь знаю столько же, сколько и онъ. Поэтому я завелъ себѣ собственную правильную доску и нѣсколько паръ колодокъ... Инструментъ мнѣ прислали еще раньше сестры изъ Петербурга. И вотъ я наклеилъ на своемъ окнѣ изображеніе сапога, вырѣзанное изъ бѣлой сахарной бумаги. Прежде всего, въ качествѣ лучшей вывѣски, я сшилъ себѣ пару

длинныхъ сапогъ, сразу привлекшихъ завистливые взгляды и въ слободкѣ, и въ городѣ.

Послѣ этого ко мнѣ стали являться съ заказами. Завелись знакомства. У меня охотно брали книжки для чтенія, заходили ко мнѣ, и я ходилъ кое къ кому. Вообще отношенія установились недурныя, хотя долженъ сказать, что ни для какой революціонной пропаганды въ этомъ глухомъ захудаломъ «ненастоящемъ» городѣ почвы не было. Мы давали населенію то, что оно могло взять отъ общенія съ болѣе культурными и болѣе независимыми въ отношеніи къ начальству людьми. Нѣсколько разъ ко мнѣ заходили изъ окрестныхъ селъ крестьяне съ жалобами на притѣсненія, и я охото писалъ эти жалобы. Это, конечно, вызывало переполохъ въ мѣстныхъ административныхъ кругахъ. Это было хуже всякой революціонной пропаганды, и я прослылъ безпокойнымъ и вреднымъ человѣкомъ, о чемъ дружески расположенные обыватели предупреждали меня, на основаніи разговоровъ начальства.

Въ одинъ прекрасный день ранней осени, когда на поляхъ уже лежалъ довольно глубокій снѣгъ, но быстрая Чепца еще катила свободно свои темныя волны, ко мнѣ вдругъ пожаловалъ Лука Сидоровичъ въ сопровожденіи городового, кажется, Семенова. Я въ то время только что пошабашилъ и сѣлъ обѣдать. Жилъ я въ маленькой каморкѣ и обѣдъ готовилъ самъ. Работая у окна, я могъ, не сходя съ сѣдухи, достать что угодно изъ любого угла и слѣдить за печкой. Лукѣ Сидоровичу пришлось сильно нагнуться, чтобы войти въ дверь.

— Обѣдаете-съ? — спросилъ онъ, и маленькіе лукавые глазки его забѣгали по моей мурьѣ.

Въ это свѣтлое утро, озарившее даже мою каморку отблесками недавно выпавшаго снѣга, я былъ настроенъ весело и благодушно. Поэтому отвѣтилъ Лукѣ Сидоровичу, улыбаясь:

— Такъ точно, Лука Сидоровичъ, — обѣдаю... Надѣюсь, — хоть это занятіе непредосудительное. Даже исправники этимъ занимаются ежедневно.

Старикъ, къ моему удивленію, обидѣлся.

— Неумѣстное сравненіе-съ, — сказалъ онъ. — Совершенно неумѣстное-съ. Я подкрѣпляю свои силы для служенія царю, а вы... еще неизвѣстно зачѣмъ-съ... Кончайте, я подожду-съ.

И онъ сѣлъ, въ ожиданіи пока я кончу, на лавку.

По окончаніи обѣда онъ далъ знакъ городовому, и черезъ минуту моя комната наполнилась народомъ.

— По предписанію губернатора я произведу у васъ обыскъ, — сказалъ исправникъ официально. Въ теченіе получасу въ моей каморкѣ стояла тишина, прерываемая лишь изрѣдка глубокими вздохами кого-либо изъ добрыхъ сосѣдей понятыхъ. Городовой Семеновъ добросовѣстно шарилъ въ моихъ вещахъ. Наконецъ, вывернувъ послѣдній карманъ послѣднихъ брюкъ, онъ сказалъ: «ничего, ваше благородіе», — и при этомъ посмотрѣлъ на меня такъ, какъ будто я обязанъ ему вѣчной благодарностью, хотя въ моихъ брюкахъ и во всей каморкѣ дѣйствительно ничего предосудительнаго не было.

Исправникъ составилъ протоколъ, далъ подписать обрадованнымъ понятымъ, которые затѣмъ вышли, а самъ обратился ко мнѣ. Глазки его при этомъ забѣгали какъ-то радостно и лукаво.

— Вы кончили? — спросилъ я холодно.

— Не совсѣмъ. Тутъ вотъ еще бумажка отъ губернатора.

Въ бумажкѣ содержалось предписаніе: объявить бывшему студенту такому-то, что онъ высылается на жительство въ Березовскіе Починки.

Старый исправникъ торжествовалъ. Я долженъ былъ понять, что значитъ жаловаться губернатору на исправника, а министру на губернатора.

LXXXVI

НА КРАЙ СВѢТА

Сборы мои опять были недолги. Я попрощался съ товарищами, которые пришли провожать меня и упаковать мои инструменты и вещи, и скоро мы всѣ переправились на паромѣ за рѣку. Кое кто изъ слободскихъ знакомыхъ тоже дружелюбно проводилъ меня. Нѣкоторыя женщины плакали, такъ какъ о Березовскихъ Починкахъ очень мрачная слава. Особенно тронула меня хозяйка, сдававшая мнѣ комнату. Она положительно разливалась, точно надъ роднымъ сыномъ, и по особому

женскому праву позволяла себѣ даже роптать противъ начальства... Городовой Семеновъ дѣлалъ видъ, что тоже провожаетъ меня, какъ добрый знакомый, но было видно, что онъ все мотаетъ на усъ для доклада исправнику. Еще нѣсколько горячихъ объятій съ братомъ и товарищами, — и паромъ отправился назадъ къ городскому берегу, а наши сани погрузились въ сумеречные перелѣски, направляясь къ густой полосѣ лѣсовъ, синѣвшей на близкомъ горизонтѣ.

Если читатель броситъ взглядъ на подробную карту Вятской губерніи, то онъ увидитъ, что глазовскій уѣздъ представляетъ одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ ея уѣздовъ. Линія, проведенная отъ Глазова на сѣверо-востокъ, пересѣчетъ верховья двухъ рѣкъ — Вятки и Камы въ томъ мѣстѣ, гдѣ онѣ параллельно другъ другу текутъ прямо на сѣверъ. Кама тутъ составляетъ границу между Глазовскимъ уѣздомъ Вятской и Чердымскимъ Пермской губерніи. Это какъ разъ граница Пилы и Сысойки, а рядомъ расположена обширная Бисеровская волость, рѣдко населенная, покрытая болотами и сплошными лѣсами. На крайнемъ ея сѣверо-востокѣ находится мѣстность, называемая Березовскими Починками. Ни одинъ губернаторъ никогда не бывалъ въ этой волости, ни одинъ исправникъ не бывалъ въ селѣ Афонасьевскомъ, ближайшемъ отъ Березовскихъ Починковъ, а въ самыхъ Починкахъ съ самаго сотворенія міра не бывалъ даже ни одинъ становой. Никогда починковцы не видѣли начальства выше урядника. Когда че-

резъ нѣсколько мѣсяцевъ я опять очутился въ Вяткѣ, то ко мнѣ пришли въ тюрьму два чиновника губернаторской канцеляріи нарочно для того, чтобы взглянуть на человѣка, бывшаго въ Березовскихъ Починкахъ, и разспросить о нихъ.

Не задолго передъ описываемыми событіями моей жизни этотъ уголокъ земли пріобрѣлъ широкую, хотя и кратковременную извѣстность. Нѣкто Августовскій, кажется червонный валетъ, сосланный по приговору суда сначала въ глазовскій уѣздъ, а изъ Глазова за убійство высланный въ Починки, убѣжалъ оттуда въ Петербургъ и явился къ своей прежней любовницѣ. Та къ этому времени отдала свое сердце другому, и донесла на прежняго возлюбленнаго полиціи. Мстя за измѣну, Августовскій нанесъ ей рану ножомъ. Его судили съ присяжными, и на судѣ, отчетъ о которомъ появился въ газетахъ, онъ нарисовалъ такую яркую картину своихъ страданій въ Березовскихъ Починкахъ, что присяжные его оправдали, а Починки одно время стали яркой темой фельетоновъ.

Въ этотъ-то интересный уголокъ я высылался теперь по распоряженію губернатора Тройницкаго, и къ великому удовольствію исправника, Луки Сидоровича. Рядомъ со мною въ саняхъ важно возсѣдала особа въ широкой нагольной шубѣ и въ шапкѣ съ краснымъ околышемъ. Личность эта носила званіе «засѣдателя», происходившее очевидно отъ глагола «засѣдать». Для надобностей уѣзднаго полицейскаго управленія сосѣднія вотяцкія села обложены осо-

бой натуральной повинностью: высылать въ городъ по выбору своихъ мужиковъ, которые и «засѣдаютъ» въ передней полицейскаго управленія во всегдашней готовности бѣжать на посылкахъ.

Практикой установлено, что эти «засѣдатели» смѣняются рѣдко, такъ какъ полиціи удобнѣе имѣть подъ рукой привычныхъ людей. Та же практика присвоила этимъ деревенскимъ мужикамъ, большею частью вотякамъ, фуражку съ краснымъ околышемъ въ родѣ тѣхъ, какія въ другихъ губерніяхъ носятъ господа дворяне. Жалкіе и ничтожные въ городѣ, эти засѣдатели сразу становятся важными особами, попадая въ деревню.

Такой сановникъ сидѣлъ теперь рядомъ со мной, важно подымая носъ кверху.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и мои чувства къ Лукѣ Сидоровичу конечно сильно смягчились. Я сознаю даже, что былъ пожалуй не правъ по отношенію къ хитрому, но глуповатому служакѣ, пуская въ ходъ всю силу ироническаго стиля и обвиняя его въ непочтеніи къ корифеямъ русской литературы. Но въ то время въ душѣ моей кипѣло негодованіе и гнѣвъ. Я чувствовалъ себя жертвой низкой мести. Поскрипывали полозья, проносились мимо и убѣгали назадъ чахлые перелѣски, за снѣгами и лѣсами сѣло солнце, удлиняя густыя синія тѣни. На душѣ у меня тоже темнѣло. На моихъ щекахъ еще горѣли горячіе поцѣлуи брата, а въ ушахъ раздавался плачъ и причитанія, точно по покойнику, добродушной моей хозяйки. Воображеніе невольно пе-

реносило меня назадъ, въ Глазовъ. Скоро въ окнахъ зажгутся огни. Товарищи сидятъ за самоваромъ и съ грустью вспоминаютъ обо мнѣ. Окно моей каморки темно и пусто. Въ слободкѣ толкуютъ вкривь и вкось, за что я высланъ. А вотъ, на одной изъ центральныхъ улицъ, въ большомъ деревянномъ домѣ тоже свѣтятся окна, и съ деревянныхъ кладокъ, пролегающихъ мимо, виднѣется мирная картина: за самоваромъ сидитъ Лука Сидоровичъ въ кругу своей семьи. Онъ доволенъ... Но если бы мнѣ соскочить сейчасъ съ саней и броситься въ лѣсъ...

Мое подвижное воображеніе работало, и въ этотъ сумеречный часъ, среди темнѣющаго лѣса, я, хотя бы только въ воображеніи, переживалъ ощущенія мстителя террориста.

Перепрягли лошадей и дальше поѣхали уже въ полной темнотѣ. Во время перепряжки въ ямской избѣ мой спутникъ обратилъ вниманіе на мои новые сапоги. Онъ ихъ осматривалъ, ощупывалъ, сравнивалъ со своими и наконецъ предложилъ:

— Мѣняй сапоги!

Я отказался. Выѣхавъ послѣ остановки, онъ вдругъ сталъ очень разговорчивъ. Онъ распространялся о тѣхъ мѣстахъ, куда онъ меня везетъ... Народъ тамъ дикій, разбойникъ народъ... Ссыльныхъ то и дѣло топятъ въ Камѣ, никто и не знаетъ... Начальство далеко. А вотъ онъ, засѣдатель, можетъ замолвить за меня словечко, его боятся, ему повѣрятъ. И тотчасъ же послѣ этого онъ опять сказалъ съ наивнымъ нахальствомъ:

— Мѣняй сапоги!

— Убирайся, не стану мѣнять... — Онъ надулся и смолкъ, хотя не надолго. Черезъ нѣсколько времени опять раздался его скрипучій голосъ:

— Мѣняй, слышь... Сколько возьмешь придачи?

На слѣдующій день вечеромъ мы были уже недалеко отъ рѣки Вятки. Ямщикъ попался словоохотливый. Онъ разсказывалъ, что лошади у него куплены съ завода и въ одномъ мѣстѣ указалъ на дорогу, отходившую въ сторону отъ нашей. Она вела на Омутнинскій заводъ.

— Какъ доѣдешь до этого мѣста, лошади непремѣнно сворачиваютъ. Чуть зазѣвайся, особливо засни, такъ къ заводу и притащатъ, хоть далеко...

Въ Глазовѣ одинъ нашъ добрый знакомый, большой фантазеръ, разсказывалъ мнѣ, что на этомъ заводѣ живетъ Петръ Ивановичъ Неволинъ, ссыльный и «отчаянный революціонеръ». Онъ спропагандировалъ не только рабочихъ и администрацію завода, но и все населеніе, которое теперь готово на все по одному его слову. Современемъ въ Нижнемъ Новгородѣ я близко познакомился съ П. И. Неволинымъ, когда онъ работалъ въ статистикѣ у Анненскаго. Это оказался прекрасный человѣкъ и отличный статистикъ, но человѣкъ совершенно кабинетный и менѣе всего революціонеръ. Но въ то время я вѣрилъ этимъ разсказамъ, и мнѣ невольно приходило въ го-

лову, что, быть можетъ, я могъ бы добраться къ этому могущественному человѣку.

Темнымъ вечеромъ мы подъѣхали къ обрывистому берегу рѣки Вятки. На другой сторонѣ скорѣе угадывались, чѣмъ виднѣлись широко и далеко раскинувшіяся темныя пятна лѣсовъ. Гдѣ-то внизу шуршалъ ледоходъ, и бѣлыя льдины смутно виднѣлись на темной рѣкѣ.

— Эк-ка бѣда!.. — сказалъ ямщикъ: — перевозчики-те убрались видно. Вонъ и изба стоитъ безъ оконъ. Пойти поискать: нѣтъ ли хоть лодьи внизу?

Онъ сталъ надъ обрывомъ, покричалъ нѣсколько времени протяжно и громко перевозчиковъ, и потомъ фигура его исчезла подъ обрывомъ. Лошадей онъ привязалъ къ выступающему бревну сруба. Мы съ «засѣдателемъ» остались въ саняхъ. Было холодно, темно и тоскливо. По небу передвигались неопредѣленныя громады облаковъ. Снизу, съ сѣверовостока, отъ зарѣчныхъ лѣсовъ тянуло влажнымъ холоднымъ вѣтромъ, и по временамъ пролетали снѣжинки. Время тянулось долго.

Наконецъ откуда-то снизу донесся неясный окрикъ. «Засѣдатель» встрепенулся. — Кричатъ... Съ того берега... — радостно сказалъ онъ и, вывалившись изъ саней, побѣжалъ съ обрыва съ такимъ проворствомъ, котораго я отъ него не могъ ожидать, захвативъ только мою подушку. Но раньше онъ еще разъ сказалъ мнѣ:

— Мѣняешь, что ли, сапоги-те? Мѣняй, не пожалѣешь... Ну, какъ знаешь.

И я остался одинъ.

Со мной былъ деревянный ящикъ съ вещами и сапожными инструментами. Я принялся выгружать его съ саней, какъ вдругъ внезапная мысль поразила меня. Я здѣсь одинъ. Лошади знаютъ дорогу къ заводу. На заводѣ могущественный Неволинъ, владѣющій умами населенія. Если сейчасъ подвязать колокольчикъ, повернуть лошадей и пустить ихъ по дорогѣ, то... То вся моя жизнь пойдетъ, быть можетъ, по новому пути...

Я поставилъ на снѣгъ свой ящикъ, сѣлъ на него, и — не знаю, сколько времени пробѣжало надъ моей головой вмѣстѣ съ холоднымъ вѣтромъ и темными облаками. Что было бы, если бы я повиновался первому побужденію? Я не увѣренъ даже, что нашелъ бы Петра Ивановича Неволина. Онъ дѣйствительно жилъ тогда на одномъ изъ заводовъ, но я не увѣренъ, что именно на этомъ. Все остальное было чистой фантазіей, и — если бы даже я нашелъ его, то, несомнѣнно, только напрасно подвелъ бы и его, и себя. И все таки, если бы я былъ революціонеръ по темпераменту, а не созерцатель и художникъ, то конечно не пропустилъ бы этого случая, — будь что будетъ!

Но соблазнъ длился не долго. Навстрѣчу ему потянулись, какъ эти туманныя облака по небу, новые ряды мыслей. Прежде всего — мысль о матери. Во что обойдется ей этотъ новый ударъ?.. И потомъ, — отъ чего собственно я бы убѣжалъ? Отъ этихъ лѣсовъ и отъ этихъ лѣсныхъ людей, отъ того дна на-

родной жизни, которое лежитъ вонъ тамъ, за рѣкой, раскинувшись безъ конца и края подъ моими ногами? Но развѣ я не стремился именно къ этому? Развѣ не собирался окунуться въ море народной жизни, анонимно и тайно отъ властей? И вотъ теперь, когда тѣ же власти сами предоставляютъ мнѣ возможность стать лицомъ къ лицу съ этой народной массой, — я испугаюсь и отступлю?

Когда-то Н. Н. Златовратскій написалъ разсказъ: «Безумецъ». Въ немъ идетъ рѣчь о человѣкѣ, отдавшемъ всю жизнь на поиски таинственнаго сокровища народной правды. Онъ отрѣшился отъ привычныхъ условій жизни и пошелъ къ народу. Онъ работалъ въ поляхъ, тянулъ лямку бурлакомъ, терялся въ глухихъ лѣсахъ, опускался въ подземныя шахты. И изъ всѣхъ этихъ странствій вынесъ на свѣтъ божій великое сокровище, волшебную жемчужину — тайну народной мысли.

Въ чемъ собственно состоитъ эта тайна, Златовратскій не разъяснилъ ни въ этомъ разсказѣ, ни во всей своей долгой и страстной литературной работѣ. Самый разсказъ появился нѣсколько лѣтъ спустя послѣ описываемыхъ здѣсь событій, и тогда произвелъ уже на меня впечатлѣніе чувствительной безсодержательности. Несомнѣнно, однако, что въ то время онъ былъ лишь нѣсколько запоздалымъ, но вѣрнымъ отраженіемъ того неопредѣленнаго, мистическаго ожиданія, которое влекло къ народу тысячи юныхъ сердецъ моего поколѣнія, которое влекло въ эти минуты и меня.

LXXXVII

ПЕРВАЯ ВСТРѢЧА СЪ БИСЕРОВЦАМИ — «ЦАРСКАЯ МИЛОСТЬ»

Съ той стороны рѣки, откуда-то издалека, снизу и слѣва послышался неясный зовъ... На берегу вспыхнулъ огонекъ. Это меня звала къ себѣ дикая лѣсная сторона. Я бодро поднялъ грузный, тяжелый ящикъ и сталъ осторожно спускаться по крутой обмерзшей тропинкѣ къ рѣкѣ. Внизу я увидѣлъ переброшенный черезъ рѣку на высокихъ тонкихъ жердяхъ живой, колеблющійся мостикъ, узенькій въ двѣ доски. Онъ висѣлъ высоко надъ черной рѣкой съ фосфорически-бѣлѣвшими пятнами. Небольшія льдины быстро, но не густо неслись по теченію, то и дѣло ударяясь о тонкія жерди. Мостикъ вздрагивалъ, и мое положеніе съ тяжелымъ ящикомъ было довольно затруднительно. Но переправа совершилась все же благополучно и, пустившись вдоль берега на огонекъ, я вскорѣ очутился въ просторной перевозной избѣ на другомъ берегу Вятки. Изба была полна народомъ. Тутъ были, во первыхъ, перевозчики, а во вторыхъ — семь старостъ, во главѣ съ старшиной Бисеровской волости. Они везли въ городъ собранныя съ волости подати, но мой «засѣдатель», успѣвшій забраться на печку и свѣсившій оттуда голову въ красной фуражкѣ, упорно твердилъ:

— Ѣзжай назадъ, собирай еще... Исправникъ приказалъ. Бумагу я везу... Писарь будетъ читать въ волости.

Мужики галдѣли, говорили всѣ разомъ, спорили, но въ концѣ концовъ сдались. Старшина, коренастый, невысокій бѣлокурый мужикъ, выступилъ впередъ и сказалъ:

— Какая бумага? Можетъ вотъ онъ прочитаетъ? — кивнулъ онъ на меня.

Засѣдатель досталъ изъ своей кожаной сумки бумагу, я вскрылъ конвертъ и прочиталъ. Въ бумагѣ предписывалось старшинѣ, не ограничиваясь окладомъ послѣдняго года, зачислить собранныя подати за недоимки и приступить вновь къ усиленному взысканію недоимокъ... за десять лѣтъ.

Бумага произвела прямо ошеломляющее впечатлѣніе. Нѣкоторое время въ избѣ стояло молчаніе.

— Да ты такъ ли читаешь-то? — сказалъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ угрюмый, рослый мужикъ, черный, какъ жукъ.

— Вѣрно прочиталъ, правильно! — вмѣшался засѣдатель съ печки. — Я вѣдь вамъ баялъ, я знаю... По всѣмъ волостямъ такая бумага послана. Другихъ старшинъ изъ города назадъ вернули, — пояснилъ онъ.

Мужики почесали въ головахъ, поговорили еще, но въ концѣ концовъ пришли къ заключенію, что необходимо исполнить приказаніе начальства.

Въ поясненіе этого циркуляра нужно сказать, что 19 февраля будущаго 1880 года наступало 25-тилѣтіе вступленія на престолъ Александра II. Предполагалось по манифесту сложеніе недоимокъ. И вотъ, не знаю по чьей иниціативѣ, вѣроятно по приказу изъ центра,

администрація приступила къ выколачиванію старыхъ недоимокъ, чтобы царское великодушіе обошлось казнѣ подешевле. Мужики — старшина и семь старостъ, — считавшіе, что сборъ податей по волости уже конченъ, были угрюмы и сердиты: приходилось возвращаться и начинать сначала. Когда это выяснилось окончательно, ихъ угрюмое вниманіе обратилось на меня, сидѣвшаго на лавкѣ, рядомъ съ деревяннымъ ящикомъ.

— А это что же за человѣкъ? — спросилъ старшина, обращаясь къ засѣдателю. Хитрые маленькіе глазки вотяка насмѣшливо сверкнули на меня, и онъ отвѣтилъ:

— Подарокъ вамъ... Новый ссыльный въ Березовскіе Починки.

Въ кучкѣ мужиковъ пошелъ глухой ропотъ.

Еще одинъ... Эк-ка бѣды, право, до коихъ поръ это? Житья отъ ссыльныхъ не стало... Починковцы и то стонутъ. Пакостятъ они, мочи нѣтъ съ ими.

— Вотъ недавно жаловались: полякъ Харла деньги сбостилъ, — энергично вставилъ старшина. — И слышь, — деньги немалыя: семьдесятъ рублевъ.

— А лѣсу десятины двѣ не спалили чтоль? И зимовничекъ сгорѣлъ...

— Бѣды это, право бѣдушки... — какъ-то плаксиво и нараспѣвъ протянулъ черный, какъ жукъ, лохматый мужикъ. — Левашевъ вонъ бумагу добылъ, по всей волостѣ теперь на лошадяхъ гоняетъ, ничего не плотитъ...

Съ разныхъ сторонъ послышались ропотъ и вздохи.

— Да что вы, мужички, плачетесь тутъ?.. — заговорилъ, приближаясь ко мнѣ, старшина. — Ты, чужой человѣкъ, не подумай чего. Вы тамъ въ городу напрокудите, начальство съ вами не справится, такъ къ намъ?.. Смотри ты у насъ!.. Чуть что, мы васъ всѣхъ въ Каму побросаемъ.

За старшиной поднялись остальные, и я въ своемъ углу былъ окруженъ теперь плотной стѣной мужиковъ. Кромѣ старшины, это былъ народъ все рослый, плечистый и сильный. Видъ у нихъ былъ какой-то архаическій: почти безбородые и безусые, съ длинными волосами, ровно подстриженными на лбахъ, — они напоминали древнихъ славянъ на старыхъ картинахъ...

— Да!.. У насъ, братъ, смотри, поберегайся!..

— Живи смирно, не то косточки переломаемъ.

— Выволокемъ въ лѣсъ... мать родная костей не сыщетъ.

Эти рѣчи видимо все больше и больше вдохновляли бисеровцевъ: глаза сверкали, кулаки сжимались... А съ высоты большой печи лукаво и злорадно поблескивали изъ подъ краснаго околыша маленькіе глазки засѣдателя. — «Что, братъ, не захотѣлъ смѣнять сапоги!..» — казалось, говорилъ мнѣ этотъ взглядъ хитраго вотича.

Я чувствовалъ, что необходимо разрядить это настроеніе. Поэтому я ударилъ кулакомъ по своему ящику и рѣзко поднялся. Окружавшая меня толпа, къ моему удивленію, шарахнулась отъ меня, точно испуганныя овцы.

— Слушайте теперь, мужики, что я вамъ скажу, — рѣзко заговорилъ я, ободренный. — Вотъ вы говорите, что ссыльные вамъ пакостятъ. Съ вами, видно, и нельзя иначе: вотъ вы меня не знаете, ничего я вамъ дурного не сдѣлалъ, можетъ и не сдѣлаю, а вы ужъ накинулись на меня, какъ волки...

Мужики слушали, отойдя отъ меня на почтительное разстояніе. Крупный мужикъ, жаловавшійся на какого-то Левашова, — теперь глубоко вздохнулъ и сказалъ смиренно:

— Правду баетъ мужичокъ... Вѣрно это: мы еще отъ него худого не видали.

— Вѣстимо: будешь до насъ хорошъ, и мы до тебя хороши.

— Вѣрно. Вонъ Плавской въ селѣ живетъ... Грѣхъ сказать, — человѣкъ смирный, хоть спи съ нимъ, не обидитъ...

Въ настроеніи бисеровцевъ произошелъ полный переворотъ: минуту назадъ они наступали стѣной, пытаясь меня запугать. Теперь голоса ихъ звучали робкимъ заискиваніемъ. Дипломатъ-десятскій, глядѣвшій на все это съ своей печки, видимо оцѣнилъ новое соотношеніе силъ.

— Вѣрно, мужики, — заговорилъ онъ, — не такой это человѣкъ. Онъ человѣкъ просужій, работной... Гляди, сапоги на немъ... Самъ вѣдь сошилъ. Мастеровой человѣкъ: въ ящикѣте струментъ у него...

И онъ многозначительно посмотрѣлъ на меня, отмѣчая этимъ взглядомъ, что онъ оказываетъ мнѣ услугу.

Въ кучкѣ мужиковъ пронесся ропотъ одобренія.

— Ой?.. — радостно произнесъ старшина, — да ты видно чеботной!.. Поэтому можешь моей бабѣ чирки изладить?

Онъ оглянулся на мужиковъ и сказалъ, улыбаясь:

— Что ты съ бабой подѣлаешь? Пристаетъ: жить, говоритъ, не хочу, что чирки не сошьешь...

— Извѣстное дѣло: мужъ въ старшинахъ, — не любо и ей въ лаптяхъ стало.

— Ну, роботному человѣку мы рады, — сказалъ старшина, — мы тебя, когда такъ, въ селѣ оставимъ. Въ Починкахъ тебѣ дѣлать нечего. А теперь, ребята, айда, видно, назадъ!.. Давай запрягать лошадей.

Мужики повалили изъ избы, а засѣдатель слѣзъ съ печи и тихонько подсѣлъ ко мнѣ.

— Видалъ?.. — спросилъ онъ, кивнувъ головой по направленію къ двери: — народецъ то!.. Извѣстно, лѣсной народъ, звѣрь...

И потомъ, помолчавъ, прибавилъ заискивающе:

— Слышалъ, какъ я за тебя заступилъ?.. Сильной рукой...

И затѣмъ, какъ я и ожидалъ, прибавилъ ласково, но очевидно безъ особенной надежды на успѣхъ:

— Сапоги-те... Смѣняешь что ли?

Я засмѣялся.

Почти уже на разсвѣтѣ на нѣсколькихъ саняхъ мы пріѣхали въ село Бисерово. Узнавъ, что здѣсь невдалекѣ отъ волости живетъ тоже

политическій ссыльный, полякъ Поплавскій, о которомъ говорили мужики, я наскоро умылся и, подождавъ немного, вышелъ на улицу. Вмѣстѣ со мной вышли изъ правленія два или три десятскихъ и пошли въ разныхъ направленіяхъ вдоль улицъ. Окна всюду уже свѣтились, изъ трубъ къ синему небу подымался дымъ. Десятскіе стучали подожками по ставнямъ, въ окнахъ появлялись мужскія или женскія лица, и десятскіе имъ кричали:

— На сходку, міряна, на сходку. Старшинате вернулся... Изъ городу бумага насчетъ недоимокъ... На сходку, міряна, на сходку...

Хозяйка Поплавскаго уже возилась у печки и удивилась моему появленію.

— Эк-ка бѣдушки... — сказала она, слегка вздрогнувъ. — Опять чужой человѣкъ, да такой же бородатой... И что у васъ за сторона такая: лицо будто молодое, а бороды-те что у стариковъ. Иди вонъ туда, въ свѣтелку. Да онъ, чай, еще спитъ. Пойти взять самоваръ: чай угощать станетъ пріятеля.

Мы вошли въ просторную избу, и хозяйка зажгла стоявшую на столѣ свѣчу. Большая изба, съ лавками кругомъ стѣнъ, полатями и большой русской печью, была полна своеобразнаго безпорядка: на лавкахъ грудами валялись книги, на столѣ, рядомъ съ самоваромъ и чайной посудой, лежали сапожныя щетки и вакса, пара щегольскихъ уже вычищенныхъ варшавскихъ ботинокъ стояла тутъ же. На кровати, укрытый, кромѣ одѣяла, еще шубой, лежалъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, черной бородкой клиномъ и длинными какъ у

художника, черными волосами. Одѣяло и шуба спустились до пояса, и я удивился, увидѣвъ, что молодой человѣкъ спитъ одѣтый въ черномъ сюртукѣ, крахмальной рубашкѣ и даже въ галстухѣ.

— Всегда эдакъ, — сказала хозяйка съ добродушной усмѣшкой: — и въ баню-те рѣдко ходитъ... Спасается видно.

Молодой человѣкъ открылъ глаза, смотрѣлъ нѣкоторое время не вполнѣ сознательнымъ взглядомъ, точно видитъ еще продолженіе сна, и затѣмъ, быстро сбросивъ одѣяло, торопливо надѣлъ ботинки и кинулся порывисто обнимать меня:

— Навѣрное новый политическій? Какъ я радъ. Самоваръ, хозяюшка, самоваръ поскорѣй..

Мы познакомились. Поплавскій былъ очень красивый юноша, съ чрезвычайно тонкими и интеллигентными чертами лица, производившими странное впечатлѣніе среди этихъ деревянныхъ срубовъ и нагольныхъ овчинъ. Онъ былъ варшавянинъ, писатель, сотрудникъ газеты «Przegląd Tygodniowy» («Еженедѣльное Обозрѣніе»), газеты такъ называвшагося «позитивнаго» направленія, гдѣ работали въ тѣ времена молодой Сенкевичъ, Свентоховскій, Болеславъ Прусъ. Въ Варшавѣ возникло большое политическое дѣло такъ называемаго «Пролетаріата». Официально его велъ прокуроръ варшавской судебной палаты Устимовичъ, — человѣкъ странный, немного толстовецъ, издававшій впослѣдствіи въ Самарѣ или Саратовѣ какую-то полусектантскую газету. Истиннымъ руководителемъ и душою слѣдствія былъ, однако, его

помощникъ Плеве, который съ этого дѣла и началъ свою блестящую карьеру. Поплавскій являлся одной изъ первыхъ ласточекъ этого дѣла, высланныхъ административно до начала надъ остальными суда. Онъ жилъ здѣсь, точно на почтовой станціи, не пытаясь даже какъ слѣдуетъ разложить свои вещи и устроиться. За самоваромъ онъ очень оживился, разсказывая о своемъ дѣлѣ, о жизни и партіяхъ въ Варшавѣ. Рѣчь его была интересна, сверкала юморомъ и парадоксами, но глаза его сразу потухли, когда онъ перешелъ къ своему теперешнему положенію. Ничто въ этой дикой странѣ не вызывало въ немъ вниманія и любопытства. Я приписывалъ это тому, что поляки вообще не народники: польскій мужикъ со временъ Казимира Великаго не играетъ никакой роли въ исторіи, — даже той, какую онъ игралъ у насъ: Польша не знала ни Разиныхъ, ни Пугачевыхъ, а ея козачество было Украинское.

Мы заспорили: Поплавскій былъ соціалъ-демократъ и націоналистъ. За разговорами незамѣтно пролетѣли часа два, когда ко мнѣ прибѣжалъ такъ называемый «разсылка», сообщившій, что меня требуютъ въ волость.

Около волости уже шумѣла густая толпа, обсуждавшая новое распоряженіе начальства. Мужики не знали, конечно, что оно вызвано предстоящей «царской милостью». Въ толпѣ мелькалъ красный околышъ «засѣдателя» и коренастая фигура старшины.

Въ правленіи высокій сѣдой старикъ писарь объяснилъ со всею вѣжливостью, что стар-

шина намѣревался оставить меня въ селѣ, но бумага отъ исправника такого рода, что это оказывастся невозможнымъ: меня сегодня же отправятъ дальше, отъ деревни къ деревнѣ и отъ сотскаго къ сотскому. Это подтвердилъ и урядникъ, коренастый мущина довольно грубаго и гнуснаго вида, происхожденіемъ вотякъ. Онъ былъ очень огорченъ. Назначенъ онъ недавно, и еще не успѣлъ обзавестись форменнымъ платьемъ. Войдя въ правленіе, онъ тотчасъ же спросилъ у «засѣдателя», не привезъ ли онъ ему изъ города форму, и очень огорчился, когда тотъ отвѣтилъ, что не привезъ. Вотинъ-урядникъ былъ въ простомъ нагольномъ полушубкѣ, и это роняло престижъ его власти.

Плохія санишки, на которыхъ, на соломѣ, лежалъ уже мой ящикъ, ожидали меня у правленія. Попрощавшись съ Поплавскимъ, я тронулся въ путь. Въ ближайшемъ поселкѣ — новый сотскій и перепряжка. Когда мы тронулись съ этого поселка, насъ обогнали двѣ тройки, на которыхъ я увидѣлъ красный околышъ засѣдателя и большую волчью шубу старшины. Сельская администрація мчалась въ село Афонасьевское, чтобы и тамъ оповѣстить о предстоящихъ новыхъ сборахъ застарѣлыхъ недоимокъ. А изъ Бисерова по узкимъ проселкамъ въ глухія деревеньки разносили ту же вѣсть сотскіе и десятскіе въ санишкахъ, верхами и пѣшкомъ.

Вскорѣ я былъ уже въ селѣ Афонасьевскомъ, которое кипѣло такимъ же оживленіемъ, только здѣсь, въ глубинѣ дикаго края, дѣйствія ад-

министраціи были гораздо рѣшительнѣе: со дворовъ къ сельской управѣ сгоняли скотъ, и какіе-то солидные мужики, какъ я узналъ послѣ, — скупщики, уже слетѣлись, какъ воронье, на предстоящую распродажу. Кромѣ того, здѣсь же суетился, грубо крича и громко ругаясь, полицейскій урядникъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда губернаторъ Тройницкій не былъ уже губернаторомъ, а занялъ постъ начальника статистическаго отдѣленія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, а на его мѣстѣ вятской сатрапіей правилъ, если не ошибаюсь, Анастасьевъ, въ газетѣ «Казанскій Листокъ» появилась удивительная корреспонденція, написанная въ такомъ тонѣ, что по настоящему — мѣсто ей въ то время могло бы найтись развѣ въ нелегальной прессѣ. Въ ней очень картинно и подробно излагались способы сбора податей и недоимокъ въ Вятской губерніи. «Точно отряды башибузуковъ», налетаютъ становые, урядники, толпы сотскихъ и десятскихъ на беззащитную деревеньку, врываются въ избы, хватаютъ имущество, самовары, одежду, выгоняютъ скотъ... За ними слѣдомъ тянутся торгаши и прасолы, скупающіе все это за безцѣнокъ. Прослышавъ о приближеніи этихъ грабителей, населеніе заранѣе убѣгаетъ въ лѣса, унося имущество и угоняя скотину, и живетъ по нѣскольку сутокъ зимой въ лѣсныхъ чащахъ.

Я помню, съ какимъ изумленіемъ была встрѣчена эта совершенно правдивая картина въ подцензурной газетѣ, притомъ ретроградnаго направленія, издаваемой господиномъ Ильяшен-

комъ (бывшимъ административно-ссыльнымъ, фигурировавшимъ впослѣдствіи въ качествѣ явнаго черносотенца). Объяснялась эта необычайная снисходительность цензуры тѣмъ обстоятельствомъ, что... статья была доставлена, а можетъ быть и написана бывшимъ губернаторомъ Тройницкимъ, посѣтившимъ около этого времени прежнюю свою сатрапію. Я попытался въ другой поволжской газетѣ дополнить эту картину напоминаніемъ, что эти пріемы въ Вятской губерніи составляютъ традицію: я разсказалъ въ самыхъ осторожныхъ чертахъ, далеко уступавшихъ по яркости выраженія произведенію господина Тройницкаго, о томъ, что я видѣлъ въ Бисеровской волости во время губернаторства самого Тройницкаго, передъ предстоявшей «царской милостью». Но этой моей замѣткѣ не суждено было увидѣть свѣтъ. И немудрено: она была написана не бывшимъ губернаторомъ.

Въ селѣ Афонасьевскомъ мое крамольное сердце порадовалось: село гнѣвно кипѣло, и въ немъ царило далеко не покорное настроеніе: мужики ходили мрачные, бабы вопили, ругались и мѣстами оказывали «сопротивленіе властямъ». А черезъ нѣсколько дней уже на мѣстѣ, въ Починкахъ, я узналъ, что, когда погнали въ волость большое стадо, частью уже запроданное скупщикамъ, мужики огромной толпой сбѣжались изъ села, изъ лѣсныхъ деревень и поселковъ, кинулись на отрядъ сотскихъ, его сопровождавшихъ, со слегами и дрекольемъ, разогнали его, а скотъ вернули хозяевамъ. Это событіе уже какъ бы носилось въ

воздухѣ, и настроеніе мужиковъ Бисеровской волости въ эти дни много способствовало поднятію моего уваженія къ нимъ.

LXXXVIII

АФОНАСЬЕВСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ И ИХЪ СВОЕОБРАЗНЫЯ ИСТОРІИ

Пока я ожидалъ у сотскаго дальнѣйшей отправки, мнѣ сообщили, что въ Афонасьевскомъ живутъ тоже нѣсколько ссыльныхъ. Я пошелъ ихъ разыскивать, и эти розыски привели меня къ довольно большой избѣ, мрачнаго вида, стоявшей на отшибѣ за околицей. Надъ крышей этой избы болталась на высокомъ шестѣ еловая вѣтка, — ссыльные проводили досугъ въ кабакѣ у «Митріенка».

Одного изъ нихъ я сразу узналъ. Недѣль за пять до моей высылки изъ Глазова черезъ нашу слободку къ парому проѣхала телѣжка съ двумя явно не мѣстнаго типа фигурами, въ сопровожденіи полицейскаго. Одинъ изъ нихъ былъ рыхлый старикъ съ бритымъ лицомъ приказнаго типа. Его-то теперь я и увидѣлъ за столикомъ темнаго кабака. Противъ него сидѣлъ красивый молодой человѣкъ съ безпокойными глазами, курчавый и румяный. Когда мы познакомились, я узналъ, что этотъ послѣдній москвичъ, купеческій сынокъ, высланный административно «за безпокойный нравъ». Свою высылку онъ объяснялъ происками какого-то

квартальнаго надзирателя, котораго онъ подозрѣвалъ въ ухаживаніи за своей молодой женой. Теперь онъ получилъ отъ жены письмо, въ которомъ упоминалось простодушно, что этотъ квартальный надзиратель порой заходитъ къ нимъ. Это выводило мужа изъ терпѣнія: продолжая при мнѣ обсужденіе письма, онъ сверкалъ глазами, выпивалъ рюмку за рюмкой и стучалъ кулакомъ по столу.

Его собесѣдникъ, круглый и рыхлый человѣкъ небольшого роста, съ не чистымъ, плохо выбритымъ лицомъ, со слѣдами нюхательнаго табаку надъ верхней губой и на грязномъ засаленномъ пиджакѣ, — оказался бывшимъ канцеляристомъ, уволеннымъ со службы и превратившимся въ подпольнаго ходатая. Онъ съ большимъ увлеченіемъ разсказывалъ мнѣ довольно длинную исторію о тяжбѣ мужиковъ съ помѣщикомъ изъ за земли, которую онъ велъ противъ лучшаго мѣстнаго «ученаго адвоката» и выигралъ въ двухъ инстанціяхъ.

Въ этомъ мѣстѣ разсказа онъ такъ воодушевился, что поднялся съ своего мѣста и продолжалъ разсказъ, стоя и оживленно жестикулируя:

— Ужъ что только они ни дѣлали, какія пружины ни пускали въ ходъ... даже взятки-съ... Меня и ласкали, и подкупали, и грозили...

Самъ губернаторъ призывалъ. Нич-чего не могли со мной подѣлать... Я законы и сенатскія рѣшенія знаю, милостивый государь, какъ никто-съ во всей губерніи... Смѣло скажу: поставь противъ меня сто ученыхъ адвокатовъ, — вѣрьте Богу: всѣхъ преодолѣю, а меня никто-съ.

Поэтому, милостивый государь, уповалъ я на Бога, и былъ, можно сказать, безпеченъ, какъ младенецъ...

Лицо его приняло странно-умиленное выраженіе. Онъ сложилъ руки такъ, какъ будто держитъ на рукахъ спеленутаго младенца.

— Они меня и такъ, они меня и эдакъ... Ничего не опасаюсь, потому всѣ законы, — всѣ сенатскія рѣшенія за меня-съ. Дѣло готово-съ... Могу сказать, какъ облупленное яичко...

Я смотрѣлъ на его восторженное лицо, слушалъ его рѣчи, проникнутыя сутяжническимъ пафосомъ, и не удержался отъ вопроса:

— Скажите, пожалуйста; вы кажетесь мнѣ человѣкомъ практическимъ и умнымъ. Что же заставляетъ васъ бороться съ сильными людьми и стоять за мужиковъ?

Онъ серьезно посмотрѣлъ на меня. Я почувствовалъ по этому взгляду, что онъ отвѣтитъ мнѣ искренно.

— Видите ли, милостивый государь; мужикъ, конечно, сѣръ, можно сказать, въ отдѣльности — полное ничтожество-съ. Но ежели его большое количество, то онъ сила-съ... Я, можно сказать, мужикомъ только и жилъ. Господа ко мнѣ не обращались. Они больше къ ученымъ адвокатамъ. А мнѣ, какъ я питался отъ мужика, важно было, прежде всего-съ, поддержать репутацію. Да и тяжба была большая-съ, — нѣсколько селъ и деревень съ богатѣйшимъ лицомъ тягались. Ежели бы это дѣло выиграть, я былъ бы обезпеченъ до конца моей жизни.

— Ну, и что же? — спросилъ я, захваченный

драматизмомъ и искренностью разсказа. Но тутъ лицо его, свѣтившееся одушевленіемъ, почти восторгомъ, внезапно одряблѣло, распустилось, обмякло, губы стали дергаться судорожной гримасой. Онъ вдругъ упалъ головой на руки, склонившись къ столу, и рыхлое тѣло его задрожало отъ рыданій.

Нѣсколько минутъ въ кабакѣ Митріенка стояло глубокое молчаніе. Не только мы, оба слушателя, но повидимому и самъ сидѣлецъ, мущина мрачно-равнодушнаго вида, съ странными мутными глазами, смотрѣлъ теперь съ какимъ-то недоумѣннымъ участіемъ на этого плачущаго человѣка. Наконецъ послѣдній поднялъ заплаканное лицо, вытеръ глаза грязнымъ платкомъ и, глядя на меня съ выраженіемъ безпомощнаго отчаянія, произнесъ:

— Жандармскій полковникъ, — вотъ кто погубилъ меня, милостивый государь!.. Пріѣхали, ворвались, обшарили все... Что жъ, сдѣлайте одолженіе. Я вѣдь уже докладывалъ вамъ: чистъ, какъ младенецъ... Но... забрали всѣ документы. Скажите, что же это такое?.. Вѣдь это дневной разбой, беззаконіе-съ, вѣдь за это подъ судъ мало!.. Но нѣтъ-съ... Я уже написалъ въ правительствующій сенатъ, до государя императора дойду... Вѣдь есть же законы въ Россіи!..

Мнѣ стало очевидно, что, искушенный и въ законахъ, и въ сенатскихъ рѣшеніяхъ, онъ былъ совершенный младенецъ въ пониманіи значенія административнаго порядка. Введенный сначала съ опредѣленной цѣлью борьбы съ политической крамолой, онъ стихійно ши-

рился, захватывая произволомъ и другія области жизни. Передо мною, повидимому, были жертвы этого новаго фактора русской внутренней политики: въ ихъ лицѣ административный порядокъ получалъ естественное завершеніе: одинъ былъ жертвой амурныхъ предпріятій какого-то коварнаго полицейскаго надзирателя, другой — испыталъ на себѣ вмѣшательство полиціи въ гражданскую тяжбу.

Я постарался, насколько могъ, объяснить этому «законнику», что его обращеніе въ сенатъ совершенно безцѣльно. Сенатъ — блюститель формальнаго закона, а съ формальной точки зрѣнія его враги правы. Въ послѣдніе годы вышли такіе — и притомъ настоящіе законы, — потому что изданы они въ порядкѣ верховнаго управленія, — которые могутъ быть названы законами о беззаконіи. Они въ извѣстныхъ случаяхъ упраздняютъ силу другихъ, тоже несомнѣнныхъ законовъ.

Онъ слушалъ меня съ напряженнымъ вниманіемъ, но, подъ конецъ моей рѣчи, его глаза засверкали какимъ-то злымъ, упорнымъ огонькомъ.

— То, что вы говорите, милостивый государь, не можетъ быть-съ... Пока у насъ еще не республика, какъ мечтаютъ нѣкоторые... Пока существуетъ власть государя императора, законы россійской имперіи не могутъ быть упразднены-съ... И вы мнѣ этого пожалуйста не разсказывайте.

Забѣгая нѣсколько впередъ, скажу, что мѣсяца черезъ полтора послѣ этого я опять былъ въ Афонасьевскомъ и опять видѣлъ обоихъ

ссыльныхъ. Когда я сидѣлъ у стараго ходатая, къ его избѣ подъѣхали сани, изъ которыхъ вышли два мужика. Оба были съ большими бородами и очевидно нездѣшніе. Дѣйствительно, это оказались мужики изъ той губерніи, откуда онъ былъ высланъ. Ихъ отрядилъ тягавшійся съ помѣщикомъ міръ, снабдивъ деньгами и поручивъ разыскать мужицкаго «аблаката», хотя бы на краю свѣта. Они мнѣ напомнили «ходока» изъ разсказа Глѣба Успенскаго. Лица у нихъ были сурово истомленныя и скорбныя.

Встрѣча ихъ съ мужицкимъ ходатаемъ носила признаки трогательной радости... Мужики разсказывали, съ какимъ трудомъ они отыскали его, сколько имъ стоило задарить въ Вяткѣ, а потомъ въ Глазовѣ мелкихъ чиновниковъ, чтобы узнать точно о мѣстѣ его ссылки...

И подумать только, что къ этому дѣлу была тоже примѣшана высочайшая власть... Самодержавіе успѣшно разрушало въ народѣ мистическую легенду о царской правдѣ, на которой само же покоилось...

Подъ конецъ нашей бесѣды, въ кабакъ Митріенка вошелъ еще одинъ «ссыльный». Это былъ молодой еврей Цогель, дюжій и рослый, съ видомъ рабочаго. Онъ отрекомендовался, кажется, кузнецомъ, и если не ошибаюсь, дѣйствительно работалъ въ Афонасьевскомъ. За что его выслали, точно теперь не помню. Кажется, правительство рѣшило, что «административный порядокъ» пригоденъ также для рѣшенія «еврейскаго вопроса» и стало высы-

лать евреевъ-ростовщиковъ. Настоящіе ростовщики, разумѣется, страдали при этомъ всего меньше... Между прочимъ еще въ Глазовѣ я встрѣчалъ одного такого ссыльнаго, котораго жители слободки называли «жидъ Морхель». Мнѣ разсказывали, что въ началѣ, попавъ въ эти вятскія дебри, хотя и въ уѣздный городъ, онъ считалъ себя погибшимъ. Но затѣмъ освоился съ положеніемъ, сталъ понемногу заниматься тѣми же дѣлишками и оперился настолько, что выписалъ даже семью. Простодушные слобожане относились къ нему довольно благосклонно, и мой учитель, сапожникъ, Семенъ Нестеровичъ, формулировалъ это просто и ясно:

— Я считаю, что этотъ Морхель есть самый добродушный жидъ. Конечно, беретъ проценты. Такъ это потому, что ихняя вѣра дозволяетъ. А вотъ наша вѣра и не дозволяетъ, а наши дерутъ шкуру въ лучшемъ видѣ. Куда пойдешь, какъ притиснетъ нужда... Лучше же я пойду къ Морхелю.

Такимъ образомъ административный порядокъ вступалъ въ конфликтъ съ законами о чертѣ осѣдлости, и одна безсмыслица ограничивала другую...

Для дополненія этой коллекціи мнѣ приходится упомянуть еще объ одной своеобразной личности. Это былъ ссыльный «дворянинъ Левашовъ», молодой человѣкъ изъ родовитой дворянской семьи, сосланный... по просьбѣ отца. Если не ошибаюсь, существуетъ въ старыхъ законахъ статья, согласно которой — если родители заявляютъ, что не могутъ справиться

«съ безпокойнымъ нравомъ» сына, то государство приходитъ на помощь родительской власти, причемъ ссылка и содержаніе на мѣстѣ возлагаются на счетъ родителей. Самый срокъ ссылки обусловливается исправнымъ поступленіемъ денегъ въ депозитъ губернскаго казначейства той мѣстности, куда сосланъ непокорный сынъ. «Дворянинъ Левашовъ» былъ сосланъ на основаніи именно этой статьи. При этомъ его званіе и слухи о родовитости Левашова-родителя до извѣстной степени отражались на его положеніи. Правда, его услали въ дальнюю Бисеровскую волость, чтобы удалить безпокойнаго молодого человѣка подальше отъ уѣзднаго начальства, которому справиться съ нимъ было не легче, чѣмъ родителю. Но зато здѣсь, въ этихъ глухихъ дебряхъ, изобрѣтательный проказникъ выкидывалъ изумительныя штуки. Объ одной изъ нихъ я уже слышалъ въ перевозной избѣ. Какъ-то его вызвали въ Глазовъ для какихъ-то объясненій съ начальствомъ. Для проѣзда «по дворянскому званію» ему выдали бумагу на пару земскихъ лошадей. Левашовъ съѣздилъ и вернулся, но затѣмъ бумагу не возвратилъ, и продолжалъ разъѣзжать по всей волости, заливаясь колокольчикомъ. Сельскіе ямщики сбились съ ногъ, развозя дворянина Левашова изъ конца въ конецъ, по знакомымъ, въ томъ числѣ по ссыльнымъ всякаго рода, съ которыми дворянинъ Левашовъ проводилъ очень весело время. Наконецъ вопли содержателей станцій дошли до Глазова, и становому было предписано отнять у Левашова бумагу.

— Ну, погодите, — пригрозилъ онъ. — Я достану другую, еще покрѣпче.

И дѣйствительно, вскорѣ онъ сталъ опять разъѣзжать, показывая огромный плакатъ съ государственнымъ гербомъ и множествомъ медалей. Поплавскій, смѣясь, сообщилъ мнѣ, что эта «бумага покрѣпче» была... объявленіе о продажѣ чаевъ «придворныхъ поставщиковъ К. и С. Поповыхъ».

Дворянинъ Левашовъ занимался и судебной защитой въ камерѣ мирового судьи.

— Подсудимый, что вы можете сказать въ свое оправданіе? — спрашиваетъ судья у подсудимаго вотяка.

— Мы не можемъ баять, — отвѣчаетъ подсудимый, — мы неграмотный... У насъ нанятъ дворянинъ Левашовъ и деньги плочены. Пущай онъ баетъ.

Дворянинъ Левашовъ встаетъ и произноситъ кудреватую рѣчь, въ которой заявляетъ, что, какъ честный человѣкъ, уважающій законы россійской имперіи, самъ возмущенъ поступкомъ вотяка, заслуживающимъ самаго тяжкаго наказанія, и лишь въ виду крайняго его невѣжества защита допускаетъ смягченіе наказанія на одну степень.

Вотякъ съ восторгомъ слушаетъ патетическую рѣчь, увѣренный, что Левашовъ его защищаетъ, другіе слушатели тоже плохо понимаютъ рѣчь, уснащенную литературными оборотами и юридическими терминами, мировой, удерживая улыбку, постановляетъ приговоръ, часто мягче, чѣмъ требовалъ защитникъ.

Впослѣдствіи, когда я прожилъ довольно долго въ Починкахъ, — я былъ пораженъ внезапнымъ полученіемъ повѣстки отъ мирового судьи, которой я вызывался въ его камеру въ качествѣ свидѣтеля по дѣлу объ оскорбленіи «дворянина Левашова» административно ссыльнымъ, кажется, Поповымъ. Загадка вскорѣ разрѣшилась письмомъ Поплавскаго. Дворянинъ Левашовъ затѣялъ небывалое дѣло лишь для того, чтобы доставить мнѣ случай повидаться съ товарищами и, кстати, — чтобы имѣть удовольствіе и самому познакомиться со мною.

Мнѣ не пришлось воспользоваться этой своеобразной любезностью, такъ какъ ко времени разбирательства, — меня внезапно увезли изъ Починокъ. Такъ мнѣ и не удалось познакомиться съ «дворяниномъ Левашовымъ», административно сосланнымъ по просьбѣ родителя...

Увы — мнѣ приходится закончить эту главу еще одной черточкой: впослѣдствіи, когда моя утлая ладья вновь была выхвачена бурнымъ теченіемъ изъ Починокъ, чтобы умчать меня въ далекую Сибирь, — мнѣ передавали, что нѣкоторое касательство къ этому имѣлъ доносъ двухъ афонасьевскихъ ссыльныхъ. Ко дню царскаго юбилея они подали, будто бы, слезницу на высочайшее имя, въ которой, впередъ прославляя царское милосердіе и правосудіе, бывшій ходатай счелъ нужнымъ упомянуть о томъ, что я (ссыльный такой-то) говорилъ имъ, будто нынѣ законы, изданные россійскими государями, упразднены, чему они,

какъ вѣрноподданные, отказываются вѣрить, а наоборотъ — уповаютъ на возстановленіе своего законнаго права.

Впрочемъ, можетъ быть это и неправда, хотя, вспоминая взглядъ ходатая, злобный и негодующій, при моихъ объясненіяхъ, я допускаю, что такая ябеда могла дѣйствительно выйти изъ подъ его пера и что при этомъ онъ могъ быть даже совершенно искреннимъ.

LXXXIX

ЛѢСА, ЛѢСА!

На слѣдующій день сотскій, снабженный наставленіями урядника, повезъ меня съ моимъ ямщикомъ изъ села Афонасьевскаго по направленію къ Березовскимъ Починкамъ.

Тутъ уже большой дороги не было. Мы плелись какими-то узкими проселками, то и дѣло ныряя въ лѣса. За ночь выпалъ глубокій снѣгъ, лошади и сани увязали въ немъ фута на два, дорога была очень тяжелая, и сотскій, который везъ, запрегъ двухъ лошадей «гусемъ», то-есть одну впереди другой, искусно погоняя ихъ длиннѣйшимъ кнутомъ. Слѣды другихъ проѣзжихъ едва были видны, и мнѣ уже не сосчитать, сколько разъ и я, и сотскій, и мой ямщикъ съ инструментомъ вываливались съ дровнишекъ въ снѣгъ. Ѣхали мы отъ деревушки къ деревушкѣ, каждый разъ мѣняя лошадей и провожатыхъ. Въ одномъ мѣстѣ хозяина

сотскаго дома не оказалось, и меня повезла дѣвка-подростокъ, его дочь, которую звали, помнится, Апроськой.

Я невольно задумался о превратностяхъ судьбы: изъ Петербурга меня вывезли въ каретѣ, по бокамъ которой и сзади скакали жандармы, наводя ужасъ даже на видавшихъ виды столичныхъ людей. И вотъ теперь я сданъ подъ наблюденіе дѣвки Апроськи, которая, очевидно, чрезвычайно затруднена этой отвѣтственной задачей и очень боится меня, невиданнаго чужанина. Сначала еще, когда лошади бѣжали по ровной дорогѣ, дѣло шло кое какъ, но вотъ мы выѣхали на вершину небольшого холма, съ котораго передъ моими глазами внезапно открылся большой спускъ къ какой-то рѣчкѣ. Далеко внизу, послѣ довольно крутого поворота едва замѣтная узкая дорожка взбѣгала на мостикъ, поворачивала вдоль замерзшей рѣчушки и поднималась на гору. Я взглянулъ, и въ душѣ моей шевельнулось сомнѣніе: совершимъ ли мы благополучно этотъ рискованный спускъ. Но размышлять было поздно: передняя лошадь уже ступила на спускъ, и вскорѣ наши дровни бѣшено понеслись внизъ. Первая вывалилась Апроська и увязла въ снѣгу, такъ что надъ сугробомъ торчали лишь ея лапти. За нею выскочилъ мой ящикъ, а за нимъ послѣдовалъ я, кинувшись тотчасъ же на помощь моей провожатой, между тѣмъ, какъ лошади мчали наши дровнишки далеко внизу.

Когда я вытащилъ дѣвку изъ сугроба, она была смертельно испугана и плакала, приговаривая сквозь слезы:

— Боюся я, боюся. — И въ самомъ дѣлѣ: кругомъ были снѣга и лѣса, а она была наединѣ съ безвѣстнымъ «преступникомъ».

Къ счастью, лошади и сани на поворотѣ основательно увязли въ сугробѣ. Мы вновь овладѣли ими и поднялись на гору. На вершинѣ новаго холма запыхавшіяся отъ спуска и подъема лошади остановились, работая вспотѣвшими боками, а я невольно залюбовался. Далеко, куда хватитъ глазъ, виднѣлись снѣга и лѣса, лѣса и снѣга. Лѣса въ этихъ мѣстахъ не хвойные, — а больше чернолѣсье, залегающее въ долинахъ, взбѣгающее на холмы. Подъ яркимъ солнцемъ вблизи и вдали, то густо синіе, туманные, то черные, то сизосѣрые, припорошенные снѣгомъ, — съ безконечными оттѣнками, уходили они вдаль. Мѣстами по нимъ быстро бѣжали синія пятна облаковъ, гонимыхъ вѣтромъ; мѣстами они отливали солнечнымъ свѣтомъ. Съ сѣверо-востока подымался вѣтеръ. По одному изъ недальнихъ склоновъ, надъ верхушками покрывавшаго его лѣса неслись три высокихъ снѣжныхъ столба и постепенно таяли, оставляя бѣлый слѣдъ на темной волнистой поверхности лѣса.

Апрося стала быстро креститься и шептать: «Съ нами крестная сила». И потомъ опять заплакала, какъ ребенокъ, приговаривая: «Боюся я, боюся». Я уже зналъ, что она боится больше всего меня, чужого человѣка. Кромѣ того, какъ оказалось изъ послѣдующихъ разговоровъ, — она была убѣждена, что тамъ, гдѣ виднѣлись надъ лѣсомъ бѣлые столбы, въ глубокой чащѣ на насъ шли три «лѣшака».

Когда снѣжный тифонъ разсыпался и исчезъ, она глубоко вздохнула и успокоилась, а я стоялъ, точно зачарованный этой картиной, полной суроваго молчаливаго величія и глубокой таинственной жизни.

И опять, какъ когда-то въ Вологодской губерніи, я переживалъ странную иллюзію. Мнѣ казалось, что надъ всѣмъ этимъ пейзажемъ съ его лѣсными далями и снѣжными полянами, съ его блѣднымъ небомъ и низко бѣгущими облаками, съ далекими избушками, пріютившимися подъ лѣсомъ, встаетъ и складывается въ моемъ воображеніи какой-то до осязательности ощутимый въ душѣ образъ, олицетвореніе сѣверной природы и сѣвернаго народа... Онъ былъ загадоченъ, немного иконописенъ, немного архаиченъ, на старинный славянскій ладъ. Широкія лѣсныя дали, нахлобученныя снѣгомъ избушки, узкіе проселки въ густыхъ лѣсныхъ чащахъ, угрюмая встрѣча съ бисеровцами въ побережной перевозной избушкѣ, угрозы и благодушное примиреніе, суровое волненіе афонасьевскаго міра, даже эти три лѣшака, таинственно бредущіе въ глубинѣ лѣса и играющіе съ снѣжными вихрями, — все это вмѣстѣ складывалось въ этотъ образъ, все влекло и манило. И мнѣ хотѣлось скорѣе опуститься на самое дно этого загадочнаго края, гдѣ ждутъ меня, быть можетъ, какія-то откровенія неиспорченнаго ложной цивилизаціей «народнаго духа».

— Поѣдемъ, Афрося. — Отдохнувшія немного лошади бодро побѣжали съ отлогаго склона, углубляясь въ лѣса, выбѣгая на снѣжныя по-

ляны, минуя рѣчки, овраги, засыпанные снѣгомъ, и перелѣски. Дѣвушка совершенно уже освоилась со мной, и теперь порой мы оба хохотали, вываливаясь въ снѣгъ на узенькихъ дорожкахъ и поворотахъ.

Въ одномъ мѣстѣ подъ самымъ лѣсомъ, рисуясь на его темной стѣнѣ, стояла одинокая избушка и вился дымокъ. Федосья, которая къ этому времени совершенно освоилась со мною, смотрѣла на избу и на дымокъ съ непонятнымъ для меня вниманіемъ.

— Ворьской починокъ это, — сказала она съ какой-то осторожной задумчивостью. — Воры эт-то живутъ. — И она быстрѣе погнала лошадей.

Въ полуверстѣ, въ небольшомъ поселкѣ изъ десятка домовъ мы опять остановились для перепряжки. Хозяинъ, мужикъ съ задумчивымъ лицомъ, небольшого роста, кончалъ обѣдъ... Жена, женщина среднихъ лѣтъ, съ добрымъ и нѣсколько болѣзненнымъ лицомъ подавала ему, но сама за столъ не садилась. Убравъ посуду, она тотчасъ же поставила на столъ другую чашку и пригласила пообѣдать меня и мою провожатую. Я былъ голоденъ и охотно принялъ предложеніе.

А воры-те, — сказала Федосья, взявъ ложку. — Сейчасъ только затопили... проѣзжали мы, видѣли — такъ...

Это обстоятельство, на которое я не обратилъ бы вниманія, здѣсь повидимому получало какое-то особое значеніе.

— Извѣстно, у воровъ не какъ у людей, — сказалъ мрачно хозяинъ. — Сейчасъ украли

чего нибудь, вотъ и затопляютъ... Ну, дай срокъ: одного свезли въ острогъ, и старику не миновать. А съ парнями, съ лѣшаками и сами управимся.

Хозяйка, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ прислушивавшаяся къ словамъ мужа, повернулась опять къ печкѣ и сказала:

— Чего не управитесь... На это васъ мужиковъ взять. —

— А не воруй они, — сказалъ мужикъ, подымаясь съ лавки. Баба что-то сердито передвинула въ печкѣ и возразила:

— Ись имъ нечего, ись... Будешь тутъ воровать, какъ гладомъ помирать приходится.

Мужикъ ничего не отвѣтилъ и обратился къ Афросѣ:

— Это ты кого привезла мнѣ? Пошто?

Афрося полѣзла за пазуху и достала запечатанный конвертъ. — При гумагѣ, — сказала она, — въ Березовскіе Починки старостѣ... Ссыльный видно.

— А... — протянулъ мужикъ, — то-то даве урядникъ проѣхалъ. А сказывали, — насчетъ недоимокъ...

Онъ надѣлъ полушубокъ и пошелъ изъ избы.

Хозяйка сердито возилась и швыряла у печки, что-то ворча про себя.

— Одно къ одному, — разслышалъ я изъ ея ворчанія: — и недоимки и ссыльный... Будь ты проклято мѣстышко... Когда васъ проклятыхъ перестанутъ возить къ намъ?.. Налить штей еще что ли?

Я поднялся изъ за стола и бросилъ пятиалтынный.

— Спасибо за угощеніе, — сказалъ я, — довольно и этого.

Женщина всплеснула руками и застыла у печки съ выраженіемъ испуга и изумленія.

— Да ты, чужой человѣкъ, въ умѣ что ли?.. И отколь ты? Нѣшто въ вашей сторонѣ за хлѣбъ-соль съ проѣзжаго человѣка деньги берутъ?

— Бываетъ, — отвѣтилъ я, — только въ нашей сторонѣ, когда хлѣбомъ-солью угощаютъ, такъ не проклинаютъ. — И я сѣлъ въ сторонѣ на лавку.

Трудно изобразить выраженіе горести, которое отразилось на ея лицѣ. Она взяла со стола монету, и, подойдя ко мнѣ, низко поклонилась. — Возьми назадъ, сдѣлай милость. Прости ты меня, глупую бабу, Христа ради... Не осрами.

Въ ея голосѣ звучала такая искренность, что я былъ тронутъ и взялъ монету. Послѣ этого она успокоилась, и черезъ нѣсколько минутъ у насъ завязался разговоръ простой и задушевный. Я разспрашивалъ о «ворскомъ починкѣ» и его обитателяхъ, и добрая женщина со слезами въ голосѣ разсказала мнѣ простую и суровую стихійную драму. Подробностей ея я теперь не помню. Этой семьѣ не повезло: одинъ сынъ умеръ, другой долго хворалъ... вначалѣ зимы въ поселкѣ и по сосѣднимъ починкамъ стали случаться пропажи. Поймали съ поличнымъ недавно выздоровѣвшаго молодого хозяина. Увезли въ городъ въ тюрьму. Остался старикъ и два подростка. Кражи все продолжались.

— А ранѣе? — спросилъ я.

— Ранѣе-то? Ранѣе какіе хозяева-те были, покуль старшій хозяинъ не пропалъ... Съ чего имъ было воровать-то? А теперь поневолѣ пойдешь, какъ ись нечего. Не гладомъ всѣмъ помирать, съ дѣтьми съ малыемя.

Вошелъ хозяинъ и предложилъ ѣхать. Я попрощался съ сердобольной хозяйкой и съ Афросей и усѣлся въ легкія дровнишки. Мы еще разъ проѣхали мимо «ворскаго починка», и я съ интересомъ взглянулъ на мѣсто этой стихійной драмы... Свалилась бѣда, и этимъ людямъ остается только погибать, какъ звѣрямъ въ выжженной пустынѣ или птицамъ, отставшимъ въ перелетѣ. Кругомъ или угрюмое равнодушіе, какъ у этого мужика, или безсильное сожалѣніе, какъ у его жены.

Подвигался я весь этотъ день очень тихо отъ поселка къ поселку, отъ сотскаго къ сотскому, такъ что вечеръ опять засталъ меня въ небольшомъ поселкѣ, кажется Короговѣ. Здѣсь, въ избѣ десятскаго, на полатяхъ со старухой сидѣла молодая, довольно красивая баба съ ребенкомъ на рукахъ. Лицо ея было истомленное и печальное. Говорила она тихо, подавленнымъ голосомъ. Такъ говоритъ глухое отчаяніе, лишенное надежды.

— Ссыльный же видно, — сказала она, съ особымъ интересомъ останавливая на мнѣ потухшій взглядъ своихъ красивыхъ глазъ.

— Да, ссыльный, — отвѣтилъ я.

— У меня мужикъ тоже сосланной теперь... И гдѣ-й-то онъ сердечной? Ой-о-о-ой...

Она тихо завыла, потомъ сдержалась, всхлипнула, высморкалась и стала качать ребенка.

— За что сосланъ? — спросилъ я и, предложивъ вопросъ, тотчасъ догадался: женщина была очевидно съ «ворскаго починка». Она побиралась по сосѣдямъ, бродя съ ребенкомъ на рукахъ по глубокимъ снѣгамъ.

— О-охъ... За што, — отвѣтила она на мой вопросъ... — Ты вотъ за што ссылаешься?

— Долго разсказывать, голубушка...

— То-то, что долго... Божья воля. Можетъ и низашто...

— Пожалуй, что и такъ...

— Такъ-то и мой... Божья воля...

Поздно ночью я проснулся... Въ избѣ былъ новый гость. За столомъ, у свѣтящейся лучины, сидѣлъ вотякъ урядникъ и что-то внушалъ хозяину. Рѣчь шла обо мнѣ... Называли имена мужиковъ, очевидно жителей Починокъ и обсуждали что-то.

— Приметъ ли? — спрашивалъ урядникъ. — Нѣтъ, Дурафей Ивановичъ, не приметъ... Мужикъ сурьезный.

— Ну, а тотъ, какъ бишь его? Давеча ты говорилъ... Бисеровъ?..

— Тотъ посмирняе...

— Скажи: «исправникъ, молъ, самъ назначилъ»...

— Только вотъ изба-те у него черная...

— О ч-чортъ! Ну, да что подѣлаешь. Волоки къ старостѣ, а тому приказъ: къ Гаврѣ, такъ къ Гаврѣ... А то можетъ и самъ проѣду... Гдѣ тутъ у васъ переправа?

— У Бидковой избушки... Да еще чай Камате не пола...

Урядникъ поднялся, покрестился на икону и уѣхалъ. Я успѣлъ отдать ему письмецо, которое съ вечера написалъ брату. Онъ важно взялъ его, осмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ и сунулъ за пазуху...

Хозяинъ десятскій повезъ урядника и вернулся довольно поздно. Было уже около полудня, когда лошадь его отдохнула и онъ повезъ меня. Около часу ѣхали мы темнымъ боромъ, когда навстрѣчу намъ попался мужикъ съ топоромъ. Мой возница остановился.

— Что, дядя... Кама стала ли у Бидковой избушки, ай нѣтъ?

— Гдѣ поди стала?.. Пола ошшо?

— А то можетъ стала?

— А можетъ и стала...

Мы тронулись на авось. Боръ становился выше и гуще, по вершинамъ тянулъ протяжный гулъ. Неожиданно для меня мы выѣхали на берегъ рѣки. Кама лежала среди лѣса, тихая, ровная, бѣлая. Только посерединѣ чернѣла полоса полой воды. На другой сторонѣ, на берегу горѣлъ торфъ. Дымъ какъ-то угрюмо и зловѣще клубился на фонѣ темнаго бора. Повернувъ вправо, мы проѣхали берегомъ съ полверсты, пока не нашли мѣста, гдѣ узкая рѣка была уже перехвачена сплошнымъ льдомъ. О переправѣ съ лошадью нечего было и думать: ледъ сильно трещалъ подъ ногами. Мужикъ отпрегъ своего мерина и просто отпустилъ его въ лѣсъ, а мы, взявъ въ руки по

двѣ жерди изъ предосторожности, чтобы въ случаѣ провала удержаться на поверхности льда, и привязавъ къ оглоблямъ саней длинныя вожжи, перешли сами и перетащили сани на другую сторону.

— Житель тутъ есть недалече... Лошадь гдѣ-нибудь въ лѣсу бродитъ. — Онъ ушелъ въ лѣсъ и черезъ полчаса привелъ за чолку небольшую лошадку, безъ церемоніи запрегъ ее въ наши дровни, даже не спрашивая у хозяина, и мы двинулись дальше. Въ бору было тихо и спокойно. Стаи куропатокъ срывались почти изъ подъ ногъ лошади и безпечно перепархивали на ближнія полянки. То и дѣло намъ приходилось переѣзжать черезъ рѣчки поменьше съ окрѣпшимъ уже льдомъ. Мужикъ пояснялъ мнѣ, что это «старицы», прежнія русла Камы, которая здѣсь часто мѣняетъ, среди песковъ и болотъ, свое теченіе, точно тутъ еще не закончился самый процессъ сотворенія міра.

Стали появляться отдѣльныя избушки, то на самомъ берегу Камы, то поодаль, на вырубленныхъ мѣстахъ. Въ одномъ мѣстѣ, на обрывистомъ берегу, надъ кручей, стояла небольшая часовенка. Она была заперта наглухо. Окна заколочены досками, крыша провалилась, крестъ на ея вершинѣ какъ-то сиротливо погнулся. Невдалекѣ за нею одиноко стояло у дороги странное дерево: пять вѣтвей подымалось изъ ствола, точно пять пальцевъ протянутой кверху ладони.

— Флоръ-Лавра часовенка эта у нихъ живетъ, — пояснилъ провожатый... — Въ годъ

разъ на Флоръ-Лавра выѣзжаетъ къ нимъ изъ Афонасьевскаго села попъ, молебенъ правитъ, съ иконой по избамъ ходитъ. — Онъ усмѣхнулся. — И слышь ты, чудное дѣло: мимо этого древа никакъ не пройдетъ... непремѣнно тебѣ остановится, станетъ пѣтъ и кадиломъ кадить. Пьяненькій, конешно. Не знаемъ мы, почему такое? Черемиця онъ, изъ черемисовъ значитъ... такъ можетъ, сказываютъ, отъ этого. Привыкли они, черемиса-те на деревы молиться... А вотъ и старостинъ починокъ, — сказалъ онъ черезъ нѣкоторое время, поворачивая къ новой просторной, отлично огороженной избѣ, въ окнахъ которой то слабѣя, то разгораясь, переливался свѣтъ лучины, и мелькали фигуры людей.

— Сходка у нихъ, — сказалъ мужикъ, вылѣзая изъ саней.

Изба старосты дѣйствительно была полна народомъ. Сходка, собранная по приказу недавно проѣхавшаго урядника, кончалась. Обсуждался послѣдній вопросъ. Говорилъ красивый широкоплечій и коренастый мужикъ среднихъ лѣтъ, одѣтый въ хорошую крытую сукномъ шубу и въ валенкахъ, тогда какъ остальные были въ лаптяхъ.

— Нужно, братцы, безперечь нужно въ часовнѣ крышу еще до весны изладить. Покосилась вся.

— Живетъ пока, — зѣвая и подымаясь съ мѣста, сказалъ кто-то.

— Живетъ, живетъ. Ништо... Ужо лѣтомъ, какъ черемицѣ пріѣхать, — тогда и изладимъ...

— А какъ крестъ-то вовсе свалится, тогда какъ?

— Ну-къ што свалится дакъ? Опять поставимъ...

— Неладно, братцы, — громко и оживлено возражалъ красивый мужикъ. — Флоръ-Лаверъ какъ бы не осердился. Поберегаетъ насъ старичокъ, грѣхъ пожаловаться... Погляди у Феклистятъ, да у Гребятъ кажинный годъ волки сколь скотины порѣжутъ, а у насъ небось не трогаютъ... А почему? То-то вотъ и есть! А вы крышу ему изладить жалѣете. Смотри, хуже бы не было, какъ осердится.

— Вѣрно, вѣрно, — зашумѣла вся сходка, — старается для насъ старичокъ, ну и мы для него постараемся. Кому теперича чередъ это дѣло дѣлать?

Сходка разошлась. Ко мнѣ подошелъ староста. Это былъ худощавый мужикъ, высокій и широкоплечій, но съ впалой грудью, и цвѣтъ лица у него былъ нездоровый. Впалые глаза глядѣли странно, такъ что этотъ взглядъ обращалъ невольное вниманіе. Онъ объяснилъ мнѣ, что мужики по «приказу господина урядника», порѣшили поставить меня на квартиру къ Гаврюшкѣ Бисерову, куда онъ, староста, сейчасъ и поѣдетъ со мной.

Кстати они родня: онъ женатъ на дочери Гаври, и его семья тоже поѣдетъ за нами.

— Только неизвѣстно еще — согласится ли Гаврюшка? На сходкѣ вишь его не было... Кто былъ, — никто не согласился.

Починокъ Гаври Бисерова былъ расположенъ въ шести верстахъ внизъ по Камѣ. Я

ѣхалъ туда съ стѣсненнымъ сердцемъ. Путешествіе по занесеннымъ снѣгомъ дорогамъ на валкихъ дровнишкахъ сказывалось сильнымъ утомленіемъ. И вотъ, когда я почти у цѣли, — возникаетъ вопросъ, — примутъ ли меня, безпріютнаго, или мнѣ придется мыкаться дальше, разыскивая пристанище. Кромѣ того я чувствовалъ себя въ положеніи человѣка, навязываемаго жителямъ по какому-то беззаконному приказу нахала-урядника, и сознавалъ, что они вправѣ не подчиниться этому приказу.

Въ избѣ Гаври Бисерова еще свѣтилась лучина, когда мы подъѣхали, встрѣченные дружнымъ лаемъ и воемъ нѣсколькихъ собакъ. Изба, куда я вошелъ, была высокая, просторная, но стѣны ея были черны отъ сажи, такъ какъ она была «курная», какъ впрочемъ большинство избъ той мѣстности. Отъ этого она имѣла мрачный видъ. Свѣтъ березовой лучины, вставленной въ свѣтцѣ, освѣщалъ лишь на близкомъ разстояніи, а дальше терялся во мракѣ. Староста, войдя въ избу, покрестился на иконы и поздоровался, а затѣмъ объяснилъ: что, по приказу урядника, онъ привезъ ссыльнаго. Двѣ женщины, старуха и молодая, сидѣвшія съ прялками у свѣтца, насупились и что-то тихо заворчали про себя, а откуда-то сверху, съ темныхъ закопченныхъ полатей раздался рѣзкій, нѣсколько гнусавый голосъ:

— Не желаю. Не согласенъ я! Вези куда хочешь.

Староста сталъ возражать что-то, завязался споръ. Голосъ невидимаго хозяина звучалъ обиженно и строптиво. Я рѣшилъ объясниться.

— Вотъ что, хозяинъ, — сказалъ я. — Вы можете не согласиться принять меня, и я думаю, что никто не въ правѣ васъ принудить взять къ себѣ въ домъ незнакомаго человѣка. Я только хочу сказать, что даромъ жить у васъ не стану: за хлѣбъ-соль буду платить, сколько назначите.

— Три рубля... — задорнымъ полувопросомъ кинулъ невидимый хозяинъ, считая какъ будто, что эта цѣна равносильна отказу.

— Три, такъ три, — сказалъ я, а староста прибавилъ:

— Примай, Гаврило... Онъ, слышь, человѣкъ роботный, — чеботной, мужикъ просужій.

Еще нѣсколько слабыхъ возраженій, и Гавря очевидно сдался. Полати заскрипѣли, послышалось кряхтѣніе, и черезъ минуту предо мной стоялъ невысокій и невзрачный старикъ, съ рѣдкими волосенками на темени и съ жидкой черной бородкой. Подойдя ко мнѣ, онъ низко поклонился и заговорилъ очень длинно, очень плавно и складно. Къ сожалѣнію я не могу теперь даже приблизительно возстановить эту рѣчь Гаври Бисерова, которою онъ встрѣтилъ меня, истомленнаго странника, принимаемаго съ этого вечера въ домъ. Говорилъ онъ съ какимъ-то величавымъ и привѣтливымъ видомъ, а я слушалъ точно очарованный. Закончилъ онъ словами:

— Добро пожаловать, и будь ты намъ отнынѣ не чужъ-чуженинъ, а родной семьянинъ. — Послѣ этого онъ низко поклонился и протянулъ руку, которую я пожалъ отъ души.

Затѣмъ подъѣхали сани со старикомъ Ефимомъ Малоснымъ, отцомъ старосты, со старухой его матерью и женой, дочерью Гаври. Нѣкоторое время они оставались и «бражничали». Оказалось, что въ этой семьѣ жилъ Поповъ, тоже политическій ссыльный, и оставилъ по себѣ хорошія воспоминанія. Старуха охотно и много разсказывала о немъ: у Попова то, у Попова другое... И въ голосѣ ея звучала почти нѣжность.

Когда они уѣхали, я зажегъ привезенную съ собой свѣчу и сѣлъ къ столу писать письмо матери и сестрамъ. Рядомъ со мной жужжали двѣ прялки, съ полатей смотрѣли, свѣсивъ головы, глубоко заинтересованные два мальчика-подростка и сверкали маленькіе черненькіе глазки старика Гаври Бисерова. Я описывалъ свое путешествіе и съ особеннымъ чувствомъ остановился на послѣднемъ эпизодѣ. Рѣчь хозяина, плавная, красивая, колоритная, завершила описаніе нотой искренняго удовлетворенія.

Еще не кончивъ письма, я вышелъ на крыльцо. Помню, что на чистомъ небѣ сверкали яркія звѣзды, искрились пушистые снѣга, неопредѣленными пятнами темнѣли перелѣски... Невдалекѣ за «старицей» виднѣлся подъ темной полосой лѣсовъ одинокій то разгорающійся, то угасающій огонекъ лучины. Влѣво, въ верстѣ или полуторыхъ, мигалъ другой и я представлялъ себѣ, что тамъ живутъ такіе же простые и добрые люди, умѣющіе при случаѣ говорить такія хорошія, величавыя слова, какъ Гавря Бисеровъ.

И вотъ я лицомъ къ лицу съ этимъ нетронутымъ, неискаженнымъ и чистымъ мужицкимъ міромъ. Душа моя была переполнена особымъ чувствомъ, и я закончилъ письмо нотой спокойнаго и совершенно искренняго удовлетворенія. «Только отъ васъ, мои дорогія, еще дальше»... Но это, казалось мнѣ, — ничего... Я вѣрилъ, что мы увидимся въ лучшія времена, а пока, какъ смѣлый пловецъ, я бросился на это заманчивое дно народной жизни...

Я улегся внизу на лавкѣ и скоро заснулъ. А двѣ женщины все еще свѣтили лучину, и ихъ прялки жужжали далеко за полночь.

XC

ВЪ СЕМЬѢ ГАВРИ БИСЕРОВА

Въ предыдущемъ томѣ я уже отмѣчалъ одну черту моего современника, которая вѣроятно и безъ моего подчеркиванія бросилась въ глаза читателю. Черта эта, думаю, была присуща не одному мнѣ, а всему моему поколѣнію: мы создавали предвзятыя общія представленія, сквозь призму которыхъ разсматривали дѣйствительность. У меня, можетъ быть, эта черта сказывалась рѣзче, чѣмъ у другихъ, вслѣдствіе сильно развитого воображенія и ранняго чтенія.

Въ этотъ періодъ передъ нами стоялъ такой общій и загадочный образъ народа — «сфинксъ», о которомъ въ одномъ изъ стихотвореній въ прозѣ говорилъ Тургеневъ. Онъ манилъ воображеніе, мы стремились разгадать его. Я говорилъ во второмъ томѣ, — какъ онъ представлялся мнѣ во время первой моей ссылки, на лѣсныхъ дорогахъ вологодскаго тракта: благодушный богатырь, сильный и кроткій, но нѣсколько золотушнаго типа и со слѣдами из-

нуренія. Здѣсь, среди этихъ лѣсистыхъ холмовъ, то освѣщенныхъ солнцемъ, то затянутыхъ туманами, послѣ первой встрѣчи съ угрюмыми бисеровцами, этотъ обликъ чуть-чуть измѣнился. Надъ безконечными увалами лѣсистыхъ холмовъ мнѣ рисовался теперь первобытный обликъ славянина, величавый и наивный, еще не отрѣшившійся отъ общенія съ силами природы, видящій живыя существа въ снѣжныхъ вихряхъ.

Эта романтическая призма стояла постоянно между мной и моими непосредственными впечатлѣніями: и во время моего столкновенія съ бисеровцами въ перевозной избушкѣ, и когда жена десятника угощала меня за одно своимъ хлѣбомъ и попреками, и въ то время, когда я глядѣлъ на жалкій дымокъ «ворьскаго починка» подъ лѣсомъ. Ни на одно изъ этихъ впечатлѣній я не воздѣйствовалъ непосредственно и цѣльно. Правда, когда въ перевозной избушкѣ бисеровцы обступили меня съ ругательствами и угрозами, я рѣзко поднялся и, стукнувъ кулакомъ по своему ящику, заставилъ ихъ шарахнуться отъ меня въ испугѣ. Это было похоже на непосредственную личную вспышку. Но только похоже. И тогда собственно гнѣва у меня не было. Что-то въ глубинѣ души говорило мнѣ, что эти люди имѣютъ право относиться ко мнѣ съ предубѣжденіемъ: къ нимъ присылаютъ отбросы городовъ, и почему-же въ самомъ дѣлѣ они обязаны съ перваго же взгляда отличать меня отъ этихъ отбросовъ. То же я думалъ о женѣ десятскаго, когда, по первому побужденію,

швырнулъ ей пятиалтынный за ея угощеніе съ попреками. А кроткая робость этихъ людей передо мною и быстрота примиренія трогала и подкупала меня, какъ трогало и отношеніе десятничихи къ семьѣ «ворьскаго починочка». И надъ всѣми этими эпизодами все носился въ туманныхъ чертахъ тотъ же воображаемый общій обликъ народа.

Онъ меня сопровождалъ вплоть до починка Гаври Бисерова и даже вошелъ со мною въ его избу... Я все еще чувствовалъ «розовый туманъ», странно обволакивавшій суровыя впечатлѣнія. Сначала, когда Гавря Бисеровъ держалъ меня довольно долго въ неизвѣстности — приметъ или не приметъ, — то его брюзгливый и дребезжащій голосъ, отзывавшійся съ полатей, казался мнѣ довольно непріятнымъ. Но когда, въ заключеніе, Гавря сошелъ съ полатей и, величаво протянувъ мнѣ руку, произнесъ свою привѣтственную рѣчь, — то его невзрачная фигура сразу выросла въ моихъ глазахъ и пріобщилась къ общему облику, который все это время стоялъ передъ моимъ умственнымъ взоромъ надъ этими темными лѣсами, снѣгами и перелѣсками. И я засыпалъ въ эту ночь въ настроеніи сугубо романтическомъ: вотъ я наконецъ на самомъ днѣ народной жизни, еще не тронутой одностороннею цивилизаціей... И если есть въ ней драгоцѣнная жемчужина «народной правды», то... она именно здѣсь, среди этихъ сумрачно тихихъ лѣсовъ... Въ моемъ воображеніи какими-то туманными образами проплывали бредущіе надъ лѣсами лѣшаки, въявь ходящіе по этому новому для меня свѣту,

простодушный Флоръ-Лаверъ, нанявшійся въ пастухи къ этому лѣсному крестьянскому міру, который ему за это изладитъ крышу, «попъ черемица», кадящій на диковинную лѣсину... И надъ всѣмъ этимъ звучалъ мнѣ сквозь сонъ величаво патріархальный привѣтъ Гаври...

Кажется, что это было уже послѣднее романтическое облако розоваго тумана. Съ слѣдующаго утра начинались трезвыя будни...

Проснулся я съ какой-то разнѣженностью въ душѣ и не сразу могъ отдать себѣ отчетъ въ своемъ положеніи. Было темно. Я лежалъ на узкой холодной лавкѣ подъ черной отъ копоти бревенчатой стѣной. Стѣны и потолокъ уходили куда-то въ мутную высь. Надо мной, свѣтя мнѣ въ лицо березовой лучиной, стояла странная фигура въ овчинномъ полушубкѣ мѣхомъ вверхъ и въ такой же мѣховой шапкѣ. Незнакомецъ безцеремонно поднесъ лучину къ самому моему лицу, и мнѣ при этомъ свѣтѣ виднѣлись лишь два маленькихъ живыхъ глаза на рябомъ лицѣ, сверкавшіе почти звѣринымъ любопытствомъ. Въ это время дверь открылась и, пахнувъ холодомъ, вошла старшая хозяйка, стряхивая снѣгъ.

— Чё-ко-ся это?.. Что за мужичокъ у насъ? — спросилъ незнакомецъ, отводя лучину отъ моего лица.

— Не трогъ, — отвѣтила баба... — Ссыльный это новой. Староста даве привезъ...

— Эк-ка бѣда, эк-ка бѣда, — сказалъ онъ слегка гнусавымъ голосомъ. — Пошто̀ принялъ старикъ. Гнать бы...

— Молчи инѣ... Платить слышь хочетъ... три рубля... Мужикъ, — староста баялъ, — просужій, чеботнѣй слышь... Принесъ ли чё? — спросила она вдругъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. — Три дня полевалъ вѣдь...

— Ничё не принесъ... — отвѣтилъ молодой мужикъ неохотно, отвязывая пустую сумку и кидая ее на лавку... — Эк-ка бѣда, эк-ка бѣда... Заголодалъ я вовсе... ѣмъ бы я чё-ко-ся, мамка.

Голосъ у него былъ гнусавый и жалобливый, какъ у капризнаго мальчишки.

— Погоди инѣ... Вотъ затопляю еще...

И, взявъ въ руки палку, — она постучала по брусу полатей.

— Слѣзайте, мужички, слѣзайте инѣ... Затопляю я, затопляю!..

На полатяхъ послышалась возня и движеніе...

— Гдѣ у меня лапоть... Мамка-а-а, а мамкъ... Петрованъ, чо-ортъ, — говорилъ мальчищескій голосъ...

— Ищи самъ... Кто тебѣ лѣшаку искать будетъ... — отвѣтилъ другой.

— А вотъ я бичъ возьму, — отозвался дребезжащій и злой голосъ отца... — Какъ зачну хлестать по шарамъ (глазамъ), у меня живо встанете... Слышите: мать затопляетъ...

Съ полатей слышалось хныканье и лѣнивая возня... Между тѣмъ хозяйка сунула въ печку пукъ зажженной лучины и оттуда вскорѣ повалилъ дымъ прямо въ избу.

Въ то же время она открыла дверь въ сѣни, и оттуда хлынули клубы холоднаго пара, обдавая меня на моей лавкѣ. Я торопливо докон-

чилъ свое одѣваніе. Только теперь я понялъ предупрежденіе десятскаго еще по дорогѣ, что у Гаври «изба черная»... Печной трубы не было. Въ жерло огромной печи, которая была завалена даже не дровами въ нашемъ смыслѣ, а прямо березовыми плахами, — пыхалъ дымъ и пламя. Хозяйка, охваченная темными клубами, пронизанными красными отблесками пламени, — казалось, стоитъ въ аду. Съ другой стороны отъ двери валилъ холодный паръ, взбивая дымъ кверху. Между этими двумя теченіями началась борьба, и вскорѣ они подѣлили между собой избу: холодъ сталъ внизу, дымъ поднялся кверху, до уровня человѣческаго роста и стоялъ тамъ, точно опрокинутое и волнующееся море.

— Иди инò къ намъ, Володимеръ, — привѣтливо сказала хозяйка, видя, что я оглядываюсь съ недоумѣніемъ. — Чуднò тебѣ видно, не въ привычку... Подь къ печи, здѣся тепляе...

У устья печи собралась вся семья. Здѣсь дѣйствительно было теплѣе, но стоять приходилось, наклонивъ головы. По ногамъ тянуло холоднымъ вѣтромъ, дымъ пыхалъ впередъ и потомъ подымался кверху... Самого хозяина у печи не было.

— Старикъ заснулъ на печи... Не угорѣлъ бы, — сказалъ я съ нѣкоторымъ испугомъ.

Хозяйка засмѣялась.

— Ничё ему не дѣлатся... Привычной...

— Привычной я, — отозвался съ печи, которая была вся въ дыму, веселый голосъ Гаври... — Другіе угораютъ, а меня угаръ не йметъ...

И онъ спокойно оставался на печи. Черезъ нѣкоторое время печь разгорѣлась, и отъ нея установилась тяга въ волоковое оконце, прорѣзанное въ стѣнѣ надъ полатями. Дымное море вверху стало рѣдѣть. Показались при начинавшемся свѣтѣ полати, полки, потолокъ... Дымъ тянулся только длинной струей надъ полатями, потомъ и онъ исчезъ. Дверь закрыли...

Такъ начался для меня день въ «черной» Гавриной избѣ.

Я съ любопытствомъ оглядѣлъ при свѣтѣ дня и моихъ хозяевъ, и обстановку. Изба была просторная. Полати начинались выше человѣческаго роста и на нихъ можно было стоять взрослому человѣку, не сгибаясь. Огромная печь доходила до середины избы. Рядомъ виднѣлась дверка, сквозь которую открывался ходъ по лѣстницѣ внизъ: это такъ называемый голбецъ, — погребъ подъ избой, гдѣ хранились припасы. Потолокъ и стѣны, особенно вверху, были сплошь покрыты густымъ слоемъ сажи, которая висѣла хлопьями, какъ черный иней. Всюду, — по столу, по лавкамъ, по полкамъ, стѣнамъ и потолку ползали тараканы въ ужасающемъ количествѣ. Тутъ были тараканы солиднаго возраста и мелюзга. Вчера, разбирая свои вещи, я поставилъ на полку жестянку съ чаемъ. Когда утромъ я раскрылъ ее, то замѣтилъ, что чаинки шевелятся, какъ живыя: это тараканья мелкота ухитрилась забраться сквозь неплотно прикрывавшуюся крышку.

Когда Гавря сошелъ внизъ съ печи и умылся, размазывая по лицу сажу, я съ любопытствомъ

взглянулъ на его лицо, ожидая уловить на немъ то, что вчера такъ импонировало мнѣ во время его складной рѣчи. Но я напрасно искалъ этой черты: ничего величаваго не было ни въ его лицѣ, ни въ фигурѣ. Это былъ старикъ лѣтъ 50 съ небольшимъ, небольшого роста, съ впалой грудью, съ замѣтной плѣшью на головѣ и съ рѣдкой черной бороденкой. Черты лица были незначительны. Маленькіе глаза блистали раздражительнымъ нездоровымъ блескомъ, голосъ былъ дребезжащій и жесткій.

Молодой человѣкъ, который разбудилъ меня утромъ, былъ его большакъ, котораго по привычкѣ къ уменьшительнымъ именамъ звали Павелкомъ. Онъ былъ выше отца, но сложеніе у него было нездоровое, а лицо все изрыто оспой. Маленькіе, какъ и у отца, черные глазки сверкали дикимъ огонькомъ. Онъ былъ женатъ, и молодуха была на сносяхъ.

Въ семьѣ сразу же произошла небольшая драма: Павелко три дня бродилъ по лѣсу, «полевалъ» — по мѣстному, но не принесъ ничего. Вчера въ лѣсу, когда я проѣзжалъ съ десятскимъ, тетерева то и дѣло срывались изъ-подъ ногъ нашей лошади и бродили невдалекѣ отъ дороги. Снѣгъ былъ весь усѣянъ птичьими слѣдами. Бабы смотрѣли на Павла съ разочарованіемъ, а Гавря раздраженно ругался.

— Нѣгодь, ты нѣгодь... Гли-ко-ся, Володимеръ: три дня шатался по лѣсу, а не принесъ ничего... Большой выросъ, ума не вынесъ. Не стану и оружья давать дураку...

— Шелъ бы самъ, можетъ, гляди, принесъ бы... — дерзко отвѣтилъ сынъ...

Гавря вскочилъ съ лавки.

— Ты какъ отцу (онъ говорилъ: отчю) отвѣчаешь, подлечь! Вотъ возьму вожжи.. .

— Взялъ одинъ такой-то, — отвѣтилъ сынъ съ пренебреженіемъ.

Гавря стоялъ посерединѣ избы, сложивъ на груди руки и сверкая глазами. Его видимо оскорбляло, что сынъ отвѣчаетъ такъ дерзко въ присутствіи новаго человѣка. Сынъ былъ готовъ дать отпоръ.

— Инъ полно-те вамъ, мужички, — примирительно сказала жена Гаври Лукерья... — Собирай--ко-сь на столъ, Марьюшка...

Беременная молодуха стала покрывать столъ. Лукерья была пожилая женщина съ спокойнымъ и умнымъ лицомъ, на которомъ виднѣлось особое выраженіе. Точно ей много пришлось вынести въ жизни, она пережила это, обдумала и обдуманное уложила глубоко въ душѣ. Молодуха была довольно красива, но у нея былъ изнуренный и усталый видъ. Ей приходилось много работать: съ ранняго утра она уходила «поитьця» и «кормитьця», то-есть гонять скотину на водопой и давать ей кормъ. Мужики ни въ чемъ не помогали бабамъ, а за ними и ребята лѣнились и не слушались. Еще старшій, Петрованъ, похожій на мать, охотнѣе исполнялъ ея распоряженія, а младшій, Андрійко, лицомъ весь въ отца, перекорялся и шелъ только послѣ отцовскихъ угрозъ. Въ усталыхъ глазахъ молодицы только еще начинало откладываться то выраженіе, съ которымъ Лукерья давно свыклась. Съ свекровью сноха жила согласно, видимо льнула къ ней, какъ бы ища

въ ней опору, и исполняла ея приказанія, махнувъ рукой на мужиковъ...

Впослѣдствіи сосѣди не разъ говорили мнѣ, что мужики въ Гавриной семьѣ — «непросужіе», все у нихъ не какъ у людей и, кабы не Лукерья, — все пошло бы врозь. Изба была большая, но плохо проконопаченная, въ стѣны всюду дуло. Въ другихъ избахъ давно уже были печи «побѣлому», то-есть съ трубами. Гаврія продолжалъ доказывать, что въ черной «много тепляе», на что нѣкоторые сосѣди ухмылялись... Гаврія жаловался, что у него «не здымается рука», и на этомъ основаніи больше посылалъ на работу сыновей, чѣмъ ходилъ самъ. Понятно, что сыновья, лишенные рабочаго примѣра, тоже лѣнились, отлынивали и хныкали. Но это не мѣшало Гаврѣ поддерживать свой авторитетъ и бахвалиться.

— А я, слышь-ко, а ты, Володимеръ, бабу свою четыре раза черезъ брусъ кидалъ, покуль выучилъ порядкамъ-те.

И онъ самодовольно ухмылялся.

«Черезъ брусъ», — это значило, что онъ кидалъ Лукерью съ высокихъ полатей на полъ. Я съ недоумѣніемъ взглянулъ на Лукерью. Она не возражала, и на ея лицѣ я замѣтилъ опять выраженіе давно пережитого горестнаго опыта. Я подумалъ о томъ, сколько страданій и сколько издѣвательствъ этого пустого мужиченка ей пришлось вынести, пока въ ея умныхъ глазахъ отлагалось это выраженіе, и во мнѣ закипало негодованіе. Я какъ-то и не замѣтилъ, какъ отъ меня ушло воспоминаніе о Гаврѣ моего перваго вечера, и уже недѣля-

двѣ будней возбуждали во мнѣ только горькія и раздраженныя мысли. И я сталъ горячо отстаивать въ семьѣ Гаври «женскую равноправность», не замѣтивъ, что мнѣ приходится приводить примѣры изъ культурной жизни городовъ... Гавря и Павелко слушали съ насмѣшливыми улыбками. Молодуха видимо стала откликаться на мои рѣчи и порой раздраженно отвѣчала мужу... Мнѣ бы, кажется, хотѣлось, чтобы бабы въ семьѣ Гаври, обиженныя и забитыя, «сознали свое достоинство» и подняли знамя возстанія. Въ случаяхъ, когда при мнѣ разыгрывалась какая-нибудь новая сцена мужицкаго бахвальства надъ бабами, я заступался за бабъ и принимался доказывать Гаврѣ и Павелку, что бабы у нихъ умнѣе и лучше ихъ самихъ... Это порождало нѣкоторое взаимное раздраженіе и, въ концѣ концовъ, — случаи мужицкаго самодурства становились только чаще.

Впрочемъ, кончилось это неожиданно для меня. Однажды мужики уѣхали на весь вечеръ бражничать. Я зналъ, что они вернутся пьяные и задорные и станутъ показывать бабамъ свой пьяный нравъ. И я готовился къ защитѣ. На зарѣ я вдругъ проснулся, чувствуя, что на лавку, гдѣ я спалъ, присѣлъ кто-то и провелъ рукой по моему лицу. Рука была мозолистая, но очевидно женская.

— Кто тутъ? — спросилъ я.

— Нишкни, Володимеръ, — послышался тихій голосъ Лукерьи. — Рано еще, — чуть свѣтаетъ. Молодиця ушла поитьця, мужики еще

не вернулись, парнишки дрыхнутъ... Хочу я побаять съ тобой.

Она смолкла и призадумалась. Потомъ заговорила опять.

— Вотъ о чемъ я съ тобою побаять хочу... Заступаешься ты за насъ, спасибо тебѣ... Ну, только брось ты это, Володимірушко.

— Почему же бросить? Вѣдь это все правда.

— Вѣрно, че и говорить. Все правда, много нашего бабьяго горя, — что море-кіянъ... Ни словами не оказать, ни слезьми не излить... Ну, только... не надо этого...

— Чего же не надо?..

— Смѣшицю не дѣлай въ моемъ житьишкѣ... Вѣрно онъ тебѣ баялъ: четыре раза черезъ брусъ кидалъ, да еще беременную... Молода была, — руки на себя наложить хотѣла. Теперь прошло: улеглось, уладилось житьишко мое. Сына вишь женила... Теперь мнѣ надо молодицю пріучать. Видно Господь велѣлъ намъ терпѣть. Не поможешь ты, Володимеръ, тому дѣлу.

На полатяхъ кто-то завозился. По лѣстницѣ со двора тяжело подымалась молодица. Лукерья наклонилась ко мнѣ и торопливо зашептала.

— Ну, вотъ... Слезно прошу тебя, Володимеръ. Перестань, не дѣлай смѣшицю.

Она ушла вздувать лучину, а я лежалъ на своемъ жесткомъ и холодномъ ложѣ, глубоко взволнованный. Я понялъ, что эта умная и терпѣливая баба разсуждаетъ умнѣе меня. Чего я въ самомъ дѣлѣ добьюсь своимъ вмѣшательствомъ. Жизнь въ этой избушкѣ, затерянной среди глухихъ лѣсовъ, превратится въ адъ. Я

помѣшаю Лукерьѣ ввести молодицу въ ея колею, а самъ, вѣроятно, скоро снимусь отсюда и беззаботно перелечу въ другое мѣсто... Нѣтъ, очевидно лучше, чтобы Лукерья понемногу передала свой горестный опытъ снохѣ, тѣмъ болѣе, что той при ней все таки легче...

И я рѣшилъ послушаться, «не дѣлать смѣшицю», сдержать свое сердце и свои взгляды...

Съ этихъ поръ сразу всѣмъ стало легче. Начинавшаяся распря прекратилась. Мое воздержаніе стало оказывать неожиданное дѣйствіе. Порой кто-нибудь изъ нихъ — Гавря или Павелко — опять позволялъ себѣ грубую выходку и при этомъ задорно взглядывалъ на меня. Я молчалъ и продолжалъ свою работу. Можетъ быть мое молчаніе ихъ не обманывало, но оно ихъ озадачивало и сбивало съ толку... Я «не дѣлалъ смѣшицю», и глаза Лукерьи останавливались на мнѣ съ благодарностью...

XCI

«КРАЙ СВѢТА ЖИВУТЪ, ПОДЪ НЕБО СУГОРБИВШИСЬ ХОДЯТЪ»

Выйдя на крыльцо на помостѣ Гавриной избы, я видѣлъ снѣга, перелѣски и дальніе лѣса. Никакихъ признаковъ деревни или поселка. Вблизи протекала замерзшая рѣчка. Мнѣ сказали, что это Старица, то-есть старое русло Камы, которая здѣсь роется среди болотъ, песковъ и лѣсовъ. За нею виднѣлись расчищен-

ныя поляны. Верстахъ въ полуторыхъ стояла густая стѣна сосноваго бора. Это уже за Камой. Въ той сторонѣ вились два дымка: тутъ жили два «жителя». Одного изъ нихъ, помню, звали Васькой Филенкомъ. Они поселились у самой Камы. Кое-гдѣ еще порой изъ-за лѣсовъ подымались струйки дыма. Надъ той же Старицей, что и Гавря, верстахъ въ полуторыхъ или ближе былъ еще починокъ. Дальше за лѣсами стоялъ невидный отъ насъ починокъ Микешки, съ которымъ я вскорѣ подружился... Еще далѣе, верстахъ въ трехъ по Камѣ былъ починокъ старосты. Около него по близости — еще два-три дома, а тамъ опять версты три до слѣдующаго жилья. Такъ, на разстояніи 10—15 верстъ по Камѣ и Старицѣ были разбросаны отдѣльные дворы этихъ лѣсныхъ жителей.

Во всемъ — и въ природѣ и среди людей и ихъ поселеній — чувствовалось что-то незаконченное, недовершенное. Въ какую-то сѣдую старь предки бисеровцевъ пришли откуда-то издалека и осѣли на пустыхъ и глухихъ земляхъ, среди вотяковъ. Въ ихъ говорѣ, сильно смягченномъ и ударявшемъ на о, чувствовалось что-то новгородское. Мнѣ говорили впослѣдствіи, что въ Вятской губерніи замѣтны слѣды новгородскихъ поселеній. Можетъ быть еще ушкуйники заходили сюда, приводя за собой толпы поселенцевъ, уходившихъ отъ московскихъ порядковъ и тѣсноты. Они приходили и осѣдали въ лѣсахъ. Когда первоначальныя поселенія разростались въ села и деревни, расчищали ихъ и ставили починки. Жили дико,

но свободно. — Теперь что, — говорила мнѣ Лукерья, — нонѣ и мы полюдски живемъ... А наши старики вспоминаютъ такое времячко: дочь выйдетъ замужъ въ чужи-люди... Отецъ съ матерью захотятъ навѣстить. Садятся въ ладью, да свою квашонку съ заведеннымъ тѣстомъ туда же ставятъ. Со своимъ хлѣбомъ, слышь, и въ гости ѣздили...

Не знаю, какія измѣненія внесло время, прошедшее съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ починки. Но тогда это была страшная глушь и дичь. Люди жили точно нѣсколько столѣтій назадъ. О современныхъ общественныхъ отношеніяхъ не имѣли ни малѣйшаго понятія... Когда я уже обжился въ починкахъ и починковцы признали во мнѣ грамотея, то однажды одинъ аборигенъ принесъ ко мнѣ свое недоумѣніе. Къ нему придирается «полѣсовщикъ» ни вѣсть съ чего. Изъ его сбивчиваго разсказа я, наконецъ, понялъ, въ чемъ было дѣло: онъ срубилъ часть казеннаго лѣса, на пняхъ положилъ кучки мха и сжегъ его. Это по мѣстнымъ обычаямъ значило, что онъ занялъ это мѣсто подъ заимку. Такъ это и знали сосѣди. А полѣсовщикъ не признаетъ стариннаго обычая и требуетъ «каку-то, слышь, бумагу»... Кончилось это, кажется, полюбовной сдѣлкой.

Когда впослѣдствіи ко мнѣ стали приходить ссыльные ходоки и вели разговоры о своихъ дѣлахъ и земельныхъ тяжбахъ съ казной или помѣщиками, — то всѣ эти разговоры были починковцамъ чужды и непонятны. Гавря имѣлъ претензію на нѣкоторыя познанія о томъ, какъ люди живутъ «въ прочихъ сторонахъ». Онъ

зналъ даже, что народъ тамъ бѣдствуетъ и жалуется, но объяснялъ это по своему. Земля въ прочихъ сторонахъ раздѣлена подесятинно. А значитъ это вотъ что: выѣзжай въ поле и становись поперекъ съ сохой и лошадью. Только и твоей земли. Правда, — въ длину паши сколько хочешь, хоть до самаго неба... Да, неудобно, узко. Это и называется подесятинно. Кто ввелъ такіе порядки, какой въ нихъ смыслъ, — это починковца не касалось и не интересовало.

— Мы край свѣта живемъ, подъ небо сугорбившись ходимъ, — улыбаясь говорилъ мнѣ балагуръ Гавря. — Про насъ это въ прочихъ мѣстахъ баютъ, — будто бабы у насъ бѣлье полощутъ, вальки на небо кладутъ...

И дѣйствительно, впослѣдствіи мнѣ довелось изъѣздить много русскаго свѣта. Побывалъ я и въ дальней Сибири, но такой глуши не видывалъ. Между прочимъ — телѣгъ въ починкахъ не знаютъ, за полнымъ отсутствіемъ лѣтнихъ проѣзжихъ дорогъ. Если ужъ надо ѣхать или перевезти «лопоть» (такъ починковцы называютъ всякія вещи, могущія требовать перевозки), — то лошадь запрягаютъ въ «лодью» и волокутъ ее до рѣки или до Старицы. По рѣкѣ плывутъ сколько возможно, отпустивъ свою лошадь, и когда надо — ловятъ въ лѣсу любую лошадь и ѣдутъ на ней до слѣдующаго перевоза.

Понятно, что въ виду такихъ сообщеній, — начальство не безпокоитъ починовцевъ своими посѣщеніями. Исправника починки не видали съ самаго сотворенія міра. Становой когда-то

побывалъ, кажется, въ Бисеровѣ. Одинъ разъ какая-то усердная земская фельдшерица доѣзжала до самыхъ починокъ во время какой-то эпидеміи, но повидимому испугалась этой глуши и уѣхала во свояси, оставивъ гдѣ-то у мужика аптечку и удивленные разсказы бисеровцевъ о невиданномъ начальствѣ — бабѣ.

Благодаря такому счастливому положенію, административное воздѣйствіе здѣсь весьма ограничено. Черезъ нѣкоторое время послѣ своего пріѣзда я узналъ отъ «волостнаго посылки», что бисеровцы, собравшись скопомъ, отбили весь скотъ, захваченный урядникомъ, сельской полиціей и прасолами, и никакихъ послѣдствій этотъ «бунтъ» не имѣлъ. Это все-таки въ Бисеровѣ. А въ Починкахъ Гавринъ отецъ, которому выпалъ чередъ идти въ военную службу, — просто «отбѣгался» отъ нея. Какъ только наѣзжала въ Бисерово комиссія, — «дружки» извѣщали объ этомъ починковцевъ, тѣ брали ружья и лыжи и уходили въ лѣса. А оттуда спокойно выходили опять, когда раскаты начальственной грозы затихали въ отдаленіи.

У починковцевъ почти не было огородовъ. Однажды Лукерья захотѣла меня угостить экстреннымъ образомъ и поэтому подала мнѣ... луковицу. Я съѣлъ ее съ хлѣбомъ, а въ это время парни съ завистью смотрѣли на меня... — Ужъ и сладко, небось, — говорили они, глотая слюнки.

Я былъ очень беззаботенъ насчетъ пищи, поэтому теперь затрудняюсь возстановить въ подробностяхъ наше тогдашнее меню. Помню

только, что столъ былъ самый первобытный. Каждый день Лукерья ставила на столъ такъ называемые «шти». Но это не были наши щи: въ нихъ не было ни картофеля, ни капусты. Это было полужидкое мѣсиво изъ муки и разваренной ячменной крупы. Къ этому ячменный же хлѣбъ и брага или квасъ. Все это было похоже на питаніе пещерныхъ людей. По воскресеньямъ Лукерья иногда приготовляла лакомства, въ видѣ «шанегъ». Починковскія постныя «шанги» состояли изъ кружка житной или ячменной муки, въ видѣ лепешки, въ которую запекался меньшій кружокъ муки пшеничной.

Въ другихъ семьяхъ, гдѣ мужики бывали «попросужѣе», столъ разнообразился порой дичью изъ лѣсовъ или рыбой изъ рѣчекъ. Но въ семьѣ Гаври этого не бывало.

Вотъ въ какія первобытныя мѣста вздумали послать меня вятскій губернаторъ Тройницкій и исправникъ Лука Сидоровичъ за мои жалобы на нихъ и за язвительность моего стиля. Но — я былъ молодъ, на диво здоровъ и все, что я видѣлъ, вызывало во мнѣ живѣйшій интересъ. Чувствовалъ я себя превосходно и къ матери, сестрамъ и Григорьеву писалъ прямо радостныя письма, которыя вятская администрація прочитывала, вѣроятно, съ большимъ удивленіемъ. Мнѣ, городскому жителю, приходилось на все это смотрѣть широко-открытыми глазами. Положеніе мое казалось очень опредѣленнымъ. То, что я еще только собирался сдѣлать, будучи въ Петербургѣ, для чего мнѣ приходилось бы мѣнять оболочку ин-

теллигента, — то теперь милостью начальства было мнѣ предоставлено на казенный счетъ. Здѣсь я былъ просто мужикъ, правда съ дальной стороны, но все таки только мужикъ, ровный этимъ мужикамъ, а пожалуй и ниже ихъ положеніемъ, какъ ссыльный...

— И что такое это за люди — дворяня на свѣтѣ живутъ, — говорилъ разъ при мнѣ Павелко. — Хучь бы въ стеклянну дверь на нихъ посмотрѣть, право.

И никому изъ нихъ не приходило въ голову, что я и есть этотъ чудной дворянинъ, котораго можно видѣть только сквозь стеклянную дверь.

— Чудной кафтанъ у мужика, — говорили въ другой разъ, щупая мой пиджакъ. — Неужъ, въ вашемъ мѣстѣ всѣ такъ ходятъ?..

А съ тѣхъ поръ, какъ я пошелъ съ парнями на болото, срубилъ тамъ кондовую березу, состряпалъ изъ нея сапожныя колодки и принялся за работу, — авторитетъ мой поднялся очень высоко.

— Онъ тебѣ и перомъ, онъ и топоромъ, онъ и шиломъ, — говорили они, а когда я снялъ съ колодки первую пару сапогъ, сшитую для одного изъ глазовскихъ товарищей, — то починковцы присутствовали при этомъ, какъ при нѣкоемъ таинствѣ: они знали только лапти...

Для какой бы то ни было политической «пропаганды», правда, простора не было: я могъ говорить совершенно свободно о всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ, о царѣ, о его власти, о необходимости свободы и самоуправленія, но

для этого у меня съ починковцами не было общаго языка: ихъ это могло заинтересовать развѣ, какъ сказка, не имѣющая никакого отношенія къ дѣйствительности.

XCII

ПОЧИНКОВСКІЕ «БОГИ»

Подошло рождество. Въ сочельникъ я раньше убралъ свои инструменты и зажегъ свѣчу, недавно присланную мнѣ братомъ изъ Глазова. Въ этотъ день моя мать была именинница. Кромѣ того съ рождественскимъ сочельникомъ соединено для меня столько воспоминаній дѣтства: у насъ въ этотъ день не ѣдятъ до звѣзды. А вечеромъ — длинный столъ съ бѣлоснѣжною скатертью, сѣно на столѣ и снопъ въ углу въ воспоминаніе о хлѣвѣ, въ которомъ родился Христосъ... Я уже не могъ назваться вѣрующимъ человѣкомъ, но кто скажетъ, — когда могутъ потерять силу такія воспоминанія... Я захотѣлъ въ этотъ вечеръ написать письмо матери.

— А Володимеръ у насъ праздничать видно собирается, — сказалъ Гавря, по обыкновенію сумерничавшій на полатяхъ и глядѣвшій на меня черезъ брусъ своими маленькими глазками.

— А ты, Гавря, развѣ не собираешься праздновать, — спросилъ я въ свою очередь. — Вѣдь завтра рождество, а нынче сочельникъ.

— Ну-къ што?

— Да вѣдь рождество самый большой праздникъ. Только два такихъ и есть въ году: рождество да Пасха.

— У насъ этто никакой праздникъ не живетъ, — отвѣтилъ Гавря равнодушно. — У рожественцёвъ точно праздникъ. Престолъ у нихъ. А намъ ни-къ-чему. У насъ приходъ къ Афонасьевскому...

Рождественское — довольно большое село къ югу отъ нашихъ починокъ. Гавря признавалъ только церковные праздники своего прихода. И дѣйствительно на слѣдующій день вся семья Гаври ушла на гумно молотить.

Однако въ починкахъ были всѣ признаки такъ называемой набожности. Во всякой избѣ была божница. Каждый разъ, входя въ чужую избу, починковецъ прежде всего обращался къ ней, трижды крестился на иконы, а уже послѣ здоровался съ хозяевами. Садясь за столъ и вставая послѣ всякой ѣды, — тоже не забывалъ креститься.

Я не исполнялъ этого обряда даже тогда, когда былъ вѣрующимъ. Въ нашемъ быту это не было принято. Я уже отмѣчалъ въ первомъ томѣ кое-какія свои религіозныя переживанія. Въ тотъ періодъ моей жизни другіе вопросы отодвинули ихъ на второй планъ. Но у меня всегда оставалось уваженіе ко всякой искренней вѣрѣ и, уже поэтому, мнѣ не хотѣлось лицемѣрить: я не сталъ прикидываться и лицемѣрно исполнять обрядъ. Въ этомъ для меня было своего рода исповѣданіе вѣры.

Однажды, когда мы кончили обѣдъ, — вся семья отправилась по обыкновенію на печь или на полати для отдыха. Гавря остался и сталъ какъ-то переминаться съ ноги на ногу, — посматривая на полати, какъ бы ища поддержки. Нѣсколько паръ глазъ смотрѣли оттуда на меня и на него.

— Слышь, Володимеръ, чё-ко-ся я съ тобой побаять хотѣлъ, — началъ Гавря и опять кинулъ взглядъ на полати.

— Ну, что жъ, Гаврило, давай побаемъ.

— Всѣмъ ты мужичекъ просужій, — продолжалъ онъ, какъ будто въ затрудненіи почесывая животъ обѣими сложенными руками. — Не пьешь, не куришь... Ну, однимъ мы обижаемся...

— Чѣмъ же вы на меня обижаетесь?

— Пошто ты нашимъ богамъ не молишься? Чѣмъ они тебѣ неладны?

Мнѣ послышалось въ этомъ вопросѣ, что Гавря обижается не тѣмъ, что видитъ во мнѣ невѣрующаго вообще, а тѣмъ, что я не почитаю его домашнихъ боговъ, стоящихъ въ его божницѣ. Я засмѣялся.

— Хорошо, Гаврило. Ты хочешь, чтобы я тебѣ отвѣтилъ. Я отвѣчу. Только раньше и ты мнѣ отвѣть на мой вопросъ.

— Ну, инъ спрашивай... Пошто не отвѣтить.

На полатяхъ насторожились. Прялка Лукерьи зажужжала тише.

— Скажи и ты мнѣ: почему ты своимъ богамъ молишься? Зачѣмъ это тебѣ нужно?

Гавря крякнулъ, точно его ударили по спинѣ, и сталъ растерянно оглядываться.

— Г-мъ, — произнесъ онъ... — Чудной мужичёкъ... Че спрашивать?

— Ну, такъ какъ же все таки... Кому и зачѣмъ ты молишься?..

— Да оно того... Оно гли-ко-ся... Будто какъ лучше...

— Ну, вотъ видишь... Тебѣ лучше молиться на боговъ, а мнѣ выходитъ лучше не молиться.

Гавря постоялъ, все такъ же недоумѣло озираясь и почесывая усиленно животъ, а потомъ вдругъ полѣзъ на полати и скоро захрапѣлъ. Послѣ этого разговоръ о богахъ не возобновлялся. Я тогда чувствовалъ себя удовлетвореннымъ, рѣшивъ, что Гаврѣ и вообще починковцамъ этотъ формальный отвѣтъ былъ совершенно достаточнымъ. Только впослѣдствіи мнѣ опять пришлось вернуться къ этому вопросу и уже не такъ поверхностно.

Что касается починковской религіи, то я пришелъ къ заключенію, что въ этомъ лѣсномъ углу никакой въ сущности религіи не было. Однажды въ началѣ зимнихъ сумерекъ я шелъ по узкой дорогѣ надъ Камой и встрѣтилъ знакомую бабу; съ ней случилась бѣда: пала лошадь. Она послала парнишку, чтобы кто-нибудь пришелъ ей на помощь: надо было запречь другую лошадь и свезти возъ. А пока она стояла надъ лошадью, глядя на ея оскаленные зубы... Я остановился, и мы разговорились. Кто-то недавно передалъ ей новость: священникъ говорилъ въ церкви, что со смер-

тью человѣка не все еще для него кончено и что есть какая-то жизнь послѣ смерти.

— Я чаю, — хлопаетъ попъ зря, — сказала она категорически.

— А по твоему какъ же? — спросилъ я ее съ любопытствомъ.

— Палъ да пропалъ, — больше ничего, — сказала она удивительно просто.

До сихъ поръ помню эту картину. Гдѣ-то за лѣсами только что сѣло холодное зимнее солнце. Снѣга набухали сумерками. Надъ ними, тяжело хлопая крыльями, летали вороны. Оскаленная морда лошади смотрѣла на насъ тусклыми глазами... Не помню, чтобъ тогда же это категорическое «палъ да пропалъ» вызвало во мнѣ опредѣленный строй мыслей. Но вся картина запала, сохранилась въ душѣ, и всплывала каждый разъ впослѣдствіи, когда мнѣ пришлось сравнивать эту формулу починковскаго нигилизма съ настроеніемъ другихъ крестьянъ, для которыхъ вопросъ не казался такъ простъ. Тамъ тоже было много церковныхъ суевѣрій, но я долженъ былъ признать, что ихъ духовный міръ богаче и сложнѣе...

XCIII

ЛѢСНАЯ НЕЖИТЬ

И все таки починовецъ былъ весь окруженъ потустороннимъ міромъ. Здѣсь случались то и дѣло удивительныя происшествія. Однажды Гавря разсказалъ мнѣ самымъ обыкновеннымъ то-

номъ, что лѣшаки крадутъ у нихъ рыбу изъ ятровъ. Лонись (въ прошломъ году) одинъ лѣшакъ повадился къ жителю ходить каждое утро на Старицу, гдѣ у него были ятры, и опустошать ихъ до прихода хозяина. Я засмѣялся.

— Чё ты это смѣешься?.. — спросилъ Гавря съ искреннимъ удивленіемъ.

— Кто-нибудь другой таскаетъ у васъ рыбу, — отвѣтилъ я, — лѣшаковъ на свѣтѣ нѣтъ.

Гавря оглянулся на домашнихъ съ такимъ недоумѣлымъ видомъ, какъ будто я не знаю о существованіи лошади, собаки или волка.

— Чюете вы, что мужичекъ-отъ баетъ... Да развѣ въ вашей сторонѣ лѣшаковъ не видывали?

— А въ вашей видывали? — спросилъ я въ свою очередь, продолжая улыбаться.

— Да что ты это, Володимеръ, — сказала Лукерья, обращаясь ко мнѣ такимъ тономъ, точно она унимала неразумнаго ребенка, заговорившаго нѣчто несообразное. — И они досказали мнѣ исторію о ворѣ-лѣшемъ. Мужикъ пошелъ посовѣтоваться къ колдуну: таскаетъ невѣдомо кто рыбу, а подкараулить нельзя. Слѣды на снѣгу видны, — только слѣдъ не человѣчій: лапти чуть не въ аршинъ. Колдунъ посовѣтовалъ: заплети, говоритъ, лапоть въ два аршина и повѣсь на лѣсинѣ надъ тропой по коей лѣшакъ ходитъ къ твоимъ ятрамъ. Самъ запаси слегу покрѣпче и притаись въ кустахъ. Посмотришь что будетъ. Не бойся.

Мужикъ послушался: сплелъ лапоть въ два аршина и повѣсилъ надъ тропкой. Самъ притаился. Смотритъ: идетъ еще до свѣту лѣшакъ.

— А какой онъ? — спросилъ я.

— Да какой!.. Явственно не видно, а только похожъ на мужика. Вотъ дошелъ до лаптя, взглянулъ, да и почалъ смѣяться... Дальше да больше. Потомъ палъ на снѣгъ, — такъ и катается, смѣется. Выскочилъ мужичекъ да слегой его разъ и другой.

— Ну, и что же?..

— Да слышь: самъ испужался, убѣгъ. Пришелъ днемъ на то мѣсто: снѣгъ примятъ, а нѣтъ никого. Ну, рыбу пересталъ таскать... Да что ты все смѣешься, чудной ты мужичокъ: сходи, самъ поспрошай: не очень далеко и живетъ-то.

Къ этому мужику я не собрался, но имѣлъ случай видѣть другого очевидца. Это былъ тотъ самый кабацкій сидѣлецъ Митріенокъ, о которомъ я разсказывалъ ранѣе. Черезъ нѣкоторое время мнѣ случилось опять побывать въ селѣ Афанасьевскомъ для покупки сапожнаго товара, и я нарочно зашелъ къ Митріенку. Я уже говорилъ, что это былъ угрюмый и неразговорчивый дѣтина, довольно мрачнаго вида, съ нѣсколько блуждающимъ взглядомъ. Когда я сказалъ, что мнѣ разсказывали объ его встрѣчѣ съ лѣшакомъ, онъ сказалъ просто:

— Ну-къ што?

— Да къ тебѣ развѣ приходили лѣшаки?

— А то не приходили, что ль...

По моей усиленной просьбѣ, онъ разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію: дѣло было въ прошломъ году подъ рождество. Подъ вечеръ начиналась метель, дальше да больше: «окна, что есть, всѣ замело снѣгомъ». Надумалъ Митріенокъ кабакъ закрывать, — некому больше быть. Закрылъ кабакъ, легъ и сталъ засыпать. Только слышитъ: подъѣхали какіе-то на саняхъ, стучатъ въ дверь, а вставать лѣнь... Помѣшкалъ малое время... стучатъ опять, да слышь такъ стучатъ, — дверь хотятъ развалить. Да тутъ же метель какъ взвоетъ тебѣ, да какъ закрутитъ, то и гляди крышу сорветъ. Догадался тутъ Митріенокъ, кто это съ метелью ходитъ. Дѣлать нечего: зубъ на зубъ не попадаетъ, а дверь все же открылъ. Вошли шесть мужиковъ. Бороды большія, снѣгомъ запорошило... Отряхнулись.

— Наливай, говорятъ, по стакану... Потомъ по другому.

— Почему же ты думаешь, что это были лѣшаки?

— Кому больше быть-то... Вошли, на икону не крестились. Бороды, сказываю тебѣ — большу-ущія. Вотъ ты — бородатый человѣкъ, сразу видно — не здѣшній. А у тѣхъ бороды куда твоей больше... Что тутъ и баять: мнѣ ли не знать здѣшняго народу...

— Ну и что же?..

— Ничего... Дурна не сдѣлали. Выпили, заплатили честь-честью, — уѣхали. А тутъ и метель стала стихать. За собой увели...

Митріенокъ разсказывалъ это просто, какъ вещь очевидную. Впослѣдствіи были извѣстія,

что въ тѣхъ мѣстахъ, на границѣ Глазовскаго и Чердынскаго уѣздовъ при переписи было открыто цѣлое невѣдомое начальству поселеніе. Это оказались старообрядцы, какого-то изъ непримиримыхъ толковъ, скрывшіеся въ лѣса отъ грѣшнаго міра. Въ мое время разсказывали, что откуда-то изъ-за Камы наѣзжаютъ порой неизвѣстные люди: никто не знаетъ, откуда выходятъ и куда скрываются. Но Митріенково объясненіе было гораздо проще. Развѣ здѣсь не видятъ постоянно лѣшаковъ, ходящихъ снѣжными столбами надъ лѣсною чернью... Кругомъ стоятъ лѣса, которые кричатъ на разные голоса въ непогоду, мрачная рѣка роетъ новыя русла, и всякая лѣсная нежить живетъ въ трущобахъ. Съ духовенствомъ починковцы имѣютъ очень мало сношеній и, кажется, къ Богу обращаются только въ необходимыхъ случаяхъ, какъ свадьбы, крестины, похороны. Но съ колдунами приходится то и дѣло совѣтоваться по поводу многихъ случаевъ: тутъ лѣшій воруетъ рыбу, тутъ человѣкъ заболѣлъ отъ «насыла по вѣтру». Лѣтомъ надъ заводями русалки расчесываютъ косы, таинственная «лихоманка» ходитъ по свѣту, огненный змій летаетъ по ночамъ въ избы къ мужикамъ и бабамъ...

Я искренно и отъ души смѣялся надъ этими разсказами, а починковцы такъ же весело смѣялись надъ моимъ незнаніемъ очевидныхъ вещей... Скоро однако наступило время, когда мнѣ пришлось вступить въ прямую борьбу съ этой лѣсной «нежитью» и лѣсная нежить меня побѣдила на глазахъ у всего починковскаго міра... Но объ этомъ дальше.

XCIV

ССЫЛЬНЫЕ: ѲЕДОТЪ ЛАЗАРЕВЪ — КАРЛЪ НЕСЕЦКІЙ

Отъ Поплавскаго въ Бисеровѣ я узналъ, что въ Починкахъ есть уже одинъ политическій. Это былъ фабричный рабочій Лазаревъ, сосланный за забастовку. Вскорѣ онъ явился ко мнѣ, и мы познакомились. Родомъ онъ былъ — «Калужской губерніи такачъ», — какъ говорилъ онъ своимъ мѣстнымъ говоромъ. Это былъ хорошій малый, знакомый уже съ политическимъ движеніемъ, и мы сразу сошлись. Онъ успѣлъ уже нѣсколько обжиться, такъ какъ привезли его сюда еще лѣтомъ. Мнѣ разсказывали мѣстные жители, что, когда онъ пріѣхалъ сюда въ своихъ сапогахъ бураками, въ поддевкѣ тонкаго сукна со сборами и въ узорной косовороткѣ, то мѣстныя бабы на покосѣ накинулись на него, повалили на сѣно и... произвели насильственное освидѣтельствованіе съ цѣлью убѣдиться, что онъ такой же человѣкъ, какъ ихніе мужики. Когда я спросилъ его объ этомъ, онъ застѣнчиво и стыдливо подтвердилъ разсказъ: онъ былъ рослый мущина, косая сажень въ плечахъ и большой щеголь.

Жилъ онъ въ семьѣ Микеши, верстахъ въ пяти отъ насъ, и училъ его маленькаго сынишку грамотѣ по церковному: «азъ-буки».

Кромѣ Ѳедота тутъ были еще нѣсколько ссыльныхъ уголовныхъ. Однажды Ѳедотъ предупредилъ меня, что ко мнѣ собирается одинъ изъ такихъ ссыльныхъ, Карлъ Несецкій, и что

этотъ визитъ будетъ мнѣ не очень пріятенъ: Несецкій пріѣдетъ съ безносымъ Трошкой, тоже большимъ скандалистомъ, привезетъ водку и разсчитываетъ на отвѣтное угощеніе. Въ то время я относился строго къ своему личному поведенію и къ своимъ отношеніямъ къ людямъ и рѣшилъ сразу, что водкой никого угощать не стану.

Въ свѣтлый зимній день къ починку подъѣхали розвальни, въ которыхъ сидѣли два человѣка. Когда они вошли въ избу, я сразу узналъ по описанію Несецкаго и безносаго Трошку. Несецкій былъ человѣкъ средняго роста, худощавый, съ какой-то особенной горькой складкой въ лицѣ. Трошка успѣлъ какъ-то побывать на одномъ изъ вятскихъ заводовъ, вывезъ оттуда большую развязность, гармонику и дурную болѣзнь. Оба были уже выпивши и, ввалившись въ избу, поздоровались съ хозяевами и сѣли, развалившись, за столъ, поставивъ передъ собой бутылку водки. Я работалъ у окна надъ сапогами и не поднялся навстрѣчу гостямъ, предоставивъ имъ угощать Гаврю, у котораго загорѣлись глаза.

Это ихъ, очевидно, оскорбило. Они дѣлали видъ, что пріѣхали къ Гаврѣ, но, сидя за столомъ и наливая рюмки, то и дѣло стали кидать камни въ мой огородъ. Есть дескать люди, которые задираютъ носъ выше лѣсу и что на такихъ людей у нихъ найдутся свои средства. Я все молчалъ. Очевидно оскорбленные до послѣдней степени, они поднялись изъ-за стола и стали прощаться съ хозяевами. Я чувствовалъ, что наживаю себѣ враговъ, а ме-

жду тѣмъ въ лицѣ Несецкаго замѣчалъ что-то располагающее и жалкое. Они уже собирались выходить, когда я всталъ со своей сѣдухи, сложилъ фартукъ и всталъ противъ Несецкаго. По внезапному побужденію я положилъ ему руки на плечи и, глядя ему прямо въ глаза, сказалъ:

— Послушайте, Несецкій... Я плохой собутыльникъ: и самъ не пью, и другихъ не угощаю. Съ пьяными разговаривать не люблю и не умѣю. Но если вы захотите когда-нибудь придти ко мнѣ безъ водки, трезвый, потолковать и попить чаю, то я буду радъ васъ принять, какъ и другихъ товарищей ссыльныхъ.

Что-то дрогнуло въ блѣдномъ лицѣ Несецкаго. Онъ потупился, подумалъ и сказалъ глухо:

— Простите меня... Живешь тутъ въ лѣсу вотъ съ этакимъ звѣрьемъ (онъ безцеремонно указалъ на совсѣмъ разсолодѣвшаго Трошку), — и самъ завоешь волкомъ. Прощайте.

На порогѣ онъ остановился и сказалъ, полуобернувшись:

— Завтра приду... Не прогоните?

— Буду радъ. Приходите. Я получилъ изъ Глазова газеты.

На слѣдующій день Несецкій пришелъ пѣшкомъ и безъ Трошки. О вчерашнемъ у насъ не было и рѣчи. Вечеромъ я зажегъ свѣчу и читалъ газеты. Несецкій слушалъ внимательно, а на утро ушелъ на гумно работать съ семьей Гаври. Съ этихъ поръ мы видѣлись часто и посѣщенія Несецкаго всякій разъ доставляли мнѣ истинное удовольствіе. Однажды

ночью, когда на полатяхъ и съ печи несся храпъ, онъ разсказалъ мнѣ своимъ тихимъ глуховатымъ голосомъ, заложивъ руки за голову, слѣдующую исторію своей ссылки въ Березовскіе Починки.

Онъ былъ полякъ, служилъ въ солдатахъ и судился за какое-то военное преступленіе. Приговоренъ къ лишенію воинскаго званія и ссылкѣ въ мѣста не столь отдаленныя. Сначала его поселили на Омутницкомъ или Залазнинскомъ заводѣ. Тутъ онъ началъ устраиваться, даже женился. У него родилась дочь. И онъ, и жена души не чаяли въ новорожденномъ ребенкѣ. Но вотъ, однажды изъ уѣзднаго города приходитъ приказъ: прислать въ полицейское правленіе Несецкаго съ семей- отказался ѣхать за неимѣніемъ достаточно теплой одежды. Исправникъ былъ самодуръ, чеплой одежды. Исправникъ былъ самодуръ, человѣкъ крутой, и отказъ какого-то ссыльнаго исполнить его предписаніе привелъ его въ сильный гнѣвъ. Становой получилъ категорическое распоряженіе, Несецкаго съ женой и ребенкомъ усадили въ сани и повезли въ городъ. Когда десятскій привезъ ихъ къ полицейскому управленію, — то оказалось, что полуокоченѣвшая жена держала на рукахъ мертваго ребенка.

— Не знаю, — разсказывалъ мнѣ Несецкій въ темной избѣ своимъ печально-надтреснутымъ голосомъ, — что тутъ со мной сдѣлалось. Вошелъ въ полицію и — прямо въ присутствіе. Исправникъ былъ тутъ. Вытянулся я передъ нимъ во фрунтъ и докладываю громко:

— Куда, говорю, прикажете, ваше высокоблагородіе, мерзлую говядину свалить? — Что такое, что такое?.. — спрашиваетъ исправникъ. Сразу я его озадачилъ. — «Извольте, говорю, выйти, посмотрѣть»...

— Самъ не пошелъ, послалъ какого-то писца. Тотъ возвращается и говоритъ тихо: такъ и такъ, — полузамерзшая женщина и мертвый ребенокъ. Исправникъ растерялся. — Ты бы его, говоритъ, куда-нибудь... въ снѣжокъ что ли закопалъ... Тутъ въ меня и вступило. — «А-а, — говорю, — крещенаго младенца въ снѣжокъ! Слушайте, говорю, всѣ!.. будьте свидѣтели... Я сейчасъ архіерею донесу, какъ начальство приказываетъ крещеныхъ младенцевъ въ снѣжокъ зарывать»... И тутъ же сдѣлалъ большой скандалъ въ присутствіи передъ зерцаломъ.

Дѣло вышло громкое, затушить его было трудно. Исправника не любили, и свидѣтели показали правду. Вмѣшался архіерей. Исправникъ потерялъ мѣсто. Когда прибылъ его замѣститель, оба они вызвали Несецкаго. Старый говоритъ новому: вотъ этотъ человѣкъ сдѣлалъ несчастнымъ меня и мое семейство. Черезъ него я лишился мѣста. А новый отвѣчаетъ: «Ничего, мы ему самому найдемъ теплое мѣстечко».

— Подлецы вы оба, — говорю. — А мое семейство гдѣ? — И опять сдѣлалъ скандалъ передъ зерцаломъ. Съ этихъ поръ, повѣрите, жизнь мнѣ стала въ копѣйку. Я никого не боюсь, ничего не стыжусь, а меня люди стали бояться. Вы вотъ первый меня, спасибо вамъ,

не побоялись, — по человѣчески заговорили.

До сихъ поръ воспоминаніе объ этомъ человѣкѣ сохранилось у меня, какъ одно изъ трогательнѣйшихъ и лучшихъ воспоминаній молодости, когда и самъ я былъ много лучше.

XCV

ХОДОКИ — ИСТОРІЯ ФЕДОРА БОГДАНА, ДОШЕДШАГО ДО САМОГО ЦАРЯ

Въ ясный морозный день передъ рождествомъ я засталъ у себя, вернувшись отъ Лазарева, только что привезеннаго новаго ссыльнаго. Звали его Федоромъ Богданомъ. Его только что привезли изъ Глазова и онъ еще какъ-то растерянно оглядывался. Поселили его по сосѣдству, верстахъ въ полуторыхъ. Ко мнѣ онъ пришелъ вмѣстѣ съ десятскимъ для разрѣшенія спора: Богдана схватили на родинѣ, не давъ ему собраться, и увезли, въ чемъ онъ былъ. Теперь въ бумагѣ, при которой онъ былъ присланъ, требовали, чтобы по доставкѣ на мѣсто у него отобрали казенныя вещи для возвращенія въ тюремный замокъ. Это была явная несообразность, но десятскій боялся бумаги.

Къ счастію, на это нашлось средство. У меня тоже была бумага и перо и я пустилъ ихъ въ дѣло: написалъ «отзывъ» отъ ссыльнаго Федора Богдана, въ которомъ изобразилъ, что, такъ какъ Богдана выслали лѣтомъ, въ чемъ

онъ былъ, а теперь стоятъ лютые морозы, то онъ не имѣетъ возможности исполнить требованіе администраціи. Десятскій смотрѣлъ съ благоговѣніемъ на это мое бумажное колдовство и, получивъ бумагу, спряталъ ее за пазуху и уѣхалъ удовлетворенный: бумага была противъ бумаги. А Богданъ остался.

Это былъ пожилой крестьянинъ въ украинской свиткѣ и бараньей шапкѣ. Онъ усердно кланялся мнѣ, осыпая меня благодарностями и называя добрымъ паномъ. Я объяснилъ ему, что я такой же ссыльный, какъ и онъ, но Богданъ качалъ головой и говорилъ, что онъ знаетъ людей и хорошо видитъ, что «я жъ таки ему не ровня». Этого тона онъ потомъ держался со мной все время, упорно называя меня паномъ.

Родомъ онъ былъ изъ Кіевской губерніи, Радомыслъскаго уѣзда, изъ большого села, названіе котораго я забылъ. Попалъ онъ сюда послѣ того, какъ ухитрился подать прошеніе крестьянъ въ собственныя руки Александра II-го.

Черезъ нѣкоторое время среди другихъ такихъ же крестьянъ ходоковъ, поселенныхъ частью въ нашихъ починкахъ, частью въ другихъ мѣстахъ Бисеровской волости, распространилось извѣстіе о томъ, что въ Починки прислали мужика, который видѣлъ царя и подалъ ему прошеніе. Вслѣдствіе этого къ намъ стали являться другіе ходоки для разговоровъ и разспросовъ Богдана. Кромѣ Федота Лазарева и Несецкаго, живо интересовавшихся его разсказами, тутъ были еще два брата Санни-

ковы, уроженцы той же Вятской губерніи, только болѣе южнаго Орловскаго уѣзда, и Кузьминъ, — помнится, Рязанской или Орловской губерніи. Санниковы были хорошіе плотники и взяли подрядъ на постройку часовни въ селѣ Афонасьевскомъ. Теперь они нарочно пришли оттуда. И вотъ въ избѣ Гаври, тѣсно набитой этими заинтересованными слушателями, Федоръ Богданъ разсказалъ свою исторію. Это было въ праздникъ, и вся семья Гаври тоже свѣсилась головами съ полатей...

Вотъ этотъ разсказъ.

Въ Радомыслькомъ уѣздѣ Кіевской Губерніи крестьяне, кажется, пяти обществъ вели давнюю тяжбу съ помѣщикомъ Стецкимъ. Дѣло было запутанное. Богданъ былъ прекрасный разсказчикъ, и нѣкоторые эпизоды въ его разсказѣ выходили необыкновенно картинно и ярко. Но, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, юридическая сущность тяжбы исчезала. Съ одной стороны взгляды крестьянъ, — основывающіеся на стародавнихъ преданіяхъ стариковъ, — съ другой формальная казуистика помѣщичьихъ адвокатовъ и точныя статьи закона. Отсутствіе нужныхъ документовъ, пропущенные сроки для обжалованія, — этого достаточно, чтобы формальный законъ безповоротно сталъ на сторону помѣщика. А крестьяне не хотятъ знать такихъ формальностей и апеллируютъ къ высшей правдѣ, которую видятъ въ царѣ. Впрочемъ, какъ будетъ видно дальше, — на этотъ разъ и формальное право не такъ ужъ безповоротно было противъ крестьянъ.

Какъ бы то ни было, крестьяне пяти обществъ Радомысльскаго уѣзда рѣшили, что имъ необходимо послать ловкихъ людей въ столицу. Для этого выбрали неграмотнаго Федора Богдана и въ помощь ему двухъ грамотныхъ. Очевидно — главное лицо, на которое разсчитывали крестьяне, — былъ именно Федоръ Богданъ. И онъ блестяще оправдалъ ожиданія земляковъ.

Пріѣхали ходоки въ Петербургъ и остановились у знакомаго человѣка: дочь мѣстнаго священника была замужемъ за купцомъ, торговавшимъ въ Гостиномъ дворѣ. По письму тестя, послѣдній радушно принялъ крестьянскихъ уполномоченныхъ и указалъ имъ свѣдущаго «письменнаго» человѣка. Тотъ по запискѣ, взятой ими съ мѣста, составилъ нѣсколько прошеній, которыя они и разсовали въ нѣсколько инстанцій: въ сенатъ, въ министерство юстиціи, въ земельный комитетъ, предсѣдателемъ котораго былъ великій князь Константинъ Николаевичъ. Ни царя, ни Константина Николаевича въ Петербургѣ они не застали и сочли, что подавъ просьбы всюду, куда было возможно, они исполнили свое дѣло. Такъ, по крайней мѣрѣ, думали грамотные товарищи...

Проходили мѣсяцы, а результатовъ не было. Тогда люди стали на Богдана и его товарищей смотрѣть косо. Стали толковать, что они только понапрасну извели много громадскихъ денегъ, «Богъ зна на що».

Богданъ не могъ перенести этихъ людскихъ покоровъ и рѣшилъ ѣхать вторично въ сто-

лицу. На этотъ разъ онъ поѣхалъ одинъ, такъ какъ уже зналъ столичные порядки. Дорогой онъ узналъ, что царь какъ разъ въ это время пріѣхалъ въ Москву. Онъ тоже отправился въ Москву, нашелъ тамъ человѣка, который на основаніи матеріаловъ съ мѣста состряпалъ прошеніе и научилъ, какъ его подать

— Завтра, говоритъ, будетъ смотръ на Ходынскомъ полѣ. Дорога туда черезъ Трухмальныя ворота. Стань ты неподалеку отъ этихъ воротъ и держи ухо востро. Полиція зорко смотритъ, чтобы кто не прорвался на дорогу. Ну, тутъ ужъ какъ тебѣ Богъ дастъ. Успѣешь на дорогу выскочить и стать на колѣни, — твое счастіе.

На слѣдующій день вышелъ Богданъ за Тріумфальныя ворота. Народу видимо-невидимо. Но пришелъ онъ рано и успѣлъ стать въ первыхъ рядахъ. Стоитъ, прошеніе у него за пазухой. И вотъ вдалекѣ послышались крики «ура»... Все ближе и ближе...

Трудно описать то захватывающее вниманіе, съ какимъ другіе ссыльные ходоки слушали этотъ разсказъ. Когда Богданъ дошелъ до этого момента, — помню, — въ избѣ Гаври воцарилась такая тишина, что можно было слышать шуршаніе таракановъ по закоптѣлымъ стѣнамъ. Это было какъ разъ то, о чемъ мечтали всѣ крестьяне: мужикъ стоялъ въ ожиданіи проѣзда царя, источника всякаго права и всякой правды. Что будетъ?.. Даже невозмутимые починковцы затаили дыханіе, Богданъ продолжалъ:

— Выѣхалъ царь изъ Трухмальныхъ воротъ,

— дорога передъ нимъ расчищена. Все видно... И тутъ уже спрашивать нечего. Мала дытына и та узнала бы, который царь: ѣдетъ одинъ впереди, двое за нимъ сзади на полъ-лошади. А уже за тѣми остальная свита. Все генералы въ звѣздахъ. Кругомъ ажъ блеститъ. Вотъ какъ стали приближаться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ Богданъ, — тотъ перекрестился подъ свиткой, растолкалъ солдатъ и полицейскихъ и внезапно, какъ заяцъ, кинулся наперерѣзъ, на дорогу. Полицейскіе побѣжали было за нимъ, да куда тутъ, — не догнали. Упалъ посерединѣ дороги на колѣни, прошеніе надъ головой держитъ. А сердце въ груди такъ и стучитъ... «якъ подстрѣлена пташка»... Что будетъ?..

— Ну-у? — вырвалось у одного изъ Санниковыхъ торопливое восклицаніе...

Подъѣхалъ царь къ тому мѣсту, чуть чуть своротилъ коня и объѣхалъ Богдана, что-то сказавъ адъютанту. И вся свита, какъ рѣка на ледорѣзѣ, раздѣлилась на двѣ струи. Ѣдутъ генералы, на Богдана смотрятъ съ любопытствомъ, а — онъ стоитъ на колѣняхъ. Только царскій адъютантъ повернулъ коня, подъѣхалъ къ Богдану, когда свита проѣхала, наклонился съ коня и взялъ изъ его рукъ прошеніе. Богданъ придержалъ немного бумагу и говоритъ адъютанту: «Ваше высоко-превосходительство. Будьте милостивы: не повѣрятъ наши люди, что я подалъ царю прошеніе. Нельзя ли мнѣ дать квиточекъ (росписку)?» Адъютантъ выдернулъ изъ рукъ конвертъ и говоритъ:

— Съ ума ты сошелъ, мужикъ... Не знаешь, развѣ, кому ты подалъ прошеніе... Какой тебѣ квитокъ... Убирайся поскорѣе домой, а то плохо будетъ.

Повернулъ коня и поѣхалъ за царемъ. А къ Богдану кинулась полиція.

— Не дай Богъ, что тутъ подѣялось. Полицейскіе «якъ тыгры»... Подхватили двое подъ руки, сзади кто-то въ шею толкаетъ, а тѣ его до земли не допускаютъ, несутъ... Какой-то полицейскій офицеръ, низенькій да толстый, такъ тотъ спереди на него наскакиваетъ, «въ очи сыкаетъ, якъ жаба». Самъ ажъ плачетъ: «сукинъ сынъ хохолъ, весь парадъ испортилъ.» Когда вынесли его съ шоссейной дороги въ поле, поставили на ноги, низенькій къ мордѣ кинулся, да другой, высокій, его остановилъ, сталъ спрашивать: Какой человѣкъ, откуда, по какому дѣлу. Записалъ все и говоритъ: — «Ну, поѣзжай теперь прямо домой. Сегодня въ такомъ-то часу идетъ смоленскій поѣздъ. Съ нимъ и поѣзжай, да смотри, чтобы и духу твоего тутъ не пахло. Счастливъ твой Богъ, что дешево отдѣлался»... И отпустили.

Пришелъ Богданъ на постоялый дворъ и думаетъ: хоть я и подалъ прошеніе царю, но квитка у меня опять нѣтъ... Опять «неймутъ мені люде виры». Подумалъ, подумалъ и, вмѣсто смоленскаго вокзала, направился на николаевскій, а на слѣдующее утро былъ въ Петербургѣ, чтобы опять подать въ земельный комитетъ, а если удастся, то и самому великому князю... Можетъ дадутъ и квитокъ...

Въ Петербургѣ опять остановился у попова зятя. Сталъ спрашивать: великаго князя нѣтъ. Пошелъ къ его дворцу. Тамъ нашелся добрый человѣкъ, который сказалъ, что великаго князя дѣйствительно нѣтъ, но ждутъ скоро. А какъ пріѣдетъ, то непремѣнно будетъ въ земельномъ комитетѣ. Вотъ дня черезъ два хозяинъ прочиталъ въ газетахъ: пріѣхалъ. Богданъ опять заготовилъ прошеніе и пошелъ въ земельный комитетъ въ зданіе «мырвитажа» (Эрмитажъ). На лѣстницѣ остановилъ его швейцаръ и спрашиваетъ: что тебѣ, мужикъ, нужно? — Такъ и такъ, говорю, нужно мнѣ въ земельный комитетъ. — Ступай на самый верхъ. — А другой тутъ и говоритъ: смотри, онъ въ царскіе покои затѣшется...

— Да я-жъ, — спасибо ваше благородіе, понимаю: на самый верхъ... — А самого «ажъ кортыть», какъ бы на царскіе покои посмотрѣть. Не дошелъ доверху, гляжу: дверь черной кожей покрыта и мѣдными цвяшками (гвоздиками) утыкана. Перекрестился я, открылъ тихонько. Гляжу: за тою дверью другая, до половины стеклянная. И видно одну комнату, а за ней другую. И въ другой комнатѣ какихъ-то два «члена» (Богданъ часто употреблялъ это почтительное слово). Одинъ сидитъ въ качалкѣ. Другой ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ. Ну, думаю, что будетъ. Не разстрѣляютъ же меня. Выждалъ, какъ тотъ пойдетъ отъ двери въ другую сторону, и сталъ у порога. Пошелъ тотъ назадъ, обернулся, увидѣлъ меня и говоритъ:

— Ба. Тутъ мужикъ стоитъ. — Повернулся

и тотъ, что сидѣлъ, посмотрѣлъ и поманилъ меня пальцемъ. — Что тебѣ, любезный, надо... Въ комитетъ? Такъ это выше, на самый верхъ.

— Выбачайте, говорю, я темный человѣкъ. Не зналъ. — Ну, ничего, ступай. Покажите ему. — Тотъ вывелъ на лѣстницу, показалъ наверхъ. Я радъ, — думаю: вотъ царскіе покои посмотрѣлъ и ничего мнѣ не сдѣлали. Только жаль, поговорилъ мало. Пришелъ въ комитетъ, сталъ спрашивать, куда подать просьбу, а тутъ какъ разъ забѣгали: великій князь пріѣхалъ. Пошелъ черезъ комнаты мимо меня. Я бухъ на колѣни. Великій князь остановился и говоритъ ласково: «Что тебѣ, голубокъ, надо? — Съ прошеніемъ отъ нашей громады по земельному дѣлу. — Давай сюда». Подалъ я прошение, а самъ все на колѣняхъ стою. «Что же тебѣ еще? — Ваше императорское высочество, — отвѣчаю. — Я уже подалъ одно прошеніе въ комитетъ. Да неймутъ наши люде виры... Будьте милостивы, квиточекъ мнѣ». Чиновники такъ на меня смотрятъ, видно, съѣсть хотятъ. А князь засмѣялся, оторвалъ кусокъ бумаги и тутъ же на столѣ написалъ: «такого-то числа прошеніе отъ Федора Богдана принялъ». И подписалъ: Константинъ. Самъ я неграмотный, да послѣ люди читали.

Вышелъ я изъ комитета радый, будто меня на небо взяли. Теперь уже мнѣ люди повѣрятъ, какъ увидятъ квитокъ отъ самого великаго князя. Пришелъ домой, гляжу: а у моего хозяина сидитъ какой-то баринъ. Увидѣлъ меня и спрашиваетъ: «Это онъ самый? — Самый», — отвѣчаетъ хозяинъ. Тотъ и говоритъ:

«Здравствуй, землячокъ. — Здравствуйте и вы», говорю. «Развѣ вы тоже съ нашей стороны?» — «А какъ же», говоритъ, «прямо оттуда и пріѣхалъ, да еще письмо тебѣ привезъ. Пойдешь со мной, такъ я тебѣ и отдамъ. — Вотъ спасибо», говорю. Отозвалъ я хозяина на сторону и говорю ему: «Дайте сколько-нибудь изъ моихъ грошей. Надо земляка угостить». Далъ тотъ денегъ, пошли мы. Хозяинъ жилъ, можетъ знаете, на Садовой улицѣ. Вывелъ онъ меня на Невскій проспектъ, по которому въ царскій дворецъ надо идти. Улица большая... Въ какомъ же, думаю, постояломъ дворѣ онъ тутъ остановился? Спрашиваю, а онъ не отвѣчаетъ, только говоритъ: пойдемъ, узнаешь. Дошли до Морской, гляжу заворачиваетъ мой землякъ. А на Морской канцелярія градоначальника. Я уже зналъ. Тутъ я себѣ думаю: «пришло на тебя, Хведоре, лихо». Сталъ задерживаться да оглядываться. Какъ тутъ навстрѣчу идетъ городовой. Тотъ ему мигнулъ. Городовой повернулся и пошелъ за нами. Тутъ уже я совсѣмъ догадался, а дѣлать нечего: иду. Бумага, что далъ великій князь, такъ у меня за пазухой и горитъ: думаю, — отнимутъ, и опять я безъ квитка останусь. Дошли до воротъ. Стоитъ пожарный въ мѣдной шапкѣ. Мой землякъ свернулъ въ ворота и меня пальцемъ манитъ: иди, голубокъ, иди. А тутъ сзади и городовой въ спину поштурхиваетъ.

Въ канцеляріи чиновники встрѣтили Богдана смѣхомъ: —Что, говорятъ, привелъ таки. Это онъ самый? — Потомъ ввели въ комнату, гдѣ сидѣли два генерала: одинъ градоначальникъ

Треповъ, другой, надо думать, его помощникъ Козловъ.

— Повернулись ко мнѣ. «Ты Хведоръ Богданъ? — Я Хведоръ Богданъ. — Пишетъ вашъ губернаторъ, чтобы прислать тебя на родину, щобъ ты тутъ съ прошеніями нерывся. Успѣлъ подать прошеніе? — Успѣлъ», говорю. «А куда? — Куда было надо», говорю, «туда и подалъ. Министру юстиціи, въ земельный комитетъ... — А еще куда? — Подалъ и великому князю Константину Николаевичу въ собственныя руки...» Треповъ ажъ повернулся. «Врешь», говоритъ. «Когда же ты могъ подать? — Сегодня и подалъ». Тотъ не вѣритъ, а помощникъ тихо говоритъ ему: «Вѣрно, сегодня великій князь былъ въ комитетѣ»... У Трепова ажъ усы торчкомъ встали. «Вотъ сукинъ сынъ хохолъ»... А я думаю себѣ: сказать или не сказать про царя? Ну, что будетъ. «Еще», говорю, «самому царю подалъ». Треповъ повернулся на стулѣ. «Врешь», говоритъ, «царя и въ Петербургѣ нѣтъ». Я, говорю, подалъ въ Москвѣ такого-то числа на Ходынскомъ полѣ у Трухмальныхъ воротъ. Помощникъ говоритъ опять: «вѣрно. Такого-то числа былъ смотръ.» И сталъ тихо говорить Трепову: видите, онъ уже всюду подалъ. Уѣдетъ теперь самъ. — А Треповъ разсердился и отвѣчаетъ: «Что тутъ разсуждать! — Пишетъ губернаторъ, чтобы выслать, такъ надо выслать». — И Федора Богдана выслали по этапу на родину, «чтобъ онъ въ столицѣ съ прошеніями не рылся».

Богданъ разсказывалъ все это по украински, но, какъ человѣкъ уже побывавшій въ Россіи,

онъ отлично примѣнялся къ слушателямъ и всѣ его понимали. Слова начальствующихъ лицъ онъ передавалъ почти чисто по русски, подражая даже интонаціи. Я съ интересомъ слѣдилъ за выраженіемъ мужицкихъ лицъ при этомъ почти волшебномъ разсказѣ о томъ, какъ простой неграмотный мужикъ до царя дошелъ. Когда онъ разсказалъ объ окончаніи его хлопотъ кутузкой и этапомъ, одинъ изъ Санниковыхъ хлопнулъ себя по колѣну и съ досадой крякнулъ.

— Постой, — остановилъ его старшій братъ. — Не все вѣдь еще.

— Чего же тебѣ еще? Чай самъ видишь, — возразилъ тотъ.

— Да вѣдь прошеніе-то подано?

— Ну, подано.

— Въ собственныя руки?..

— Вѣрно... Послухаемъ, что дальше-то.

Разсказъ, дѣйствительно, не былъ конченъ, но и конецъ былъ не радостенъ. Прислали Богдана на родину по этапу вмѣстѣ съ ворами и разбойниками. Но прошенія все таки были поданы. Показалъ Богданъ громадянамъ квитокъ великаго князя. Громадяне оцѣнили его услугу, и сталъ онъ у нихъ первымъ человѣкомъ. Черезъ нѣкоторое время пріѣхалъ въ ихъ мѣстность какой-то «членъ» съ порученіемъ разобрать дѣло и склонить стороны къ миру. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимали его миссію крестьяне. Пріѣхалъ онъ и созываетъ громадянъ въ волость. Сошлись мужики. Членъ и объявилъ, что часть спорной земли должна отойти къ крестьянамъ, часть оста-

нется за помѣщикомъ. И это уже былъ большой успѣхъ, но громадяне, видя что прошенія, поданныя Богданомъ въ собственныя руки, начинаютъ дѣйствовать, — зашумѣли, надѣясь, что теперь и вся земля можетъ отойти къ нимъ. Чиновникъ и говоритъ:

— Нельзя мнѣ говорить заразъ со всѣми вами. Выберите кого-нибудь одного. — Громадяне стали кричать: — Пусть говоритъ Хведоръ Богданъ. Богданъ вышелъ къ чиновнику и говоритъ:

— Когда уже царь прислалъ васъ съ такою милостію, то доложите Государю Императору: общество проситъ, чтобы царь отдалъ намъ всю землю...

Чиновникъ посмотрѣлъ на Богдана и говоритъ:

— А не жирно ли это будетъ? Сможете ли вы платить за всю эту землю?.. — Почему же, — отвѣтилъ Богданъ. — Если сможетъ платить помѣщикъ, то заплотимъ и мы. Онъ царю человѣкъ чужой. Сегодня онъ тутъ, а завтра уѣдетъ себѣ заграницу, — ищи его. А мы — люди царскіе. Никуда не уйдемъ. Всей громадѣ можно лучше повѣрить, чѣмъ одному человѣку. — Люди услышали это и зашумѣли: — «правда, правда. Хорошо говоритъ Хведоръ.» — Чиновникъ осердился.

— Такъ ты вотъ какъ разсуждаешь. Откуда такой умный сыскался. Да ты не тотъ ли Богданъ, что тебя по этапу изъ Петербурга прислали. Такъ я съ тобой и разговаривать не хочу... Давайте мнѣ другого. Выведите его вонъ.

— Незачѣмъ меня выводить. Я и самъ уйду.

Богданъ вышелъ, а за нимъ пошли и всѣ. «Когда не хотите говорить съ нашимъ выборнымъ, то и мы уйдемъ». Сборно — какъ вымело. Остался только чиновникъ, да староста и сотскіе...

Повидимому это было на руку сторонникамъ помѣщика: дѣло было представлено, какъ бунтъ, а Богданъ выставленъ опаснымъ агитаторомъ. И стали съ этихъ поръ за Богданомъ приглядывать. Жилъ онъ въ небольшомъ приселкѣ около большого села. Видно, что полиція за нимъ присматриваетъ, а взять боятся; пять обществъ не шутка, а Богдана добромъ не выдадутъ. Потомъ какъ будто и слѣдить перестали.

Только разъ случилась въ селѣ богатая свадьба. Изъ приселка всѣ ушли смотрѣть на «веселье», и домашніе Богдана тоже ушли. Вдругъ подкатываетъ къ его хатѣ земская тройка, а въ ней — становой и полицейскіе. Вошли въ избу и говорятъ: «собирайся, Богданъ, поѣдемъ». Богданъ не идетъ, тѣ стали брать силой, Богданъ отбивается. И взяли бы непремѣнно, да какъ разъ въ это время мимо приселка изъ церкви ѣхала свадьба, и нѣкоторые изъ поѣзжанъ видятъ: въ пустой улицѣ у хаты Богдана стоитъ тройка и около нея полицейскіе. И опять подозрительные громадяне усумнились. «Эге-ге. Это жъ, видно, нашъ Богданъ уже съ полиціей снюхался. Продалъ громадянское дѣло». И завернули двѣ-три повозки въ улицу, къ Богдановой хатѣ. Видятъ:

волокетъ полиція Богдана, а тотъ не дается. Рубаху на немъ порвали. «Такъ вотъ оно что. Ну, поѣзжайте себѣ, откуда пріѣхали». Посадили станового въ повозку, нахлестали лошадей, — «поѣзжай, покуда цѣлъ». Послѣ этого люди стали зорко присматривать за Богдановой хатой, чтобъ его какъ-нибудь не выкрали. Даже караулы выставляли. А послѣ и опять все затихло. Такъ затихло, что громадяне подумали: можетъ отступились...

Подошла въ Радомыслѣ ярмарка и задумалъ Федоръ сходить на ярмарку. Думаетъ себѣ: на ярмаркѣ же многолюдство, тутъ его взять не осмѣлятся. Да на свою бѣду пошелъ въ такое время, когда весь народъ уже провалилъ. На дорогѣ пусто, народу совсѣмъ мало. И вдругъ видитъ Богданъ: скачетъ тройка. Нагоняетъ его становой и два стражника. «Стой. Тебя намъ и надо. Садись, а то плохо будетъ». Подхватили и повезли въ городъ. Лошади летятъ, какъ птицы. — Пожалѣли бы коней, — говоритъ Богданъ, — долго ли загнать. — А приставъ усмѣхнулся и говоритъ: «Знаю, что тебѣ нужно: чтобъ ваши люди меня остановили, да въ шею наклали. Пошелъ»... И летятъ дальше... За повозкой ажъ пыль столбомъ. Люди сторонятся. Увидятъ, что Богданъ сидитъ между полицейскими, — ударятъ объ полы руками, а догнать уже не могутъ. Привезли стороной къ тюрьмѣ, да тотчасъ же и отправили дальше въ Кіевъ — такъ, въ чемъ былъ, когда собрался на ярмарку... А изъ Кіева скоро погнали съ этапа на этапъ, пока пригнали вотъ сюда...

— Такъ-то, — закончилъ Богданъ печально. — И пошелъ я по тюрьмамъ да по этапамъ... Пока сидѣлъ дома, то думалъ, что и весь порядочный народъ дома, а въ тюрьмахъ только воры да розбишаки. А какъ самого стали гонять изъ тюрьмы въ тюрьму, то показалось мнѣ, что и весь самый лучшій народъ по тюрьмамъ сидитъ...

Административный порядокъ дѣйствовалъ уже во всю. И въ кіевской и въ другихъ тюрьмахъ Богдану пришлось видѣть административно высылаемыхъ безъ суда и слѣдствія... Были тутъ и студенты, и курсистки, были земскіе гласные, былъ даже одинъ предсѣдатель земской управы... И всѣ эти люди, какъ и самъ Богданъ, не совершили никакого преступленія въ обычномъ смыслѣ. Тогда еще террористическія покушенія были рѣдкими явленіями. Эти люди виновны только въ томъ, что хотятъ лучшихъ порядковъ. Теперь Богданъ попалъ на край земли. И тутъ опять видитъ людей крестьянскаго міра, повинныхъ въ томъ, что вѣрили въ царя.

Нѣкоторое время въ избѣ стояло подавленное молчаніе. Первый нарушилъ его, къ моему удивленію, мой хозяинъ Гавря. Онъ слѣзъ съ полатей, прошелъ черезъ избу, сталъ противъ меня и сказалъ своимъ нервнымъ отчетливымъ голосомъ:

— А неладно, слышь, и царь-те дѣлаетъ...

Это былъ, очевидно, выводъ сторонняго наблюдателя...

Трудно описать впечатлѣніе разсказа на ходоковъ. Братья Санниковы были высланы сю-

да изъ Орловскаго уѣзда Вятской губерніи, какъ люди, смутившіе крестьянскій міръ по поводу тяжбы съ лѣснымъ вѣдомствомъ. Ихъ исторія носила, по ихъ разсказамъ, совершенно фантастическій характеръ. Ихъ давнюю коренную землю подъ лѣсомъ захватилъ въ свою пользу «министръ Финляндцевъ». Насколько я могъ понять, это было въ то время, когда удѣльные лѣса причислялись къ министерству финансовъ. Въ лѣсахъ, которые крестьяне считали своими, поставили межевые знаки съ буквами «М. Ф.» («Министерство Финансовъ»). Мужики истолковали это въ томъ смыслѣ, что это какой-то министръ Финлянцевъ позарился на ихъ лѣса и, — своя рука владыка, — захватилъ ихъ въ свою личную пользу. Мужики не соглашались поступиться своимъ добромъ, шумѣли, сопротивлялись. Ихъ усмиряли. Потомъ, — сила солому ломитъ, — міръ весь смирился. «Не дали рукъ» только два брата Санниковы. Ихъ и выслали сюда, въ эту глушь, вдаль отъ семейныхъ. Оба они были уже старики съ бѣлыми бородами. Оба были многосемейные, и жизнь въ ссылкѣ отзывалась на нихъ очень горько. Но они были увѣрены, что торжество злодѣя Финлянцева не можетъ быть полнымъ, пока они, два брата Санниковы, не смирятся и «не дадутъ рукъ». А они рѣшили не смиряться: лучше умереть за міръ въ неволѣ. И они сознательно несли на своихъ старыхъ плечахъ тяготу своего міра.

Орловецъ Кузьминъ оставилъ позади себя какую-то исторію въ томъ же родѣ. Это былъ нестарый человѣкъ, съ лицомъ сильно изъ-

ѣденнымъ оспой и съ странной козлиной бородкой. Лицо его напоминало немного «Анчутку безпятаго» (нѣчто въ родѣ русскаго Мефистофеля), на немъ вѣчно бродила хитрая улыбка, и онъ былъ глубоко увѣренъ, что ихъ дѣло не можетъ не выгорѣть. Они послали ловкихъ людей, которые теперь бродятъ вокругъ царскаго дворца, высматривая только случай, чтобы подать просьбу въ собственныя руки... А для вѣрности, чтобъ этихъ людей не «изымали» и не выслали по этапу, они поѣхали въ столицу съ фальшивыми паспортами... Эту исторію онъ, съ хитрой улыбкой, разсказывалъ мнѣ ранѣе. И вотъ теперь Богданъ разсказываетъ, съ какими хитростями и съ какими усиліями онъ, наконецъ, дошелъ до царя и отдалъ ему въ собственныя руки — «крестьянскую правду»... И вотъ результаты.

Теперь, когда я вспоминаю этотъ день, закопченную избу Гаври Бисерова въ дальнихъ Починкахъ, группу ходоковъ, слушающихъ разсказъ Богдана, и непроизвольную сентенцію Гаври, осудившаго далекаго царя, — мнѣ кажется, точно я присутствовалъ въ тотъ день при незамѣтномъ просачиваніи струйки того наводненія, которое въ наши дни унесло тронъ Романовыхъ. Въ тѣ годы ходоки тучами летѣли въ Петербургъ. Это было цѣлое бытовое явленіе. Они шли къ царю, освободившему народъ, съ надеждой, что онъ на ихъ сторонѣ, что онъ стоитъ за ихъ правду. А отъ министерствъ и отъ сената они получаютъ лишь формальные отвѣты: недостаетъ документа, пропущенъ срокъ обжалованія, статьи такія-

то и такія-то, имъ чуждыя и непонятныя. Конечно, часто представленія этого крестьянскаго міра были совершенно фантастичны, и самому широкому государственному строю порой приходилось бы вступать съ ними въ столкновенія. «Народной правдѣ», вынесенной изъ глубины прошлыхъ вѣковъ, возникшей и сложившейся при другихъ условіяхъ, противустоялъ весь укладъ современной жизни, основанной на началахъ римскаго права. Это была, конечно, трагедія, но разрѣшить ее можно было только пристальнымъ вниманіемъ къ глубокимъ народнымъ запросамъ, широкимъ просвѣщеніемъ и законностью.

Народъ шелъ къ фантастическому царю, измечтанному имъ образу... А въ распоряженіи самодержавія оказался самый легкій и неголоволомкій отвѣтъ: на всѣ крестьянскія дѣла распространено примѣненіе административнаго порядка. Глубокое разногласіе между народными взглядами и формальнымъ правомъ отдано въ руки исправниковъ и жандармовъ. Цари сами разрушали романтическую легенду самодержавія, созданную вѣковой работой народнаго воображенія.

Это конечно мнѣ видно съ такой ясностью теперь... Но и тогда я уже задумывался надъ этимъ явленіемъ и начиналъ сознавать его трагическую сущность.

XCVI

РЕЛИГІЯ БОГДАНА И САННИКОВЫХЪ

Не помню, было ли это въ первый день рождества или въ крещеніе: Богданъ пришелъ ко мнѣ заплаканный. По лицу стараго украинца слезы текли, какъ горохъ. Онъ поздравилъ меня съ праздникомъ и сѣлъ понурясь на лавку. Я понималъ его настроеніе: въ праздникъ онъ долженъ былъ особенно живо чувствовать чужбину. Я сказалъ нѣсколько словъ въ утѣшеніе.

Оказалось, что причина его огорченія не одна. Его хозяева, какъ и мои, работали въ праздникъ, и Богданъ былъ сильно озабоченъ вопросомъ, — проститъ ли его Богъ, что его старыя очи на склонѣ дней видѣли «такое». И онъ сталъ горько жаловаться: что же это за сторона: и люди не люди, и даже малыя дѣти его глубоко возмущали. Мать поставила на печку дежу съ тѣстомъ. Не замѣтила, что тѣсто поднялось и побѣжало черезъ край.

— Такъ что же вы думаете... Дѣти стали хватать сырое тѣсто руками и пихать въ ротъ... Мать прикрикнула на нихъ и одного ударила ложкой... Такъ онъ повернулся и говоритъ: а того-то не хочешь... Такое малое, отъ земли еще не отросло...

Онъ съ ужасомъ повторилъ циничную фразу, сказанную сыномъ матери, и по лицу его опять покатились слезы. Видно уже Богъ проклялъ его, что послалъ въ такую сторону, гдѣ

дѣти такъ отвѣчаютъ родителямъ, а сами родители работаютъ въ такіе праздники.

— Вотъ послушайте меня «стараго чоловіка», — говорилъ онъ съ глубокой увѣренностью, поворачиваясь къ семейнымъ Гаври. — Попробуйте нарочно, — смелите на мельницѣ зерно въ Благовѣщеніе. Послѣ надрѣжьте на деревѣ кору и посыпьте немного этой мукой. Чтобъ мнѣ не увидать родную сторону, чтобъ тутъ у васъ закрылись мои старыя очи, — коли то дерево не усохнетъ... — Онъ сказалъ это съ необыкновеннымъ одушевленіемъ и прибавилъ:

— А вы жъ такой хлѣбъ въ утробу принимаете.

Я постарался успокоить его, какъ могъ, но еще много разъ онъ приходилъ ко мнѣ до глубины души огорченный, разсказывая о случаяхъ новаго нечестья. Ему приходило въ голову, что, быть можетъ, это его несчастная судьба занесла въ такую семью, а въ другихъ этого нѣтъ. Къ несчастью, онъ ошибался: семья, гдѣ его поселили, была не лучше, и не хуже прочихъ. Онъ вздыхалъ и порой плакалъ. Потомъ пришелъ ко мнѣ съ просьбой, чтобы я написалъ ему прошеніе, что не онъ мутилъ односельчанъ, а дѣлалъ это такой-то. Онъ назвалъ какого-то писарчука и очень огорчался, что я отказываюсь писать доносъ хотя бы на врага всего общества. — «Видно уже мнѣ помирать въ этомъ лѣсу и лежать въ грѣшной землѣ»... Онъ отлично помнилъ всѣ праздники и никогда не сбивался. Когда приходили Санниковы, онъ пускался съ ними въ

благочестивыя бесѣды, и они плакали вмѣстѣ.

Санниковы были тоже люди благочестивые. Я сказалъ, что они взялись строить въ Афанасьевскомъ часовню, а пока прислуживали въ церкви за богослуженіемъ и читали апостола. На постройку смотрѣли, какъ на дѣло благочестивое: церковь строить не такъ просто, какъ избу или даже хоромы. Въ своемъ мѣстѣ у нихъ есть пріятель иконописецъ. Тотъ безъ молитвы краски не разведетъ, кисти въ краску не обмокнетъ, угодный человѣкъ. Понимаетъ, что икона иконѣ рознь...

И Санниковъ, пытливо вглядываясь въ мое лицо, разсказалъ мнѣ слѣдующую исторію, доказывающую, какія нынѣ опасныя времена и какъ легко по нынѣшнимъ временамъ незнающему человѣку погубить душу. Везли разъ черезъ ихъ село чудотворную икону Владычицы... Не простая икона: съ земли греческой. Возили ее какіе-то люди тоже не наши: монашки съ лица черномазыя и волосомъ черныя. Глаза, какъ угли, и Владычица на иконѣ на ихнюю же стать, — тоже темноликая. Пріѣхали въ село, стали люди молебны заказывать. Санниковъ тоже вздумалъ помолебствовать, да еще хотѣлъ и общество склонить. Такъ какъ у нихъ тяжба, то надо бы помолиться Владычицѣ объ умягченіи судейскихъ сердецъ. Да пошелъ онъ къ пріятелю иконописцу. Такъ и такъ, — не помолебствовать ли обществомъ? Тотъ его даже за руку схватилъ. — Что ты, что ты, — говоритъ, — не моги и думать! Случилось, — говоритъ, — мнѣ быть въ такомъ-то селѣ, такъ люди сказывали: была

и у нихъ эта икона. Болѣе недѣли стояла. Деньги загребала лопатой. А какъ закончили да собрались уѣзжать изъ села, — закутили, дымъ коромысломъ. Пьянство, блудъ... Стали считаться. Возчикъ деньги требуетъ, а монашка пьяная и говоритъ: какія же тебѣ деньги, когда ты со мной блудъ имѣлъ... Вотъ какая это икона! Теперь, говоритъ, времена пришли антихристовы. Сталъ онъ свои иконы пускать для соблазну. Не знаетъ человѣкъ, — помолебствуетъ, а иной только на нее перекрестится, а ужъ онъ, антихристъ-то, его и записалъ къ себѣ.

— Конечно, мы люди темные, долго ли душу погубить?.. — говорилъ Санниковъ съ скорбнымъ выраженіемъ лица, пытливо вглядываясь въ меня. — Можетъ поэтому иные люди и не крестятся на иконы... Сказываютъ, слышь, и синодскія теперь бываютъ со всячинкой. Всюду онъ свои сѣти запускаетъ...

Разсказъ Санникова заставилъ меня задуматься. Конечно и тутъ было много суевѣрія, но уже одинъ этотъ взглядъ Санникова, полный пытливости и тоски, какимъ онъ смотрѣлъ на меня во время разсказа, — указывалъ ясно на душевное страданіе, связанное для него съ отвлеченными вопросами. Тутъ вопросы религіи уже связывались съ вопросами общей мірской неправды, и это до извѣстной степени дѣлало мнѣ его настроеніе родственнымъ и понятнымъ. И я задумался. Это уже былъ не Гавринъ разговоръ о богахъ. — Какъ мнѣ, въ свою очередь, сдѣлать понятнымъ то, что происходитъ въ моей душѣ. Какъ

указать этимъ людямъ, что вопросы высшей правды живы и у насъ, только живутъ они въ непонятной для нихъ формѣ. Гдѣ же найти общій языкъ, простой и понятный для выраженія общей правды, — безъ лицемѣрія, безъ лжи, безъ «прикидыванія»... И впослѣдствіи много разъ передо мной вставалъ этотъ вопросъ и каждый разъ — мнѣ вспоминались простодушные голубые глаза сѣдого старика, уставившіеся въ меня съ мучительно пытливымъ выраженіемъ...

XCVII

ДѢВКУ ПРИВЕЗЛИ

Какъ-то вечеромъ, на святкахъ семья Гаври уѣзжала бражничать къ богатому починковцу Дураненку. Это былъ тотъ самый хозяинъ, который въ день моего пріѣзда на сходѣ у старосты говорилъ о необходимости «уважить» Фрола-Лавра новой крышей. Его слушали почтительно, и его мнѣніе приняли. Это былъ пожалуй самый зажиточный человѣкъ въ Починкахъ.

Вернулись мои хозяева отъ Дураненковъ поздно и разсказали мнѣ новость: «къ Дураненку привезли дѣвку», тоже ссыльную. Они ее видѣли, и она имъ сказала, что она «по одному дѣлу со мной».

Я плохо спалъ эту ночь отъ нетерпѣнія. «По одному дѣлу со мной»... Можетъ быть

это одна изъ сестеръ Ивановскихъ... На утро, однако, когда проспавшіеся хозяева разсказали подробности, — я убѣдился, что мое предположеніе невѣрно: дѣвушка была свѣтлая блондинка, съ кругло остриженными волосами, «какъ у парня». По одному дѣлу со мной... Я понялъ, что этимъ она хотѣла сказать, что она тоже политическая. По описанію — это была совсѣмъ молоденькая дѣвушка. Какъ она должна чувствовать себя въ этой глуши.

На слѣдующее утро къ Гаврѣ зачѣмъ-то пріѣхалъ молодой парень, — сынъ Дураненка. Онъ дополнилъ разсказы моихъ хозяевъ: «дѣвку привезъ самъ урядникъ и поселилъ у нихъ, сказавъ, что на то есть приказъ самого исправника: поселилъ въ лучшей избѣ, то-есть у Дураненка».

— Ну, — сказалъ я парню: — поклонись вашей новой жилицѣ и скажи, что завтра я приду къ ней.

Парень замахалъ руками. — И-и ни-ни. Не моги приходить! Урядникъ приказалъ, чтобы ссыльныхъ, особливо тебя, не подпускать на сто саженъ къ нашему починку. — «Коли что, говоритъ, — изъ оружья стрѣляйте».

Это было серьезно. Глупый урядникъ, можетъ быть по приказу не умнаго станового или исправника вводилъ совершенно новый мотивъ въ нашу ссыльную жизнь. Разъ уже мнѣ прислали для подписи обязательство «не выходить за черту селенія». Я отвѣтилъ въ шутливомъ тонѣ, что такъ какъ я живу не въ селеніи, то и обязательства не выходить за черту его дать не могу. Теперь это была

попытка прикрѣпить насъ, какъ къ тюрьмѣ, къ предѣламъ даннаго починка. Богъ знаетъ къ чему могла бы повести эта попытка, если бы я ей подчинился. Поэтому я вспыхнулъ и сказалъ парню:

— Ну, когда такъ, — то скажи отцу: завтра я приду къ нему въ гости не одинъ. Позову еще Несецкаго, Лизункова и другихъ ссыльныхъ. Пусть принимаетъ гостей.

Лизунковъ былъ тоже уголовный ссыльный, — человѣкъ загадочный и странный: огромнаго роста, заросшій бородой до самыхъ бровей, съ длинными волосами, которые онъ распускалъ по плечамъ и напускалъ сверху на лобъ. Прошлое его не было никому извѣстно: говорили, что заросль на лбу и на щекахъ скрываетъ клеймо К. А. Т., которое когда-то палачъ ставилъ каленымъ желѣзомъ приговореннымъ на каторгу. Въ его отрывочныхъ разсказахъ порой проскальзывали свѣдѣнія о дальней Сибири. Онъ зналъ, какъ называется китайская водка («дюже крѣпкая: выпьешь съ наперстокъ, — съ ногъ валитъ»), и разсказывалъ, что китайскую лодочку можно унести подъ мышкой... Въ Бога онъ не вѣрилъ и, къ удивленію починковцевъ, любилъ порой кощунствовать, ругая и Бога, и Богородицу, и Николу-чудотворца самыми неприличными словами. Говорилъ онъ медленно, глухимъ голосомъ, и глаза его при этомъ глядѣли тяжело и тускло. Мнѣ казалось, впрочемъ, что эта устрашающая наружность и манеры — были для этого человѣка только оружіемъ въ жизненной борьбѣ, особенно въ Починкахъ, а въ сущности душа у

него была не злая... Я раза два принималъ его у себя, угощая чаемъ, и въ его глазахъ читалъ благодарность и даже преданность. Я былъ увѣренъ, что онъ по первому слову пойдетъ со мной къ Дураненку.

Семья Гаври при моемъ заявленіи смотрѣла на меня съ удивленіемъ и даже нѣкоторымъ страхомъ. До сихъ поръ они считали меня «смирнымъ», а теперь я грожу привести съ собой къ Дураненку ораву ссыльныхъ. Но мнѣ не оставалось ничего другого: я былъ въ лѣсу, среди лѣсныхъ нравовъ и, если я позволю урядннку поставить меня въ зависимость отъ его самодурныхъ приказовъ, то трудно сказать, до чего это могло дойти. Кромѣ того, въ моемъ воображеніи стояла эта бѣдная дѣвушка. Она конечно ждетъ моего посѣщенія среди этихъ лѣсныхъ людей. И я не приду?..

— Ну, такъ вотъ, парень. Такъ и скажи отцу, — повторилъ я твердо. Парень видимо испугался. Онъ уѣхалъ съ озабоченнымъ видомъ, а часа черезъ три явился самъ Дураненокъ. Я, правду сказать, на это и разсчитывалъ, вспоминая свою первую встрѣчу съ бисеровцами. Я былъ почти увѣренъ, что Дураненокъ уступитъ. Несецкаго, Лизункова и другихъ ссыльныхъ я хранилъ, какъ послѣднее средство.

Войдя и покрестившись на иконы, Дураненокъ, плотный, хорошо, даже щегольски по мѣстному одѣтый, солидный мужикъ, поздоровался со мной за руку и сказалъ:

— Тутъ, слышь, Володимеръ, мой паренекъ тебѣ нахлопалъ зрятины... Коли придешь къ

ссыльной нашей, мы тебѣ будемъ рады... Какъ не пустить хорошаго человѣка... Нашъ вотинъ (я говорилъ, что урядникъ былъ родомъ вотякъ) самъ видно ничё не понимаетъ въ дѣлахъ-те.

— Ну, вотъ этакъ-то лучше, — сказалъ я. — Урядникъ вашъ дѣйствительно глупъ и наскажетъ вамъ нивѣсть чего.

— А ты, Володимеръ, бабѣ моей чирки не изладишь ли? Въ чиркахъ ей хушь въ церковь когда ни то съѣздить... — вкрадчиво сказалъ Дураненокъ.

— Достанешь товару... — для чего не изладить, — отвѣтилъ я весело. Для меня стало очевидно, что дѣло обойдется безъ скандала. Глупое притязаніе полиціи было парализовано въ лицѣ самаго вліятельнаго изъ починковцевъ... Его примѣру послѣдуютъ остальные.

На слѣдующій день я пошелъ по льду Камы. Починокъ Дураненка находился верстахъ въ шести отъ Гаври и стоялъ надъ крутымъ берегомъ. Каждый починокъ въ этой обильной лѣсомъ сторонѣ состоитъ изъ двухъ избъ. Одна лѣтняя, другая зимняя. Каждую зиму починковцы непремѣнно морозятъ таракановъ въ зимней избѣ, и на это время семья переходитъ въ лѣтнюю. Остальное время зимы она стоитъ пустая, и теперь въ ней поселилась новая жилица Дураненка. Это оказалась Эвелина Людвиговна Улановская, полька родомъ, но получившая чисто русское воспитаніе и уже прикосновенная къ русской «политикѣ». Въ ея избѣ было опрятно и чисто. На стѣнѣ висѣло католическое распятіе, — благословеніе мате-

ри. На лавкахъ и полкахъ она разложила книги... Дураненокъ разсказалъ мнѣ, что новая моя знакомая «дѣвка бѣдовая». Одинъ изъ зашедшихъ къ нему парней, увидѣвъ дѣвушку, остриженную какъ мальчикъ, позволилъ себѣ съ нею нѣкоторую вольность. Она толкнула его такъ, что онъ упалъ и больно зашибся. Послѣ этого парни держали себя съ нею почтительно. Несмотря на эту видимую бойкость, — я понималъ, что бѣдная дѣвушка въ сущности очень испугана починковской глушью. Узнавъ, что я собираюсь ѣхать въ село Афанасьевское, — она стала упрашивать меня не дѣлать этого. Если еще меня увезутъ отсюда «за нарушеніе циркуляра», — то ей прямо страшно оставаться здѣсь одной.

Сама она была прислана сюда изъ Олонецкой губерніи, мѣста своей первоначальной ссылки, именно за такое преступленіе. Цѣлая колонія политическихъ ссыльныхъ жила въ городѣ Пудожѣ. Въ это время вышелъ приказъ министра вн. дѣлъ Макова о томъ, чтобы ссыльные не отлучались за черту города или села. Въ видѣ протеста противъ этого циркуляра пудожскіе ссыльные рѣшили цѣлой компаніей отправиться за городъ, за грибами. Узнавъ объ этомъ, мѣстный исправникъ снарядилъ въ погоню цѣлую команду. Помнится, эта исторія была въ юмористическомъ тонѣ описана въ одной изъ столичныхъ газетъ, за что газета, кажется, получила предостереженіе. Произошло чисто опереточное столкновеніе съ инвалидной командой, причемъ ссыльные, преимущественно молодыя дѣвушки, кидали въ команду грибами,

которые успѣли набрать до столкновенія. Ихъ все таки взяли въ плѣнъ, насильно усадили въ лодки, а мужиковъ изъ сосѣдней деревни заставили лямкой тащить эту преступную молодежь въ городъ. Въ результатѣ нѣсколько зачинщиковъ и зачинщицъ этого «грибного бунта» (такъ и былъ извѣстенъ этотъ эпизодъ среди ссыльныхъ), — были разосланы въ разныя глухія мѣста съ особой инструкціей мѣстному начальству. Улановская, какъ особенно неугомонная, попала въ починки.

Дослушавъ эту интересную исторію, я невольно засмѣялся. Особенно интересной показалась мнѣ роль тѣхъ пригородныхъ мужиковъ, которымъ выпало на долю, по приказу начальства, тащить лямкой своихъ заступниковъ въ тюрьму. Молодая дѣвушка презрительно улыбнулась.

— Вы кощунствуете, называя этихъ людей народомъ, — сказала она...

Еще недавно я, пожалуй, сказалъ бы то же. Конечно, — ни тѣхъ мужиковъ, ни нашихъ починковцевъ нельзя было назвать «народомъ». Но... что же слѣдуетъ считать «народомъ» въ истинномъ значеніи этого слова... Гдѣ искать его истиннаго мнѣнія, его взглядовъ, его надеждъ... И есть ли, подлинно, такое уже сложившееся народное мнѣніе? И гдѣ та грань, которая отдѣляетъ подлиповца отъ «истиннаго народа». Всѣ эти вопросы хотя еще не вполнѣ опредѣленно, бродили тогда въ моемъ умѣ и воображеніи. И, помню, я подѣлился тогда ими съ моей новой знакомой.

Она со слезами на глазахъ упрашивала меня

не ѣздить «самовольно» въ село, предчувствуя, что и для меня это можетъ кончиться новой высылкой. Читатель увидить, что это предчувствіе впослѣдствіи оправдалось. Боязнь молодой дѣвушки меня трогала, но я не хотѣлъ и пожалуй не могъ отказаться отъ поѣздки. Я уже говорилъ, что губернаторъ Тройницкій по внушенію исправника отказалъ мнѣ въ законномъ пособіи, указавъ, что я могу получать средства «отъ родныхъ». На это я опять написалъ жалобу министру, въ которой напомнилъ, что, какъ это министру извѣстно, — меня, брата, зятя и двоюроднаго брата, то-есть всѣхъ мущинъ семьи — безъ суда и слѣдствія разослали въ разныя мѣста, оставивъ однѣхъ женщинъ безъ всякихъ средствъ. Въ виду этого, — писалъ я, — нынѣшній отказъ вятскаго губернатора въ законномъ пособіи и особенно мотивировку этого отказа я не могу считать ничѣмъ инымъ, какъ совершенно неумѣстнымъ издѣвательствомъ. Эта новая язвительная жалоба пошла въ Петербургъ и впослѣдствіи, еще въ Починкахъ, я получилъ пособіе. Но въ то время дѣло еще не было рѣшено, и я долженъ былъ разсчитывать исключительно на свою сапожную работу. Между тѣмъ товаръ у меня весь вышелъ, и единственная возможность добыть его состояла въ поѣздкѣ.

Черезъ нѣсколько дней я дѣйствительно съѣздилъ въ село, повидалъ тамъ описанныхъ во второмъ томѣ ссыльныхъ, увидѣлъ еще пріѣзжавшихъ къ Іерихонскому конспиративно крестьянъ, поговорилъ съ Митріенкомъ о приходившихъ къ нему лѣшакахъ и, запасшись

нѣкоторымъ количествомъ очень плохого товара, благополучно вернулся и — забылъ объ этой поѣздкѣ.

Послѣдствія ея мнѣ придется описать дальше.

XCVIII

ГОСПОДИНЪ УРЯДНИКЪ

Черезъ нѣсколько дней, выйдя еще до зари на крыльцо Гаврина починка, я увидѣлъ на полянѣ за Старицей фантастическое зрѣлище: по темнымъ полямъ и перелѣскамъ мчались верховые съ факелами, или вѣрнѣе съ пучками лучины, очевидно кому-то освѣщавшіе дорогу. Въ самой серединѣ этой свѣтящейся кавалькады можно было разглядѣть сани, запряженныя цугомъ, а въ саняхъ виднѣлась одинокая грузная фигура.

Я подумалъ, что это какое-нибудь важное начальство рѣшило осмотрѣть, наконецъ, починки, куда теперь стали высылать политическихъ и даже дѣвушекъ. Но это оказался только урядникъ.

Онъ остановился въ одномъ изъ починокъ, верстахъ въ полуторыхъ отъ Гаври, и я рѣшилъ отправиться къ нему, чтобы передать ему заранѣе заготовленныя письма.

Проѣхавъ полторы версты на гавриной неосѣдланной лошади, я вошелъ въ избу. Урядникъ былъ уже въ новой формѣ, наконецъ по-

лученной, очевидно, изъ города, и это придавало ему необыкновенную важность. Онъ сидѣлъ развалясь одинъ за столомъ, на которомъ стоялъ ковшъ браги, раскупоренная бутылка водки и разная снѣдь. На лавкахъ, на почтительномъ разстояніи отъ важнаго начальства, сидѣли починковцы, среди которыхъ я замѣтилъ и старосту Ивана Молосненка. Урядникъ едва кивнулъ мнѣ головою и растопырилъ руки, стараясь занять для важности какъ можно больше мѣста за столомъ. Онъ былъ уже замѣтно выпивши. Я подошелъ къ столу и, бросивъ письма, сказалъ рѣшительнымъ тономъ:

— Передайте становому для дальнѣйшей пересылки.

Урядникъ важно сталъ вынимать одно письмо изъ конверта. Я посмотрѣлъ на его руки и сказалъ спокойно:

— Вы не имѣете никакого права контролировать мою переписку. Это дѣло исправника. Ваше дѣло — только переслать письма. Помните это.

Урядникъ смутился. Рука его какъ-то заерзала, но онъ тотчасъ же пугливо спряталъ письмо въ лежавшую около него сумку. Урокъ при мужикахъ былъ ему видимо непріятенъ. Онъ еще больше развалился и спросилъ грубо:

— У дѣвки уже побывали?

— У какой это дѣвки? — спросилъ я.

— У ссыльной, что поселена у Дураненка.

— У Эвелины Людвиговны Улановской, хотите вы сказать... Былъ...

— Разъ были... И два были?

— И десять разъ былъ и еще буду много разъ.

Мужики насторожились. Урядникъ встрепенулся, какъ ужаленный, и повернулся къ старостѣ...

— Ты не обязанъ пущать. Не пущай.

Староста, рослый мужикъ, посмотрѣлъ задумчиво вопросительнымъ взглядомъ на урядника и на меня. Я чувствовалъ, что долженъ во что бы то ни стало разрушить это нерѣшительное настроеніе и поэтому, улыбаясь, сказалъ:

— Ты, староста, спроси теперь же у урядника, — какъ тебѣ меня не пускать, когда я все таки пойду. Силой, что ли?

— Силомъ не пущай! Чтобы ни отнюдь, нини! На сто сажонъ чтобы никто изъ ссыльныхъ не смѣлъ подходить.

— Хорошо, — сказалъ я, все такъ же улыбаясь, и повернулся къ мужикамъ: — всѣ вы слышали, что урядникъ сказалъ старостѣ. Это незаконно. Я ходить все таки буду, а если у насъ съ старостой что-нибудь выйдетъ нехорошее, — вы свидѣтели, что это приказалъ урядникъ.

Мой спокойный тонъ видимо испугалъ урядника. Онъ стукнулъ кулакомъ по столу и торопливо крикнулъ старостѣ:

— Ни-ни! Не моги!.. Пальцемъ не моги тронуть!

И староста, и мужики посмотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Я догадался: урядникъ вспомнилъ о моемъ дворянскомъ званіи, которое

значилось въ бумагахъ. Я рѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и сказалъ:

— Вы, урядникъ, не знаете своего дѣла и только сбиваете людей съ толку. Слушай, староста, я тебѣ объясню то, что не умѣетъ объяснить урядникъ. Ни не пущать меня силой, ни драться со мною ты не обязанъ. Ты можешь только узнавать при случаѣ, куда я хожу и, когда пріѣдетъ урядникъ, — сказать ему.

— Вѣр-рно! — сказалъ урядникъ, съ удовольствіемъ подтвердивъ восклицаніе ударомъ кулака по столу. — Обязанъ донести мнѣ... А самъ не моги тронуть пальцемъ. Другихъ ссыльныхъ бей въ мою голову.

— И это опять невѣрно, — сказалъ я. — Никого вы тутъ не можете бить. Это самоуправство. Вы можете унять въ случаѣ буйства, и пожаловаться... Но сами расправляться не имѣете права. За это отвѣтите.

— Вѣр-рно, — опять, хотя и не столь рѣшительно подтвердилъ урядникъ.

— Ну, вотъ, — запомните, что говорилъ урядникъ раньше и что говоритъ теперь. А пока прощайте.

И, попрощавшись со старостой и мужиками, я вышелъ.

На дворѣ свѣтало. Когда я подъѣзжалъ къ Гаврину починочку, — поѣздъ урядника двинулся еще куда-то. И опять его сопровождали верховые съ зажженной лучиной, хотя въ этомъ не было теперь ни малѣйшей надобности.

Я былъ доволенъ этимъ эпизодомъ: бисеровцы убѣдились въ томъ, что ихъ вотинъ не имѣетъ понятія «о дѣлахъ», и не станутъ такъ слѣпо исполнять его распоряженія. Но, припомнивъ весь разговоръ съ этимъ «начальникомъ», я невольно улыбнулся. Что дѣлалъ я сейчасъ въ этой избѣ, наполненной темными бисеровцами. Я, человѣкъ, настроенный революціонно, — разъяснялъ имъ азбуку законности. Впослѣдствіи много разъ я имѣлъ случай замѣтить, что людей, апеллирующихъ къ законности и особенно разъясняющихъ ее простому народу, — наша администрація всякаго вида и ранга считала самыми опасными революціонерами. Такимъ меня, очевидно, считала теперь вся вятская администрація, начиная съ этого урядника и кончая губернаторомъ...

И до самой старости меня проводила та же репутація опаснаго агитатора и революціонера, хотя я всю жизнь только и дѣлалъ, что взывалъ къ законности и праву для всѣхъ, указывая наиболѣе яркіе случаи его нарушенія. И можетъ быть, — это инстинктивное отвращеніе людей самодержавія было основательно: около этой оси наша жизнь могла еще повернуться и стать на другой путь. Но въ концѣ концовъ онъ все таки долженъ былъ привести къ упраздненію самодержавія.

Не могу сказать точно, чтобы всѣ эти мысли такъ ясно, какъ теперь, стояли уже въ моей головѣ въ то время, когда я пробирался на неосѣдланной лошади въ утреннія зимнія сумерки къ починку Гаври. Помню только чувство удовлетворенія, которое я уносилъ съ собой въ это

утро: мужики такъ легко усвоили мою точку зрѣнія. Я зналъ, что урядникъ не проститъ мнѣ этого урока, но зналъ также, что его слова теперь потеряли силу. Дѣйствительно, дня черезъ два молодой парень изъ семьи Микеши, у котораго жилъ Федотъ Лазаревъ, разсказалъ мнѣ, что урядникъ собралъ нѣсколько мужиковъ въ одномъ починкѣ и сталъ имъ говорить, что я — человѣкъ опасный и что меня надо остерегаться. По нѣкоторымъ чертамъ этой «политической рѣчи» я узналъ отголоски маковскаго циркуляра, о которомъ говорилъ выше. Очевидно идеи мин. внутреннихъ дѣлъ прошли черезъ головы исправниковъ и становыхъ и дошли до урядника, который тоже говорилъ, что вотъ я не пьянствую, не скандалю, и что это-то и есть «опасность». Политика оказалась тонкой для пониманія бисеровцевъ. Молодой крестьянинъ передавалъ слова урядника съ насмѣшкой, какъ доказательство полной несообразности вотина. Когда онъ кончилъ, одинъ изъ мужиковъ отвѣтилъ простодушно:

— Чего опасный!.. А по нашему такъ: хучь спи съ нимъ, ничего тебѣ не сдѣлаетъ... Что его беречься!..

Конечно, если этотъ результатъ сталъ извѣстенъ высшей вятской администраціи, то это могло ей внушить идею о томъ, что мое вредное вліяніе уже укоренилось въ Починкахъ и что это, въ свою очередь, угрожаетъ прочности россійскаго престола...

Впослѣдствіи, когда я уже уѣхалъ изъ Починковъ, братъ мнѣ писалъ, что мужики все-

таки избили до полусмерти Лизункова. Очевидно агитація урядника послѣ моего отъѣзда стала все таки оказывать свое дѣйствіе, и я пожалѣлъ, что въ свое время не обратилъ на нее больше вниманія.

XCIX

ИСКОРКИ

Читатель видитъ, что я въ это время очутился дѣйствительно на самомъ днѣ народной жизни, но нашелъ на этомъ днѣ только... подлиповцевъ. Мнѣ все чаще и чаще вспоминался теперь забытый нынѣ писатель Рѣшетниковъ, нарисовавшій когда-то поразительныя по реализму и правдѣ картины народной темноты и некультурности. Невдалекѣ отъ Починковъ за Камой проходила граница Чердынскаго уѣзда, родины рѣшетниковскихъ Пимы и Сысойки, и мнѣ порой казалось, что Рѣшетниковъ писалъ своихъ подлиповцевъ съ нынѣшнихъ моихъ сосѣдей.

Все здѣсь, начиная съ языка, указывало на обѣдненіе культуры и регрессъ. Языкъ починковца отличался мѣстными особенностями нашего сѣверо-востока и Сибири. Здѣсь, напримѣръ, говорили «съ имя́», вмѣсто съ ними. Но нѣкоторыя выраженія я встрѣчалъ только въ Починкахъ и вообще въ Бисеровской волости. Было тутъ слово «то оно». Починковецъ прибѣгалъ къ нему каждый разъ, когда ему не

хватало подходящаго слова, а случалось это постоянно, точно въ самомъ дѣлѣ русскій языкъ въ этихъ дебряхъ оскудѣлъ. «То-оно» означало что угодно, и слушатель долженъ былъ самъ догадываться, о чемъ можетъ идти рѣчь. Это было нѣчто въ родѣ существительнаго, общаго и смутнаго, пригоднаго для любого понятія и точно не выражающее никакого. Починковцы сдѣлали изъ него и глаголъ — «то онать». — Мамка, скажи Ондрійку... Пошто онъ тоонаетъ!» — жаловался одинъ парень на другого, и мать понимала только, что между парнями возникло неудовольствіе. Такое же неопредѣленное значеніе имѣло слово «дѣкаться». Я истолковалъ его себѣ въ смыслѣ быть гдѣ-то, возиться съ чѣмъ-то... «Долго дѣкается парень», — это означало, что парень отсутствуетъ неизвѣстно гдѣ и неизвѣстно что дѣлаетъ.

Вообще нашъ языкъ, богатый и красивый, въ этихъ трущобахъ терялъ точность, опредѣленность, обезцвѣчивался и тускнѣлъ. Отражалось, очевидно, обѣдненіе сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Порой однако на бѣдномъ фонѣ вспыхивали искорки и судьба дарила меня пріятными неожиданностями. Правда, что по большей части это вспыхивало прошлое. Однажды въ знакомой семьѣ мнѣ указали дѣвушку, полуребенка. Она пришла нарочно, чтобы повидать меня, грамотея съ дальной стороны, читавшаго занятныя книжки. Про нее мнѣ сказали, что она умѣетъ «сказывать» и безъ книжекъ. Нѣкоторое время послѣ моего прихода она сидѣла на лавкѣ въ дальнемъ

углу, и оттуда на меня поблескивали ея большіе черные глаза съ наивнымъ любопытствомъ. Когда же ее вызвали ко мнѣ, она держала себя очень застѣнчиво и робко, какъ будто раскаиваясь въ своей смѣлости и стараясь стушеваться. Но когда я показалъ ей принесенную съ собой книжку съ картинками и обѣщалъ прочитать сказку, она оживилась, сѣла на лавку на виду, ее окружили любопытные слушатели, и она начала «сказывать». Я очень жалѣлъ, что не могъ срисовать ее. Черты ея смуглаго лица были необыкновенно тонки и красивы, а глаза сразу загорѣлись какимъ-то внутреннимъ одушевленіемъ. Къ сожалѣнію, я теперь не помню «стариннаго сказа» или былины, которую она сказывала ровнымъ пѣвучимъ голосомъ, точно прислушиваясь къ чему-то. Вполнѣ ли она понимала все, что запало ей въ душу изъ такихъ же разсказовъ какой-нибудь старой бабушки. Едва ли... На нее смотрѣли, ее слушали съ удивленіемъ, и кажется она сама такъ же удивлялась голосамъ старины, говорившей ея устами. Когда я, исполняя обѣщаніе, сталъ въ свою очередь читать одну изъ народныхъ сказокъ Пушкина и спросилъ ее: «все ли ей понятно», — она отвѣтила скороговоркой; «гдѣ, поди, понять-то» и тотчасъ же жадно подхватила: «Читай, ино, читай дальше». Мое чтеніе было плоско и блѣдно сравнительно съ ея сказомъ, но я видѣлъ, что она жадно ловитъ и каждое слово, и ритмъ пушкинскаго стиха, непроизвольно откладывая ихъ въ памяти. Потомъ, когда я уже говорилъ съ другими, ея глаза смотрѣли мечтательно

и губы шевелились: можетъ быть она затверживала пушкинскіе стихи.

На меня это свиданіе произвело сильное впечатлѣніе. Многое уже исчезло изъ новгородскаго эпоса, и вотъ — я присутствую въ глуши этихъ лѣсовъ при внезапномъ пробужденіи умершаго прошлаго...

Послѣ этого я сталъ замѣчать и другія искорки такой же непосредственной даровитости, хотя и не такія яркія, рождающіяся и умирающія въ глухомъ лѣсу. Можетъ быть читателя удивитъ, когда я скажу, что одну изъ такихъ искорокъ я замѣтилъ въ «непросужемъ» и малосимпатичномъ Гаврѣ Бисеровѣ. А между тѣмъ, именно своимъ природнымъ талантомъ онъ привелъ меня въ восторженное настроеніе въ первый мой починковскій вечеръ. Впослѣдствіи я понялъ, что восхитившая меня рѣчь принадлежала не лично Гаврѣ Бисерову. Такъ встрѣчали пришельцевъ цѣлыя поколѣнія его предковъ. У Гаври былъ природный даръ, — схватывать и откладывать въ памяти слова ритуала на всѣ жизненные случаи. И слова, и всѣ пріемы. Однажды въ Починки заѣхалъ прасолъ, пронюхивавшій нельзя ли здѣсь дѣлать выгодныя дѣла со скотиной. Гавря, очевидно, не имѣлъ въ виду продавать ему скотину, но все же сталъ торговаться, чтобы щегольнуть передо мной, новымъ человѣкомъ, своимъ умѣніемъ. Прасолъ былъ видимо тоже артистъ своего дѣла и не отказался отъ вызова. Я былъ изумленъ необыкновеннымъ богатствомъ образовъ, красотой и мѣткостью выраженій этого словеснаго турнира.

Замѣтивъ, съ какимъ интересомъ я слѣдилъ за нимъ, Гавря былъ очень доволенъ, -- «Отечь у меня вотъ мастеръ былъ торговаться», — сказалъ онъ съ довольной улыбкой. Я не узналъ Гаврю: лицо его оживилось, маленькіе глазки сверкали. Очевидно, у него была чрезвычайно острая память и, такъ же, какъ въ умѣ сказочницы непроизвольно запечатлѣвались несовсѣмъ понятныя слова старинныхъ былинъ, — Гавря сохранялъ въ памяти все, что имѣло характеръ ритуала на разные случаи. Языкъ починковца, въ обычномъ обиходѣ бѣдный и однообразный, въ такихъ случаяхъ у Гаври расцвѣчивался особымъ богатствомъ и яркостью, вспыхивая совершенно неожиданными огнями.

И опять я началъ понимать, что это говоритъ прошлое. Жизнь даетъ мало впечатлѣній и свѣдѣній. Ея новизна и разнообразіе совершенно чужды починковцу и, конечно, я не могъ получить ничего въ своихъ поискахъ народнаго отклика на наши интеллигентные запросы. Но — тѣмъ интереснѣе было мнѣ замѣчать эти проблески непосредственной природной даровитости, сохранившіеся въ глухихъ лѣсахъ, вдали отъ внѣшнихъ вліяній.

С

ТРАГЕДІЯ ЛѢСНОЙ ГЛУШИ — КАКЪ МЕНЯ ПОБѢДИЛА ЛѢСНАЯ НЕ́ЧИСТЬ

Одной изъ яркихъ самородныхъ искорокъ казался мнѣ тотъ самый староста Яковъ Молосненокъ, которому урядникъ старался внушить всякія строгости по отношенію къ ссыльнымъ. Исторія его и его семьи внушала починковцамъ почти суевѣрное удивленіе. Ефимъ Молосный, его отецъ, былъ теперь красивый сѣдой старикъ, какъ будто навсегда чѣмъ-то придавленный въ прошломъ. Ефимиха тоже была повидимому когда-то очень красива, но теперь вся какъ-то высохла, и только прекрасные глубокіе черные глаза обращали невольное вниманіе. Семья одно время сильно бѣдствовала. Ефиму и его бабѣ приходилось даже побираться. Они часто въ тѣ времена просили у другихъ починковцевъ «молочка для дѣтокъ», — отчего ихъ и прозвали «Молосными». Всѣ думали, что семья эта уже никогда не подымется; къ ихъ старости у нихъ выросталъ одинъ работникъ, сынъ Яковъ. Хозяйство пришло въ полный упадокъ, а два младшихъ сына были «килачи», то-есть страдали грыжей, и значитъ оба были не работники. Казалось, что одному Якову не справиться. Семья такъ и захирѣетъ въ бѣдности и недостаткахъ.

На дѣлѣ вышло другое. Яковъ оказался необыкновенно удачливъ. Все спорилось у него въ рукахъ на диво, спорилось такъ, что на сосѣдей его удачи производили впечатлѣніе чу-

да. Онъ сталъ отличнымъ плотникомъ: топоръ ходилъ у него въ рукахъ какъ-то особенно ловко. Не довольствуясь плотничествомъ и пашней, онъ брался и за другія дѣла, и между прочимъ выучился красить узорныя дуги и подумывалъ даже объ иконахъ. Дуги эти онъ мнѣ показывалъ: узоръ ихъ былъ мелкій, довольно пестрый и своеобразный. Очевидно, не довольный ходячими образцами, онъ старался придумать что-то свое. Узнавъ, что я умѣю рисовать, онъ нарочно приходилъ ко мнѣ, чтобы распросить, что нужно для живописнаго дѣла. Въ нѣсколько лѣтъ, когда Яковъ вошелъ въ полную рабочую силу, — положеніе семьи совершенно измѣнилось. Теперь у Молосныхъ на берегу Камы стояла новая изба изъ свѣжаго лѣса, съ обширными пристройками, разными узорными коньками и оконницами, просторная, свѣтлая и бѣлая (то-есть съ печной трубой). О томъ времени, когда старики выпрашивали молочишка, сохранились лишь воспоминанія. Только благодушное лицо старика Ефима отражало на себѣ тяжелое прошлое, а глаза старухи все хранили выраженіе застарѣлой горечи.

Между прочимъ, разсказывая о лѣшакахъ и прочей лѣсной нежити, — мнѣ какъ-то передали, что на заводяхъ лѣтомъ водятся еще русалки, которыя расчесываютъ надъ водой косы, и что ихъ видѣлъ, когда былъ мальчикомъ, Яковъ Молосненокъ. Разсказывали, впрочемъ, сдержанно, какъ будто чего-то не договаривая. А не договаривали того, что Яковъ — колдунъ и знается съ нечистой силой.

Все это интересовало меня все болѣе и болѣе. Я представлялъ себѣ этого человѣка съ сильно развитымъ воображеніемъ и художественными задатками, глохнувшими въ дикомъ лѣсу. Онъ краситъ дуги, распрашиваетъ о живописи, видитъ въ дѣтствѣ на заводяхъ чудесныхъ русалокъ... И я сталъ искать случая сблизиться съ Яковомъ Молосненкомъ и поговорить съ нимъ подробно.

Но это оказалось не легко. Яковъ — былъ рослый молодецъ съ широкими плечами, но нѣсколько впалой грудью и не совсѣмъ здоровымъ цвѣтомъ лица. Глаза у него были особенные: взглядъ ихъ, нѣсколько тусклый въ обычное время, производилъ впечатлѣніе какой-то настороженности и углубленія. Потомъ, стараясь объяснить себѣ впечатлѣніе этихъ глазъ, я сказалъ себѣ, что взглядъ ихъ былъ какъ будто двойной: точно на васъ смотрѣли этими глазами два человѣка. Одинъ велъ обычные, довольно тусклые разговоры съ недоумѣніями, и колебаніями: господинъ урядникъ приказалъ то-то, или изъ волости пришелъ розсылка, принесъ такой-то приказъ, и онъ не знаетъ, какъ съ этимъ быть... И все время изъ-за его обычнаго взгляда проблескивалъ мерцающе и смутно другой, настороженный, чутко притаившійся и тоскующій.

Мнѣ придется разсказать, какъ эта искорка, загорѣвшаяся въ глухомъ лѣсу, погасла. Если бы я писалъ художественный очеркъ, то тема была бы очень благодарная. И даже теперь художникъ во мнѣ подвергаетъ искушенію бытописателя. Все это могло бы выйти такъ

красиво: глухой лѣсъ, говорящій голосами лѣсныхъ призраковъ, художественная натура, неудовлетворенная и тоскующая о чемъ-то красивомъ и лучшемъ и поэтому не пріемлющая того, что даетъ эта лѣсная жизнь. И затѣмъ — ея гибель. Такъ соблазнительно устранить случайныя черты, слишкомъ реальныя, чтобы быть красивыми.

Но — я пишу только то, что видѣлъ самъ и что испыталъ среди этихъ лѣсныхъ людей. Поэтому буду разсказывать лишь такъ, какъ видѣлъ.

Началось это очень прозаически — съ пріѣзда урядника въ тотъ разъ, когда я говорилъ съ нимъ въ починкѣ гаврина сосѣда. Урядникъ объѣхалъ много починковъ позажиточнѣе и всюду его угощали. А такъ какъ староста всюду его сопровождалъ, то угощался и онъ. Въ одномъ починкѣ была пасѣка, и хозяинъ угостилъ почетную компанію одновременно брагой и медомъ. Яковъ Молосненокъ страдалъ очевидно старымъ катарромъ желудка, и его послѣ угощенія сразу «схватило». Какъ-то съ утра съ этимъ извѣстіемъ явился ко мнѣ отецъ Якова, старикъ Ефимъ Молосный. Лицо его носило слѣды всегдашней спокойной скорби. Онъ обратился ко мнѣ, какъ къ предполагаемому лѣкарю.

— Помоги ты намъ, Володимеръ. Болѣе не къ кому, инò къ тебѣ...

— Да вѣдь я не лѣкарь, лѣкарствъ никакихъ не знаю, да и лѣчить не умѣю.

Онъ смотрѣлъ на меня своими круглыми глазами и говорилъ съ тоскою:

— Нѣтъ ужъ, Володимеръ, Христомъ Богомъ прошу, — поѣзжай ты со мной. Самъ вотъ какъ проситъ: привези ты, баетъ, чужедальнаго человѣка. Коли онъ не поможетъ, — смерть моя.

Въ то время ко мнѣ подошли Гавря и Лукерья. Ихъ дочь была замужемъ за Яковомъ Молосненкомъ. Лукерья смотрѣла на меня такимъ взглядомъ, что я тотчасъ же сдался, хотя меня и удивляло немного, что они придаютъ такое значеніе простому несваренію желудка отъ меду и браги.

— Зельё-то у насъ есть, — прибавилъ повеселѣвшій старикъ. Лѣтось баба начальница проѣзжала, зельё у насъ оставила. Поѣду, баетъ, назадъ, — захвачу. Да вишь проѣхала на Феклистятъ, а зелье и бросила. Баба моя мекаетъ, — какое зелье ему дать... Ты можетъ лучше знаешь...

Я подумалъ, что если среди этихъ лѣкарствъ («зелья») найдется касторовое масло, то я могу оказаться полезнымъ. Мы поѣхали со старикомъ. Съ нами поѣхалъ на своихъ дровнишкахъ и Гавря.

При нашемъ пріѣздѣ Яковъ сошелъ съ полатей, одѣтый въ валенкахъ и тепломъ полушубкѣ. Когда онъ тяжело привалился къ стѣнкѣ голубца, мнѣ показалось, что стѣнка провалится подъ напоромъ этого огромнаго тѣла. Шея у него была обвязана бабьими платками. Онъ встрѣтилъ меня своимъ двойственнымъ взглядомъ, въ которомъ мнѣ видѣлась сдержанная надежда. Старуха мать сидѣла за столомъ и разглядывала на свѣтъ пузырьки съ

лѣкарствомъ. Лицо у нея было озабочено и печально.

— Погляди-ко-ся, Володимеръ, какѝ-бы зелье дать ему. Не вотъ это ли?

Она показала что-то совсѣмъ не подходящее. Я просмотрѣлъ пузырьки. Касторoваго масла не было.

— Не годится, баешь, — сказала бѣдная старуха, опуская руки на колѣни. — Чё дѣлать-то намъ, чё дѣлать?..

И она посмотрѣла на меня своимъ скорбнымъ взглядомъ, въ которомъ виднѣлся испугъ. Больной сидѣлъ на лавкѣ, опустивъ голову. У него былъ прежде ознобъ, теперь жаръ. Я подошелъ къ больному, пощупалъ голову, велѣлъ показать языкъ. Голова горѣла. Языкъ былъ обложенъ.

Къ сожалѣнію, этими пріемами изслѣдованія ограничивались всѣ мои медицинскія познанія. Самъ я съ дѣтства былъ очень здоровъ, лѣчили насъ рѣдко, обходясь липовымъ цвѣтомъ, завязываніемъ горла чулкомъ и только иной разъ касторкой.

Я сообразилъ, что и тутъ безъ касторки не обойдешься. Гдѣ же взять ее? Я вспомнилъ объ Улановской. До ссылки она училась на фельдшерскихъ курсахъ, и можетъ быть у нея есть домашняя аптечка. И я отправился верхомъ за три версты въ починокъ Дураненка. Поговоривъ съ Улановской, которая — увы — знала немного болѣе меня, я узналъ еще одно средство: мыльныя свѣчки — и съ этими свѣдѣніями, а также съ небольшимъ количествомъ касторки отправился опять къ Молоснымъ, гдѣ

далъ больному слабительное. Онъ подчинялся всему покорно, но съ какимъ-то безнадежнымъ видомъ. Когда я наливалъ касторку въ деревянную ложку, — вся семья смотрѣла на меня, точно я совершалъ священнодѣйствіе. Испугъ по поводу пустой на мой взглядъ болѣзни по прежнему чувствовался во всей семьѣ. Килачи смотрѣли на меня, разинувъ ротъ. Дочь-подростокъ съ такими же выразительными глазами, какъ у матери, заглядывала изъ-за ихъ спинъ съ видомъ испуга и надежды. Я чувствовалъ себя въ роли благодѣтельнаго волшебника.

Когда я возвращался отъ Улановской, были уже сумерки. Вдоль Камы несло легкимъ снѣгомъ, и мглистыя тучи покрывали звѣзды... Въ избѣ теперь слышалось порывами легкое шипѣніе метели...

Больного попрежнему то прошибалъ потъ, то знобило такъ, что у него стучали зубы.

Выпивъ, не поморщившись, противное лѣкарство, онъ задержалъ меня въ своемъ углу на лавкѣ подъ полатями. Въ этомъ углу было темно, такъ какъ полати нависали надъ головами. Тутъ уже была приготовлена постель. Я немного удивился, что ее устроили внизу, а не на печи или на полатяхъ, гдѣ было теплѣе. Въ это время старуха выслала семейныхъ на дворъ съ разными порученіями. Старикъ лежалъ на печи. Казалось, я остался наединѣ съ больнымъ. Онъ посмотрѣлъ на меня своимъ страннымъ взглядомъ и сказалъ:

— Побаять я съ тобой хочу...

Онъ потупился, посидѣлъ нѣкоторое время молча и потомъ спросилъ глухо:

— Помогетъ ли, слышь, зелье-то твое?

— Поможетъ, поможетъ, Яковъ. Да и болѣзнь-то твоя совсѣмъ пустая...

— Пустая, говоришь... Нѣтъ, не пустая... Это вѣдь лихоманка...

Я зналъ, что лихоманкой зовутъ въ народѣ лихорадку, и тоже не придалъ заявленію того значенія, какое мнѣ невольно слышалось въ его тонѣ.

— Ну такъ что же, — сказалъ я. — И на лихоманку есть зельё. Погоди, вотъ я выпишу изъ города хину, тогда примемся и за лихоманку...

Онъ оглянулся кругомъ и, увидѣвъ, что мы въ нашемъ углу одни, сказалъ:

— Ходитъ она ко мнѣ...

— Кто ходитъ? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да лихоманка же...

— Какъ ходитъ? Что ты говоришь...

— Такъ и ходитъ... Давно повадилась проклятая...

И понуривъ голову, онъ прибавилъ едва слышно:

— Сплю я съ нею, бываетъ... Боюсь я...

Зубы его застучали и, справившись съ ознобомъ, онъ разсказалъ мнѣ «какъ на духу» слѣдующую странную исторію.

Ему и прежде часто являлась «она» подъ видомъ женщины... Да и баская же подлая (красивая)... Все заманивала... А когда онъ затѣялъ свадьбу, — она пришла къ нему и запретила жить съ женой... У него не было силы ослушаться, и вышелъ большой грѣхъ:

три мѣсяца послѣ свадьбы онъ не жилъ «съ родной женой»...

Въ это время надъ нашими головами раздался взрывъ женскаго плача такой внезапный и сильный, что мы оба вздрогнули. Оказалось, что это Алена притаилась незамѣтно въ темномъ углу полатей и слушала, затаивъ дыханіе, нашъ разговоръ.

— Послухалъ ее, прокля-ту-ю, — говорила она среди рыданій... — Повѣришь ты, чужедальній человѣкъ: вышла я замужъ, и долго не знала, какой мужъ бываетъ... А это онъ съ нею, съ проклятущею спутался... О-о-ой... головонька моя бѣдная! Зачѣмъ, коли, — и женился на мнѣ...

И опять взрывъ истерическаго плача заглушилъ ея слова, прорываясь порой почти кликушескими восклицаніями. Старуха кинулась на полати и почти силой стащила ее на полъ...

— Молчи, а ты, болѣзная, молчи, горемычная...

Она гладила сноху по головѣ, уговаривая, какъ малаго ребенка. Потомъ помогла «оболочься» и услала къ скотинѣ.

Теперь тяжелая драма этой семьи стала передо мной ясно. Когда пришло время женить Якова, — старики посылали сватовъ въ нѣсколько семей, но всюду получали отказъ. Семья еще недавно побиралась и въ прочность ея благосостоянія сосѣди не вѣрили. Пришлось обратиться къ «непросужей» семьѣ Гаври и взять оттуда невѣсту. Алена выросла подъ руководствомъ толковой Лукерьи и была хорошая работница. Она была довольно кра-

сива, но, какъ и младшій братишка, походила не на мать, а на отца: въ ея лицѣ была какая-то особенная складка, которая довольно рѣзко кидалась въ глаза, портя ея красоту. Якову она не нравилась... Еще съ тѣхъ поръ, какъ въ дѣтствѣ онъ видѣлъ, наяву или во снѣ, русалокъ, расчесывавшихъ волосы надъ заводями въ камышахъ — въ душѣ его поселился другой женскій образъ, посѣщавшій его въ сонныхъ грезахъ... И онъ жилъ двойственной жизнью: она посѣщала его во снѣ, а наяву онъ считалъ ее лихоманкой, нечистой силой, которая когда-нибудь придетъ по его душу...

Я постарался, какъ могъ, разсѣять этотъ кошмаръ: никакой женщины лихоманки на свѣтѣ нѣтъ. Онъ видитъ ее только во снѣ... А простая болѣзнь лихорадка легко излѣчивается лѣкарствами. Я уложилъ его, предсказавъ скорое дѣйствіе касторки, и отошелъ въ другой конецъ избы къ старухѣ... Она слышала нашъ разговоръ и когда я подсѣлъ къ ней, сказала:

— Ты вотъ баешь, Володимеръ, будто нѣтъ ее... Напрасно... Да вѣдь не одинъ Яковъ, — всѣ мы ее слышимъ.

— Какъ это вы слышите ее? — спросилъ я съ нѣкоторой досадой.

— А такъ и слышимъ: взлаетъ кыцянъ[1] разъ и другой. Самъ лаетъ, а самъ видно боится: взлаетъ и завизжитъ да въ подклѣть забьется. Потомъ отворяетъ она калитку, идетъ во дворъ... скрыпитъ подъ ею лѣстница.

---

[1] Кыцянъ — по мѣстному собака.

Ея большіе глаза смотрѣли на меня пристально и неподвижно, но голосъ былъ ровенъ, точно она разсказываетъ самыя обыкновенныя вещи...

— Потомъ, слышь, скрипнетъ дверью, входитъ въ избу... Потомъ на полати полѣзетъ, подваливатся къ Якову...

— Да что вы мнѣ разсказываете!.. — крикнулъ я невольно.

— Истинная правда — вотъ те крестъ. Потомъ, слышимъ, начинаетъ онъ ее цѣловать... И дверь пробовали запирать... Ей ничего, и запоръ не беретъ. И слышь — не видно никого, а только слышно... Кого хошь спроси.

Въ это время Ефимъ слѣзъ съ печи и подошелъ къ намъ. Поражавшее меня въ его лицѣ выраженіе угнетенности и скорби теперь было особенно сильно. Темно-синіе дѣтскіе глаза глядѣли съ наивной трогательной печалью.

— Вѣрно, — подтвердилъ онъ. — И я чую... Да не то что я, — всѣ чуютъ, вся семья...

Мнѣ осталось только предположить, что вся эта семья переживаетъ то, что мы по книжному называемъ коллективной галлюцинаціей. Но — какъ объяснить имъ, что это — только простой обманъ чувствъ и что въ дѣйствительности темный боръ надъ Камой, шумѣвшій и въ эту минуту подъ налетами вѣтра, не посылаетъ къ нимъ своихъ роковыхъ посланцовъ...

Въ это время Яковъ зашевелился и поднялся съ лавки. Старуха кинулась къ нему, и оба они вышли. Она поддерживала его подъ руку. Я обрадовался: очевидно дѣйствуетъ моя ка-

сторка... Авось, — думалъ я, — это простое прозаическое средство окажется сильнѣе мрачныхъ призраковъ, осадившихъ эту лѣсную избу.

Черезъ нѣкоторое время оба вернулись. Яковъ сѣлъ на свою лавку въ углу, а старуха подсѣла ко мнѣ. Она видимо повеселѣла.

— Легче слышь отъ зелья-те, — заговорила она, глядя на меня благодарными глазами.

— И совсѣмъ пройдетъ, — сказалъ я. — Только почему вы устроили ему постель въ углу? На полатяхъ и просторнѣе, и теплѣе...

Она наклонилась ко мнѣ и сказала, понизивъ голосъ:

— Нарочно мы это... Тутъ ей проклятой подвалиться-то некуда... Лавочка те узка.

Семья стала возвращаться со двора. Пришла и Алена, покормивъ скотину. Я подошелъ къ Якову и пощупалъ голову. Мнѣ показалось, что жаръ спадаетъ.

Собрали на столъ къ ужину. Въ избѣ точно повѣяло другимъ настроеніемъ. Всѣ повеселѣли. Яковъ попросилъ ѣсть. Старуха налила ему квасу и стала крошить въ чашку хрѣнъ...

— Любитъ онъ, — сказала она, указывая головой на Якова.

— Нѣтъ ужъ, съ этимъ погодите. Нѣтъ ли чего полегче?..

Полегче ничего не было. День былъ постный. Больной поѣлъ то же, что и другіе члены семьи. У меня все таки хватило познаній, чтобы посовѣтовать ѣсть поменьше, но... всякій врачъ скажетъ, вѣроятно, что я долженъ былъ

настоять на большей діэтѣ. Повторяю, — я былъ совершенный невѣжда.

Ужинъ еще не былъ конченъ, какъ на Камѣ послышались бубенцы. Звуки то доносились съ порывами вѣтра, то стихали. Старуха прислушалась и сказала:

— Фатька это гуляетъ... Три дня, сказываютъ, крутитъ. — Лицо ея стало озабоченно.

— Гли-ко-ся... Къ намъ сворачиваетъ.

Лицо больного нахмурилось... Было видно, что посѣщеніе Фатьки непріятно ему и всѣмъ. Сани очевидно измѣнили свое направленіе: звукъ бубенцовъ донесся явственнѣй: сани подымались по взъѣзду...

Потомъ послышался шумный говоръ и топотъ. Компанія всходила по лѣстницѣ. Дверь отворилась, и въ избу ввалились три мужика. Впереди шелъ коренастый мужчина въ тулупѣ мѣхомъ вверхъ... Это и былъ три дня крутившій Фатька. За нимъ шелъ тотъ самый безносый мужикъ, который пріѣзжалъ ко мнѣ въ первый разъ съ Несецкимъ. Третьяго я не зналъ. Всѣ были пьяны.

Фатька, не забывъ покреститься, — не разболокаясь, остановился шагахъ въ трехъ отъ стола и посмотрѣлъ на Якова и его семейныхъ насмѣшливымъ взглядомъ.

— Что, братъ: одолѣваетъ она тебя?..

Яковъ поморщился, какъ отъ удара, и сказалъ съ видимой досадой:

— Брось!..

— Чего брось... — И Фатька грубо захохоталъ. — Ослабъ ты видно, Яшка. Одолѣетъ она тебя, не справишься дакъ... Гляди на

меня: третій день крутимъ этакъ. Не поддаюсь я ей. Я ее не испужаюсь: сама меня испужается... Вишь я какой!

Онъ дѣйствительно былъ похожъ болѣе на медвѣдя, чѣмъ на человѣка. Я вспомнилъ, что, когда мнѣ разсказывали о лѣшакахъ и прочей нежити, то, между прочимъ, упоминали и о Фатькѣ; въ нему тоже повадилась лихоманка: ходитъ подъ видомъ умершей жены и заставляетъ жить съ ней. Онъ очень любилъ покойницу. Она тоже. Послѣ ея смерти сильно тосковалъ. И вотъ лихоманка стала приходить къ нему по ночамъ, подъ видомъ жены... Но онъ ей не поддается. Замѣтивъ меня, Фатька захохоталъ и свиснулъ:

— И ты, чужедальній человѣкъ, тутъ. — Ну, — пропалъ ты, Яковъ... Не помогетъ тебѣ чужедальной человѣкъ, коли самъ подашься.

— Послушай, — сказалъ я ему: — ты бы пріѣхалъ когда въ другой разъ. Видишь самъ: человѣкъ боленъ. Ему не до гостей.

— Гонишь!.. — сказалъ Фатька и опять захохоталъ. — Ну, инъ быть по твоему. Поѣдемъ товарищи въ ино мѣсто, гдѣ намъ будутъ рады: вишь, водку-те не всю еще вылокали. Прощайте ино, молосняты...

Вся компанія вывалилась изъ избы, и скоро звонъ шаркунцовъ смолкъ на Камѣ. Я остался ночевать.

— Лягъ, Володимеръ, подлѣ меня... Постелите вонъ тутъ, на лавкѣ, — указалъ Яковъ въ ногахъ у своей постели. Я поняль: онъ думалъ, что лихоманка побоится чужедальнаго

человѣка. Когда всѣ улеглись, я услышалъ, какъ старуха говорила Аленѣ:

— Слышь, онъ баетъ: че лихоманка это, — сонная греза. — Алена грустно простонала что-то въ отвѣтъ. Можетъ быть, сонная греза казалась ей не легче лихоманки. Ночью, проснувшись, я прислушался: Яковъ спалъ. Дыханіе его было ровно. Лихоманка въ эту ночь не приходила.

На утро настроеніе въ нашей избѣ совсѣмъ просвѣтлѣло. Жаръ у Якова замѣтно упалъ. Онъ видимо ободрился, а за нимъ ободрились всѣ. Мнѣ теперь казалось страннымъ, что даже я подчинился вчера до извѣстной степени общему настроенію, и положеніе показалось мнѣ такимъ устрашающимъ. Конечно, то, что имъ кажется, — дѣйствительно грозно для нихъ. Они, какъ дѣти, боятся темноты, лѣсного шума, призраковъ своей фантазіи. Но какъ случилось, что и я-то самъ очевидно преувеличилъ значеніе для нихъ этихъ призраковъ. Я теперь опять шутилъ надъ лихоманкой... — Вотъ видите: немного зелья, и вашей лихоманки какъ не бывало. Яковъ видѣлъ ее во снѣ. Мало ли что человѣку пригрезится. А вы повѣрили, и вамъ чудится отъ страха.

Они слушали мои слова съ недовѣрчивой улыбкой такъ же, какъ раньше починковцы слушали мои шутки надъ лѣшаками. Они знали свое такъ же твердо, какъ и я зналъ свое. Для насъ это были двѣ противоположныя очевидности. По ихъ мнѣнію, лихоманка «испугалась» меня и моего зелья. Я былъ чѣмъ-то въ родѣ свѣтлаго генія, прогнавшаго нечистую

лѣсную силу. Вся семья смотрѣла на меня съ благодарностью и почтеніемъ...

До сихъ поръ во мнѣ живо еще сожалѣніе, что я не остался у нихъ до полнаго выздоровленія Якова. Но, уѣзжая съ Ефимомъ, я оставилъ дома неоконченную работу и начатое письмо: я ждалъ, что скоро долженъ представиться случай отправить письмо въ Глазовъ и не хотѣлъ пропустить его. Я попросилъ конька и собрался уѣхать на нѣсколько часовъ домой. Старуха вскинула на меня свои черные глаза, но успокоилась, когда я сказалъ, что къ ночи вернусь: они очевидно все еще боялись. Къ сожалѣнію, я-то совершенно пересталъ бояться, и мнѣ было немного совѣстно передъ собой за вчерашнія опасенія. Поэтому, все такъ же шутя, я уѣхалъ на молодомъ конькѣ. Это былъ любимый конекъ Якова.

Утро было свѣтлое. Метель какъ будто стихла, но погода была ненадежная. Когда я ѣхалъ по Камѣ, — боръ то и дѣло принимался шумѣть глухими порывами, а мѣстами, на поворотахъ рѣки, вѣтеръ взметалъ накиданный прошлой метелью снѣгъ. Вѣтеръ все крѣпчалъ. Въ семьѣ Гаври меня встрѣтили тревожными вопросами, и видимо очень обрадовались успокоительнымъ вѣстямъ.

Было еще рано. Я кончилъ работу и принялся за письмо. Въ этомъ письмѣ я описывалъ въ шутливыхъ тонахъ, какъ обстоятельства сдѣлали меня лѣкаремъ и какъ я чувствую себя въ этой роли безпомощнымъ невѣждой. Между тѣмъ, я вижу теперь, какое огромное

значеніе имѣютъ простѣйшія медицинскія свѣдѣнія, и очень жалѣю, что ничего въ этой области не знаю.

Я доканчивалъ письма, когда со двора пришелъ Гавря съ нѣсколько встревоженнымъ видомъ.

— Слышь, Володимеръ, — сказалъ онъ. — Чтой-то конекъ Якова шибко мечется въ загонѣ. Не чуетъ ли каку бѣду на свово хозяина.

Я вышелъ наружу. Метель усиливалась. Это было замѣтно по голосамъ лѣса. Близкіе перелѣски шипѣли на разные голоса, а гулъ закамскаго бора раздавался протяжно и глухо, составляя какъ бы фонъ для этихъ звуковъ. Я посмотрѣлъ на конька. Онъ подымалъ голову, настораживалъ уши, раздувалъ ноздри и смотрѣлъ передъ собой испуганными глазами. Временами, онъ подымалъ хвостъ трубой и принимался бѣгать кругомъ небольшого загона. Очевидно, его безпокоила метель и незнакомое мѣсто, гдѣ онъ былъ отлученъ отъ обычныхъ товарищей.

Я осмотрѣлъ жерди, загораживавшія выходъ изъ загона, и вернулся въ избу кончать письмо. Потомъ запечаталъ и отдалъ Гаврѣ на случай появленія «посылки», который недавно пришелъ изъ волости съ какимъ-то приказомъ въ дальніе починки и скоро долженъ былъ вернуться. Въ это время одинъ изъ парней вошелъ со двора и сказалъ:

— Конекъ-то убёгъ. Перемахнулъ черезъ воротину и понесся... Только пылитъ за нимъ.

Гавря и Лукерья забезпокоились:

— Гляди, съ хозяиномъ-те плохо. Не спроста. Экую высоту перемахнулъ!..

Я выбѣжалъ на взъѣздъ... Метель усилилась. На равнинѣ за Старицей еще мелькала темная точка. Это конекъ Якова несся по направленію къ Камѣ. Я вернулся въ избу, наскоро одѣлся и пошелъ по той же дорогѣ. Я вспомнилъ вчерашній квасъ съ хрѣномъ и пожалѣлъ, что сегодня, успокоенный и можетъ быть слишкомъ безпечный, не далъ особыхъ наставленій насчетъ діэты.

— Погоди, — вотъ Павелко вернется съ сѣномъ, — отвезетъ тебя... — сказалъ было Гавря. Но мнѣ ждать не хотѣлось. Съ приближеніемъ вечера и метели на душѣ опять становилось тревожно.

— Поди, Володимірушко, пойди, — поощряла меня и Лукерья. — Павелко еще коли вернется, а у меня сердце чуетъ бѣду...

До починка Молосныхъ было версты три. Дорога почти все время пролегала по Камѣ между крутыми берегами, кое-гдѣ межъ двумя стѣнами лѣса. Сбиться не было возможности, но дорогу сильно перемело, и идти приходилось по колѣна въ снѣгу противъ сильнаго вѣтра. Порой я останавливался и поворачивался спиной къ метели, чтобы отогрѣть хоть немного лицо и руки. Вечерѣло. Сумрачный гулъ бора дѣйствовалъ на мое настроеніе.

Къ починку Молосныхъ я подошелъ уже среди густыхъ сумерекъ: избы едва виднѣлись въ снѣжной пыли. И вдругъ я увидѣлъ на горѣ какіе-то движущіеся огни. Пучки лучины, раздуваемые вѣтромъ, сыпали искрами.

Они прошли отъ избы къ одному изъ надворныхъ строеній. Я догадался: для больного очевидно истопили баню. Что же это? Стало ему лучше, или, отчаявшись въ моихъ средствахъ, они прибѣгаютъ къ своимъ, привычнымъ.

Я прибавилъ шагу и скоро былъ въ избѣ... На лавкѣ, опустивъ сѣдую голову, сидѣлъ Ефимъ. На мой вопросъ, онъ сказалъ, что Якова повели въ баню. Съ обѣда ему стало хуже. Опять весь горитъ и говоритъ нивѣсть что. Все съ нею разговариваетъ. Грозилъ посѣчь ее, коли придетъ за нимъ... Вонъ, гляди-ко-сь... Самъ косу повѣсилъ.

Надъ изголовьемъ постели Якова я увидѣлъ въ щелеватой стѣнѣ, — косу-горбушку съ прямой короткой ручкой, какія употребляютъ въ лѣсныхъ и болотистыхъ мѣстахъ. Кромѣ того въ той же стѣнѣ неподалеку виднѣлся серпъ и ножъ косарь. Въ разныхъ мѣстахъ подальше торчали еще разныя орудія въ томъ же родѣ. Очевидно, вся семья готовилась эту ночь къ генеральному бою съ лихоманкой.

— А чѣмъ кормили Якова? — спросилъ я.

— Да чѣмъ кормили!.. Все будто здоровъ былъ. Ѣсть запросилъ. Поѣсть, баетъ, больно охота мнѣ. Налила старуха квасу-те, хлѣба накрошила, да хрѣну... Больно охочъ онъ до квасу съ хрѣномъ. Чашки три, гляди, опросталъ. А стало вечерѣть, тутъ его и схватило пуще вчерашняго.

Сердце у меня упало. Въ извиненіе себѣ могу только повторить, что въ нашей семьѣ уходъ за больными былъ явленіемъ рѣдкимъ, и я привыкъ полагаться на здоровую натуру.

Какъ бы то ни было, благопріятные результаты вчерашняго пріема «зелья» пошли прахомъ. А больше лѣкарства не было.

На крыльцѣ послышался топотъ многихъ шаговъ, потомъ шумъ, среди котораго выдѣлялся неистовый протяжный мужской крикъ. Я не сразу узналъ голосъ Якова: это былъ какъ будто вой крупнаго смертельно испуганнаго животнаго, прерываемый изступленными ругательствами и угрозами. Общими усиліями женщинъ и килачей Якова втащили въ избу и положили на его постель. Онъ метался, вздрагивалъ и кусалъ губы...

Я подошелъ къ нему и громко поздоровался. Онъ глядѣлъ несознательно, но видимо все-таки узналъ меня: схватилъ мою руку и сталъ крѣпко прижимать къ своей груди, бормоча что-то невнятно. Мнѣ слышались среди этого бормотанія слова: «не давай, не давай».

Понемногу онъ какъ будто началъ успокаиваться. Порывистыя движенія стихали. Голова его лежала на подушкѣ, глаза то закрывались, то бродили по сторонамъ. Въ другомъ концѣ, у печки свѣтила лучина, и эта половина избы рисовалась отсюда свѣтлымъ фономъ.

Вдругъ Яковъ выпустилъ мою руку и весь рванулся.

— Вотъ она, пришла за мной!.. — крикнулъ онъ испуганнымъ и дикимъ голосомъ.

Я невольно оглянулся и вздрогнулъ. За мной стояла женская фигура, рисуясь на свѣтломъ фонѣ рѣзко очерченнымъ силуэтомъ. Я не сразу узналъ Алену, подошедшую тихо къ постели. Старуха тоже кинулась къ сыну.

— Что ты, что ты! Ай не узналъ родную жену...

Но глаза Якова стали совершенно безумными. Онъ видимо ничего уже не понималъ и былъ весь во власти завладѣвшаго имъ образа. Лицо его исказилось. Скошенные глаза блуждали и сверкали бѣлками. Сильно рванувшись, онъ протянулъ руку къ косѣ, но я сразу уперся руками въ его плечи, отвалилъ его на подушку и старался держать его въ этомъ положеніи.

— Зарублю... посѣку... — бормоталъ онъ сквозь стиснутые зубы...

Я напрягалъ всѣ силы, понимая, что если безумный овладѣетъ косой, то можетъ произойти какое-нибудь страшное дѣло. Между нами началась борьба. Я все время налегалъ на его плечи, не давая ему подняться. Онъ шарилъ руками кругомъ, стараясь захватить со стѣны серпъ или косу. Я хотѣлъ сказать кому-нибудь, чтобы убрали косу, но оглянувшись, увидѣлъ себя въ центрѣ какого-то повальнаго безумія. Въ избѣ водворился настоящій шабашъ. Всѣ члены семьи, особенно женщины, похвативъ заготовленныя въ стѣнахъ орудія, размахивали ими, какъ сумасшедшія, въ надеждѣ убить невидимую «лихоманку». Даже дѣвушка-подростокъ, сверкая въ изступленіи своими черными глазами на поблѣднѣвшемъ лицѣ, вертѣлась на серединѣ избы, размахивая серпомъ. Только старуха мать видимо не потеряла головы и могла еще разсуждать. Я увидѣлъ ее около себя: она тоже держала въ рукѣ большой ножъ косарь и колола имъ въ

воздухѣ съ такимъ разсчетомъ, чтобы ранить лихоманку, когда она захочетъ навалиться на Якова. Лицо ея было скорбно, но спокойно, какъ у человѣка, сосредоточившаго вниманіе на одной трудной задачѣ. Старикъ сидѣлъ безпомощно на лавкѣ, килачи забились въ уголъ у печки.

Мнѣ удалось совершенно овладѣть Яковомъ, и я чувствовалъ, что не дамъ ему подняться. Глаза его теперь смотрѣли какъ-то покорно и неподвижно...

— Пришла, пришла!..

Этотъ крикъ вырвался у Ефимихи сосредоточенно и печально, и она стала колоть и рубить воздухъ у самыхъ ногъ Якова. Ей на помощь кинулась Алена съ искаженнымъ злобой лицомъ.

— Что вы, безумныя, — крикнулъ я. — Видите: больной успокаивается.

— Ай ты не видишь, Володимеръ? — прозвучалъ надо мной печальный голосъ матери.

Я взглянулъ пристально въ лицо Якова, и дрожь прошла у меня по тѣлу. Глаза его уставились въ пространство съ страннымъ выраженіемъ истомы и безнадежности. Все тѣло ритмически двигалось подъ моими руками, изъ груди вылетали такіе же ритмическіе, прерывистые вздохи... Онъ походилъ на человѣка въ любовномъ экстазѣ.

Я все еще растерянно держалъ его за плечи и почувствовалъ, что рубашка его стала вся мокрая. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько движеній, все слабѣе и слабѣе...

— Кончается, — сказала мать.

— Ну, вотъ, — ему лучше, — сказалъ я.

«Что это она говоритъ?.. Не можетъ быть. Это безуміе», подумалъ я, но черезъ нѣкоторое время замѣтилъ, что пылавшее прежде жаромъ тѣло Якова начинаетъ холодѣть у меня въ рукахъ. Лицо его странно и быстро успокаивалось, и черезъ нѣкоторое время на него точно кто накинулъ покровъ полнаго спокойствія... Я взялъ его за руку. Она была холодна...

Алёна завыла.

Я еще не могъ опомниться отъ пережитого кошмара и почувствовалъ неодолимую потребность выйти на свѣжій воздухъ. Такъ, какъ былъ въ избѣ, — я вышелъ наружу.

Метель какъ будто стихала, но все еще шипѣли близкія деревья и гудѣлъ боръ. Порой звуки крѣпли, перемѣшивались, сливались въ разноголосый и торопливый шумъ, порой широкими взмахами летѣли вдаль. И мнѣ показалось, что глухой лѣсъ полонъ своеобразной жизни, а въ голосахъ метели мнѣ невольно чудилось злорадство... Еще вчера я такъ безпечно торжествовалъ побѣду надъ лѣсной нежитью. Теперь я продрогъ и чувствовалъ себя безпомощнымъ. Войдя въ избу, я засталъ здѣсь картину признанной всѣми смерти. Яковъ лежалъ неподвижно. Въ сложенныхъ рукахъ виднѣлась небольшая иконка. Старуха приглаживала у него волосы. Глаза ея глядѣли такъ же печально, какъ всегда: точно ихъ прежнее выраженіе было только предчувствіемъ этой минуты... Ефимъ еще болѣе

понурилъ голову, точно придавленный новой тяжестью. Алена причитала на полатяхъ, точно пришибленное и испуганное животное, а два килача стояли обнявшись посерединѣ избы и, раскачиваясь со стороны на сторону, протяжно выли...

Старуха остановила ихъ и послала одного къ сосѣдямъ. Нужно было обмыть тѣло, пока не началось окоченѣніе. Но парень взвизгнулъ отъ страха и отказался идти одинъ. Пришлось послать обоихъ къ сосѣдямъ, въ верстѣ или полуторыхъ. Килачи оболоклись и вышли, но черезъ полчаса вернулись. Никто нейдетъ. «Баютъ: страшно». Старуха низко нагнула голову... Я понялъ: по мнѣнію сосѣдей, Якова уволокла ночью нечистая сила... И можетъ быть бѣдная мать сама думала то же...

Черезъ нѣкоторое время дверь тихо пріотворилась, и въ ней показалась огромная, мрачная голова Лизункова. Онъ осторожно оглянулъ избу. Увидѣвъ меня, направился прямо къ тому мѣсту, гдѣ я сидѣлъ, и сѣлъ рядомъ со мною. Между тѣмъ, въ избѣ все стихало. Старуха полѣзла къ старику на печь, и оттуда послышались звуки, точно стонала большая птица. Это плакалъ старикъ. Старуха говорила что-то. Можетъ быть успокаивала. Алена временами начинала причитать, дѣвочка всхлипывала сквозь сонъ.

Мы съ Лизунковымъ тихо разговаривали, поддерживая свѣтъ заготовленной лучины. Весь какой-то тяжелый и мрачный, онъ говорилъ тихо своимъ глухимъ голосомъ, наклонясь къ моему уху:

— Отослано, не иначе...

— Что отослано? — спросилъ я.

— Насылъ... Вы развѣ не знаете. — Оттого и сосѣди не идутъ... Покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ, — колдунъ былъ. Умѣлъ лихоманку посылать по вѣтру... Да видно напала коса на камень. Тотъ самъ былъ колдунъ: сумѣлъ отослать; вотъ она прилипла къ нему, да и утащила съ собою.

— Лизунковъ, — сказалъ я съ досадой. — Вы, кажется, въ Бога не вѣрите, даже ругаете нехорошими словами...

— Могу... Думаете боюсь сейчасъ...

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, не надо. Но какъ же это, не вѣря въ Бога, вы вѣрите въ колдовство и чертовщину...

— Да я что жъ... Люди говорятъ... Мнѣ — что...

На утро солнце встало ясное и чистое. Сквозь изморозь и снѣгъ, наметенные метелью, оно весело заглядывало въ избу Молосныхъ. Ночные страхи разсѣялись и въ избу пришла стайка молодыхъ женщинъ съ сосѣднихъ починковъ.

Я хотѣлъ уйти, чувствуя себя безпомощнымъ и лишнимъ. Но когда я выразилъ это намѣреніе, одна изъ пришедшихъ, самая бойкая молодая вострука, пройдя мимо меня, шепнула: «не уходи, слышь, ночью те страшно будетъ намъ».

Я остался еще на ночь. А на слѣдующій день, отказавшись присутствовать на проводахъ и поминкахъ, ушелъ изъ починка Молосныхъ, точно съ поля битвы, гдѣ потерпѣлъ позорное пораженіе...

CI

БУДНИ — РОДЫ — ПЕРВОБЫТНАЯ, НО НЕУСТОЙЧИВАЯ ДОБРОДѢТЕЛЬ

Послѣ этого жизнь въ Починкахъ пошла своей колеей. Даже въ семьѣ Гаври смерть зятя не вызвала замѣтныхъ перемѣнъ и заботъ. Алена была отрѣзанный ломоть, и ей предстояло дѣлить горе и заботы съ семьей Молосныхъ. Не стало въ Починкахъ одного человѣка, упала одна семья, — и только.

Гавря и Павелко стали собираться въ извозъ. Для этого они стали готовить сани: прямо въ избѣ они распаривали въ печи березовыя плахи, гнули полозья и дуги, тесали, строгали, рубили. Видя, что я съ интересомъ присматриваюсь къ ихъ работѣ, мужики, казалось, щеголяли передо мной, а Лукерья прямо посвѣтлѣла. Мнѣ казалось однако, что у другихъ это сдѣлано давно, еще съ осени, и теперь сани должны бы уже устояться и высохнуть. Но я этого не высказывалъ.

Собирались починковцы цѣлымъ обозомъ въ Буй, городокъ Костромской губерніи. Одинъ изъ жандармовъ, которые везли насъ съ братомъ въ Глазовъ, привелъ какъ-то мѣстную поговорку: «Буй, да Кадуй чертъ три года искалъ, трое лаптей истаскалъ, да такъ и не нашелъ». Этотъ «городъ» былъ все-таки ближайшимъ городскимъ центромъ, къ которому тяготѣли Починки. Каждую осень починковцы сряжались въ извозъ: въ Буй доставляли хлѣбъ отъ Афонасьевскихъ «торговыхъ», а имъ при-

возили оттуда разные нужные для нехитраго мужицкаго обихода товары. Въ извозъ пускались не сразу: сначала приходилось «уминать снѣгъ» изъ починковской глуши до какихъ нибудь проѣзжихъ трактовъ, гдѣ по Камѣ, гдѣ лѣсами и междулѣсьемъ, а уже потомъ, проложивъ тропы по цѣльному снѣгу, — вторично выѣзжать съ кладью. Когда мужики уѣхали, въ Починкахъ только и было разговора, — «какъ-то тамъ наши извозничаютъ». Лукерья, видимо, безпокоилась, и я понималъ ея настроеніе: она боялась, что у «ея мужичковъ» что-нибудь выйдетъ не какъ у людей. Ночью, а иногда на зарѣ я слышалъ, какъ она тихо пробиралась къ слуховому оконцу надъ полатями, открывала его и долго прислушивалась, — не скрыпятъ ли полозья на Камѣ. Однажды она живо пробралась къ тому мѣсту, гдѣ я спалъ, и не удержалась, чтобы на радостяхъ не растолкать меня. «Ѣдутъ наши, ѣдутъ». Я радовался ея живой радости... У нашего починка весело лаяли собаки...

У Улановской въ семьѣ Дураненка выходила, какъ прежде у меня, — большая «смѣшиця». Они перестали кормить своего старика, Дурафея, усыновившаго Ларивона, теперешняго хозяина. Я уже говорилъ, что этотъ первый починковскій богачъ былъ пріемышъ. Безроднаго сироту взялъ въ домъ бездѣтный Дорофей, выростилъ, женилъ и, послѣ смерти своей старухи, передалъ все хозяйство, въ надеждѣ дожить свой вѣкъ въ почетѣ и на покоѣ. Но разсчетъ простодушнаго старика оказался ошибоченъ. Ларивонова баба сразу не взлюбила

пріемнаго отца мужа, стала гонять его на работу, какъ батрака, и, недовольная, что онъ уже не справляется, какъ слѣдуетъ, съ работой, — перестала кормить «дармоѣда».

Это явленіе, по крайней мѣрѣ, въ нашу сѣдую и дикую старину, было повидимому довольно распространено, и Улановская имѣла случай наблюдать этотъ интересный пережитокъ добраго стараго времени. Помнится, у Даля отмѣчены повѣрья, съ нимъ связанныя. Можетъ быть когда-нибудь стариковъ буквально обрекали на голодную смерть. Мой дядя, капитанъ, разсказывалъ случай изъ старинной судебной практики нашего юго-западнаго Полѣсья, когда сыновья убили родного отца, который во время охоты пропуделялъ лося. Ихъ за это судили, и старый капитанъ съ большимъ юморомъ разсказывалъ, съ какимъ простодушіемъ они отвѣчали на вопросы судьи: — «Ну, такъ что, что убили. Своего убили, — не твоего». Я считалъ этотъ разсказъ анекдотомъ, но впослѣдствіи въ газетѣ «Волынь» встрѣтилъ воспоминанія стараго «полѣшука», который разсказывалъ, что обычай уничтоженія стариковъ долго держался среди дикихъ жителей Полѣсья. Въ самомъ смягченномъ видѣ это производилось, какъ обрядъ: съ стариками прощались, усаживали ихъ въ сани, вывозили въ лѣсную чащу и тамъ оставляли на произволъ судьбы. Нѣкоторые изслѣдователи склонны видѣть въ выраженіи Владиміра Мономаха, читающаго наставленіе сыновьямъ, «сидя уже на санѣхъ», — остатокъ этого обычая сѣдой старины.

Въ Починкахъ этотъ обычай въ такомъ видѣ уже исчезъ, по крайней мѣрѣ я не имѣлъ случая наблюдать его. «Перестали кормить» надо понимать не буквально. Старика просто перестали сажать за столъ, и злая сноха кидала ему объѣдки какъ собакѣ къ порогу, гдѣ было его мѣсто на лавочкѣ. Браги же ему совсѣмъ не давали. Надо замѣтить, что браги, а когда ея не бываетъ, то квасъ составляютъ обычный напитокъ починовцевъ. Воды они совсѣмъ не пьютъ. Старикъ, уже впадавшій въ дѣтство, разсказывалъ при мнѣ съ горестнымъ удивленіемъ, что бражки ему сноха не даетъ вовсе.

— Попьешь, баетъ, и водицы. Чуете вы?.. водицы, баетъ, попьешь... А что въ ей, въ водицѣ-те?..

Онъ жалобно всхлипывалъ, какъ ребенокъ, и по старому лицу катились крупныя слезы. Какъ и я въ первое время, Улановская не могла равнодушно переносить этой семейной драмы безъ одушевленныхъ протестовъ, которые выражала довольно бурно, то и дѣло заступаясь за старика. Она стыдила сноху и пріемнаго сына, а порой отдавала старику свой кувшинъ съ брагой. Не могу сказать теперь, привело ли это заступничество къ улучшенію положенія бѣднаго старика.

Однажды ночью, когда мужики, захвативъ даже мальчишекъ, уѣхали къ кому-то бражничать, — я проснулся отъ звонкаго дѣтскаго плача. Очнувшись, я увидѣлъ слѣдующую кар-

тину. Какая-то женщина, одѣтая въ полушубокъ и закутанная платками, сидѣла на лѣсенкѣ, ведущей на печь, и держала на рукахъ ребенка. Я подумалъ сначала, что это ночью забрела какая-нибудь сторонняя женщина, но, приглядѣвшись, увидѣлъ, что это наша молодуха. Она ходила на-сносяхъ и въ эту ночь родила. Мужики, вѣроятно, поэтому и уѣхали. Со мной, очевидно, поцеремонились, — я могъ бы тоже уйти куда-нибудь ночевать, хотя бы къ Федору Лазареву, но я не зналъ о предстоящемъ событіи, а сказать мнѣ объ этомъ не полагалось по обычаю. Изъ-за этого бѣдной женщинѣ пришлось родить въ черной банѣ, и тотчасъ же послѣ родовъ Лукерья привела ее въ избу. Сидя на лѣстницѣ, она держала у груди ребенка и тихо стонала. Мнѣ слышалось въ этомъ стонѣ какое-то изнеможеніе и усталость отъ этой безрадостной и тяжелой жизни. Лукерья суетилась, то выбѣгая, то возвращаясь въ избу. Она развела на загнетѣ огонь и скоро приготовила для ребенка ванну въ корытѣ. Я торопливо одѣлся и подошелъ къ ней.

— Молодица у васъ видно родила... А мужики бражничаютъ!.. Не могу ли я помочь тебѣ?

Лукерья усмѣхнулась надъ моей наивностью.

— Нишкни, Володимеръ... Не понимаешь ты нашего бабьяго дѣла. Не хорошо тебѣ и быть-то тутъ... Полѣзай инò на полати, спи.

На разсвѣтѣ мужики пріѣхали пьяные и развязные. Гавря какъ будто обрадовался рожденію внука, парнишки тоже были видимо заинтересованы семейнымъ происшествіемъ. Только Павелко не проявилъ къ событію ни малѣй-

шаго участія. Когда онъ вошелъ въ избу, убравшись съ лошадью, и отецъ сообщилъ ему о томъ, что онъ самъ теперь сталъ отцомъ, — онъ, какъ ни въ чемъ не бывало, полѣзъ на полати, пробормотавъ только:

— Мнѣ-ка што, родила дакъ... — И вскорѣ съ полатей послышался его храпъ.

Я былъ возмущенъ и не могъ скрыть этого отъ Лукерьи:

— Молчи, Володимеръ, молчи инò... Молодъ еще, — не понимаетъ... — сказала она просто подъ богатырскій разноголосый храпъ, несшійся съ полатей.

Все это показалось мнѣ тогда чуть не катастрофой, но въ сущности это было только въ порядкѣ вещей: и роженица, и ребенокъ, котораго выкупали въ порядочно настывшей избѣ, при сквознякахъ отъ всѣхъ стѣнъ, — оказались совершенно здоровы. Молодуха полежала этотъ день на печи. Дня два ее еще щадили, а на третій день Павелко уже покрикивалъ:

— Чё валяешься, стельна корова!.. Пошевѐливайся...

Чтобы покончить съ починковскими буднями, я долженъ отмѣтить еще одинъ эпизодъ, своего рода нравственную проблему, которую поставилъ передъ починковцами уголовный ссыльный, полякъ Янкевичъ. Объ этомъ случаѣ я слышалъ еще въ перевозной избушкѣ.

Янкевича этого я видѣлъ всего раза два. Это былъ человѣкъ небольшого роста, очень

коренастый и сильный, съ крупными чертами лица, съ мясистымъ носомъ и большими усами, висѣвшими врозь. За что онъ былъ сосланъ — не знаю. Держалъ себя съ починовцами очень нахально, не скрывая своего глубокаго презрѣнія къ нимъ. Онъ былъ недурной столяръ и умѣлъ дѣлать хорошія «укладки», то-есть сундуки. Когда онъ сдѣлалъ себѣ такую укладку, то хозяинъ, у котораго онъ жилъ, попросилъ сдѣлать ему точно такую же. Янкевичъ согласился, и двѣ укладки, похожія другъ на друга, какъ двѣ капли воды, стояли въ избѣ рядомъ.

Случилось однажды, что хозяинъ поѣхалъ въ Афанасьевское, продалъ тамъ хлѣбъ, получилъ еще старый долгъ, выпилъ на радостяхъ изрядно и привезъ еще домой 80 рублей. Съ пьяныхъ глазъ онъ сунулъ эти деньги вмѣсто своего сундука въ сундукъ Янкевича. Говорили, будто, въ предвидѣніи такой возможности, Янкевичъ переставилъ укладки, но никто этого навѣрное сказать не могъ. Какъ бы то ни было, деньги оказались въ укладкѣ Янкевича, который, проснувшись раньше пьянаго хозяина и замѣтивъ свою «удачу», тотчасъ же взялъ сундукъ и перешелъ съ нимъ въ другой починокъ. Хозяинъ, замѣтивъ пропажу, поднялъ кутерьму, но Янкевичъ рѣшилъ воспользоваться «своимъ счастіемъ». Онъ не отрицалъ ошибки хозяина, но утверждалъ, что все, что попало въ его укладку, принадлежитъ ему «по закону». Дѣло доходило до начальства. Становой приказалъ произвести у Янкевича обыскъ и отобрать деньги. Но по обыску денегъ не нашли.

Въ первый разъ я увидѣлъ Янкевича у Гаври. Тутъ же былъ староста Иванъ Молосненокъ и, когда я вошелъ въ избу, Янкевичъ, Гавря, староста и еще двое починовцевъ сидѣли на лавкахъ у стола и вели разговоръ о недавно происходившемъ обыскѣ. Янкевичъ откровенно смѣялся надъ старостой и надъ понятыми.

— Гдѣ же дуракамъ найти то, что умный человѣкъ спряталъ, — говорилъ онъ.

— Хочешь знать, гдѣ у меня были эти деньги?.. Вотъ гдѣ.

И онъ показалъ на подклейку голенищъ. — Вы дураки, ёлопы, и сапогъ настоящихъ не видывали, — такъ гдѣ вамъ догадаться... Ха-ха-ха...

Староста глядѣлъ на него своимъ задумчивымъ и тусклымъ взглядомъ, другіе удивлялись, но ни въ комъ я не замѣтилъ ни негодованія, ни возмущенія, по крайней мѣрѣ въ присутствіи Янкевича.

Когда Янкевичъ ушелъ, — починовцы стали жаловаться на ссыльныхъ и ругали Янкевича... Лукерья, слушавшая эти толки, вмѣшалась.

— Ну, мужички, — чего бы я и баяла... Посуди хоть ты, Володимеръ, какое у нихъ дѣло-то вышло.

И она подробно разсказала мнѣ случай, подавшій поводъ къ обыску.

— Ну, вотъ скажи: нѣшто онъ эти деньги сбостилъ? Вѣдь Тимоха самъ ему положилъ въ укладку...

Какъ всегда, мнѣ понравилось вмѣшательство Лукерьи. Справедливая баба чувствова-

ла, очевидно, что осуждающіе сами едва ли поступили бы иначе, чѣмъ Янкевичъ... Но все-таки — проблема оставалась проблемой, и я сказалъ Лукерьѣ:

— Слушай, Лукерья... Но вѣдь Янкевичъ зналъ, что это деньги не его, а Тимохины.

— Ну, зналъ... Коли онъ самъ положилъ ихъ...

— Что же изъ этого. Положимъ такъ: идешь ты по дорогѣ, а я иду за тобой сзади. И вижу, что у тебя выпалъ изъ кармана кошель съ деньгами... А я его подыму... Ты этого не видала, и помѣшать не можешь.

И Лукерья, и остальные слушатели съ интересомъ слушали это предположительное развитіе событій. Когда я сказалъ послѣднюю фразу, Лукерья перебила меня живо:

— Неужъ отдашь... Хлопаешь, Володимеръ, зря...

Это было сказано съ безповоротнымъ убѣжденіемъ. По лицамъ другихъ слушателей я видѣлъ, что убѣжденіе Лукерьи раздѣляютъ всѣ остальные. Очевидно въ глазахъ всѣхъ починовцевъ я хвастался (хлопалъ зря) невозможной и совершенно сверхсмѣтной добродѣтелью, которой никто не могъ повѣрить. За Лукерьей оставалась ея искренность и справедливое заступничество за «чужедальнаго человѣка», который сдѣлалъ только то, что сдѣлали бы и всѣ починовцы...

Съ такими глухими мѣстами у насъ вообще связано представленіе объ элементарныхъ простѣйшихъ добродѣтеляхъ. Я сначала думалъ то же, видя напримѣръ, какъ хозяева оставля-

ютъ избы безъ запоровъ. Достаточно приставить снаружи «подожокъ», чтобы показать, что хозяевъ нѣтъ дома. Значитъ, думалъ я, — хоть кражи-то здѣсь неизвѣстны. Но и въ этомъ я ошибся. Впослѣдствіи меня поразило обиліе глаголовъ, которыми въ бѣдномъ починковскомъ языкѣ обозначалось понятіе кражи. Теперь я многіе изъ нихъ забылъ, помню только два, которыхъ не встрѣчалъ въ другихъ мѣстахъ: сбондить и сбостить, которые слышалъ довольно часто. Вообще на прочность этой первобытной нравственности разсчитывать нельзя. Это — какое-то странное состояніе неустойчиваго нравственнаго равновѣсія, могущее качнуться въ любую сторону...

Исторія Янкевича имѣла характерное продолженіе. Отъ далекаго начальства пришло наконецъ распоряженіе арестовать ссыльнаго Янкевича и препроводить его въ городъ. Янкевичъ исчезъ съ починковскаго горизонта. Уже подъ самый конецъ моего пребыванія въ Починкахъ я получилъ вдругъ письмо отъ Янкевича. Доставилъ его въ мое отсутствіе другой ссыльный, только что вернувшійся изъ Глазова, гдѣ онъ больше года сидѣлъ въ тюрьмѣ. Съ нимъ-то Янкевичъ и прислалъ мнѣ письмо.

Оно было кратко и гласило: «которыя вамъ будутъ приносить мои деньги, то, пожалуйста, сохраните ихъ у себя, пока я ихъ потребую». Я сначала недоумѣвалъ, потомъ понялъ: Янкевичъ, во избѣжаніе новаго обыска, разсовалъ похищенную сумму разнымъ почтеннымъ починковскимъ обывателямъ и теперь требовалъ, чтобы они отдали ихъ мнѣ, въ лестной для

меня увѣренности, что я ихъ не присвою. Мнѣ такимъ образомъ предстояло стать хранителемъ краденаго, чего, разумѣется, я ни въ какомъ случаѣ въ виду не имѣлъ.

Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ явилась женщина и попросила прочесть полученное письмо. Полученіе писемъ въ Починкахъ было вещью совершенно небывалой, и прочесть ихъ, кромѣ меня, было некому. Въ письмѣ тѣмъ же почеркомъ, какъ и въ письмѣ, полученномъ мною, говорилось: «Которые я далъ тебѣ на сохраненіе деньги, отдай ихъ такому-то (мнѣ)». Еще дня черезъ два-три ко мнѣ стали приходить съ такими же письмами другія лица. Тутъ были по большей части солидные хозяева, были двѣ вдовы бывшихъ старостъ, — вообще люди, на которыхъ Янкевичъ разсчитывалъ. Я съ интересомъ слѣдилъ за этой перепиской. Оказалось, что сумма этихъ вкладовъ приблизительно соотвѣтствовала суммѣ кражи. Но Янкевичъ ошибся въ разсчетѣ: починковцы сумѣли воспользоваться своимъ счастіемъ не хуже, чѣмъ онъ самъ. Когда я прочитывалъ письмо, на лицахъ получателя изображалось удивленіе:

— Чё-ко-ся пишетъ мужичокъ... Каки деньги?.. Не знаю я...

Никто не пытался принести ко мнѣ вклада Янкевича... Очевидно, Лукерья имѣла основаніе безпристрастно заступаться за «чужедальнаго человѣка».

CII

ОТГОЛОСКИ ДАЛЕКОЙ ЖИЗНИ — ЦАРСКІЙ ЮБИЛЕЙ — КАКЪ Я УЗНАЛЪ О ВЗРЫВѢ НА НИКОЛАЕВСКОЙ ЖЕЛ. ДОР. — ГАЗЕТА ВЪ ПОЧИНКАХЪ

Въ одинъ свѣтлый морозный день къ нашему починку пріѣхалъ знакомый уже читателю бисеровскій волостной старшина, тотъ самый, который старался запугать меня въ перевозной избушкѣ. Читатель помнитъ, что послѣ этого отношенія наши наладились, и онъ старался оставить меня въ Бисеровѣ. Это былъ молодой еще мужикъ, повидимому, не глупый и не злой. Близкія отношенія съ Дурафей Ивановичемъ, «господиномъ урядникомъ», еще не успѣли испортить его, и отзывы о немъ населенія были недурные. Поплавскій тоже говорилъ о немъ хорошо. Теперь онъ пріѣхалъ по какимъ-то дѣламъ, можетъ быть въ связи со смертью старосты и привезъ мнѣ пачку газетъ и письма.

Я очень обрадовался и радушно встрѣтилъ старшину.

— Поставимъ, Гавря, самоварчикъ, — угостимъ старшину чайкомъ, — весело сказалъ я Гаврѣ. Гавря тотчасъ же принялся хлопотать. Всякій разъ, когда розсылка изъ волости доставлялъ мнѣ корреспонденцію, я непремѣнно угощалъ его чаемъ; и это невиданное угощеніе (чай съ сахаромъ), казалось, вознаграждало парня за 60 верстъ пѣшаго пути по бездорожью. Гавря тоже любилъ такіе слу-

чаи, такъ какъ при этомъ я приглашалъ и его. Онъ уже умѣлъ обращаться съ моимъ жестянымъ самоварчикомъ и, доставая его съ полки, забывалъ порой, что у него «не здымается рука».

На этотъ разъ видъ у старшины былъ какой-то особенный. Снявъ большую медвѣжью шубу, отличавшую его отъ другихъ бисеровцевъ, покрестившись на иконы и поздоровавшись, онъ важно развалился за столомъ, подражая уряднику, и сказалъ:

— Ну, Володимеръ, теперь, гляди, всѣ вы у меня подъ ногтемъ...

Я взглянулъ на него съ недоумѣніемъ, а онъ картинно показалъ на столѣ, какъ я у него нахожусь «подъ ногтемъ».

И, развалясь еще больше, онъ прибавилъ напыщенно:

— Дурафей Ивановичъ, господинъ урядникъ, какъ уѣхачи къ становому, а можетъ и въ Глазовъ, то значитъ передалъ мнѣ свою власть. Теперь я вамъ за урядника.

Я увидѣлъ, что молодой старшина опять нуждается въ маленькомъ урокѣ.

— Гавря, — сказалъ я. — Самовара не надо. Поставь опять на полку...

Гавря остановился съ самоварчикомъ по серединѣ избы, растерянно глядя то на меня, то на старшину. Послѣдній тоже немного растерялся.

— Я думалъ, — пояснилъ я, — что вы пріѣхали ко мнѣ отъ себя, а не вмѣсто урядника. Урядника я бы не сталъ угощать чаемъ...

Неглупый мужикъ понялъ.

— За обиду что ль? — сказалъ онъ. — Такъ вѣдь я пошутилъ...

— А когда пошутилъ, — тогда другое дѣло. — Я тоже пошутилъ. Наливай, Гавря, воду...

Этотъ маленькій обмѣнъ шутокъ произвелъ самое благотворное дѣйствіе: передо мной опять былъ простодушный бисеровецъ, говорившій просто и толково. Онъ разсказалъ мнѣ между прочимъ, что урядника вызвали нарочно въ станъ и онъ сказалъ при этомъ, что можетъ быть проѣдетъ и къ исправнику въ Глазовъ. Наклонясь ко мнѣ, такъ, чтобы Гавря не слышалъ, старшина прибавилъ:

— Объ тебѣ начальники будутъ спрашивать... Самъ небось нахлопалъ чего ни-то̀... Не любятъ тебя...

Видя, что я придаю очень мало значенія любви Дурафея, онъ перешелъ къ другимъ темамъ и разсказалъ мнѣ о новыхъ продѣлкахъ Левашова, того самаго дворянина, высланнаго по желанію отца, о которомъ я говорилъ ранѣе. Это тотъ самый Левашовъ, который катался по всей волости на земскихъ лошадяхъ, предъявляя на станціяхъ объявленіе придворныхъ поставщиковъ чая, братьевъ К. и С. Поповыхъ, съ государственными гербами на печатяхъ.

Теперь я узналъ отъ старшины, что Левашовъ затѣялъ судбище съ Мих. Поповымъ, политическимъ ссыльнымъ, жившимъ прежде въ Починкахъ. Онъ обвиняетъ его въ оскорбленіи дворянскаго званія, а въ числѣ свидѣтелей вызываюсь и я... И дѣйствительно въ пакетѣ, въ которомъ я получилъ свою корреспонден-

цію изъ волости, находился между прочимъ вызовъ меня на такое-то число въ камеру мирового судьи. Я понялъ: дворянинъ Левашовъ затѣялъ нарочно шуточное дѣло, чтобы дать и мнѣ случай проѣхаться на земскихъ лошадяхъ въ волость и повидаться съ товарищами. Я тогда къ такимъ вещамъ относился довольно щепетильно и не былъ обрадованъ этимъ случаемъ... Впрочемъ до наступленія срока разбирательства моя судьба измѣнилась, и мнѣ не пришлось воспользоваться любезностью дворянина Левашова за счетъ земскихъ ямщиковъ. Впрочемъ, я успѣлъ все-таки познакомиться съ новымъ политическимъ ссыльнымъ, такъ какъ Михаилъ Павловичъ Поповъ вмѣстѣ съ Поплавскимъ пріѣхали тайно изъ Бисерова, и мы повидались у Улановской.

Старшина, привезшій мнѣ бисеровскія новости, уѣхалъ, но газеты, которыя онъ привезъ мнѣ, заключали много новостей изъ другого, широкаго міра. Онѣ были полны отголосками близкаго двадцатипятилѣтняго юбилея Александра II-го. По обыкновенію ко мнѣ сошлись кое-кто изъ ссыльныхъ, чтобы послушать газеты, и при этомъ произошелъ интересный разговоръ о русскомъ государственномъ устройствѣ. Двадцатипятилѣтній юбилей «царской службы» возбудилъ въ народѣ оживленные толки: останется ли царемъ Александръ II-й, или его не утвердятъ «на вторительную службу», и онъ передастъ престолъ наслѣднику. Разговоры такого рода я слышалъ еще въ Глазовѣ. Какъ-то осенью я сидѣлъ на берегу рѣки Чепцы и удилъ рыбу. Ко мнѣ подошелъ вотякъ, порядочно

говорившій по русски, и предложилъ мнѣ вопросъ, какъ знающему и бывалому человѣку: — «на сколько лѣтъ выбирается нашъ царь». Я услышалъ этотъ вопросъ съ величайшимъ удивленіемъ и отвѣтилъ, что царь у насъ не выборный, какъ ихъ сельскіе старосты, — а наслѣдственный, «служитъ» до конца жизни, а когда умираетъ, то престолъ опять безъ выбора переходитъ къ сыну. Эти толки, очевидно, были связаны съ отголосками юбилея и пожалуй указывали на зачатки недовольства царствованіемъ «Освободителя». Теперь въ глухихъ починкахъ я услышалъ тѣ-же толки: останется ли царь «на вторительную службу» или нѣтъ? Вопросъ былъ предложенъ Санниковымъ и горячо подхваченъ Кузьминымъ. Общее желаніе было, — чтобы Александръ ушелъ, передавъ дѣла болѣе молодому наслѣднику. Когда я опять указалъ на то, что у насъ наслѣдственная монархія и никакихъ сроковъ для царской службы нѣтъ, то со мной не согласился даже умный и довольно развитой Несецкій. Съ авторитетностью бывшаго солдата онъ рѣшительно заявилъ, что я ошибаюсь. Царь тоже «утверждается» на срокъ, причемъ Александръ II поступилъ на службу по николаевскимъ правамъ, то-есть на 25 лѣтъ. А его наслѣдникъ поступитъ уже по новымъ правамъ, то-есть на 8 лѣтъ... А потомъ?.. могутъ его утвердить или не утвердить. Это мнѣніе рѣшительно восторжествовало. Когда же я спросилъ, кто же у насъ утверждаетъ или не утверждаетъ царя, то Несецкій не такъ уже увѣренно отвѣтилъ, что это дѣлаютъ «господа сенаторы».

Прошелъ новый годъ, миновало крещенье, подходилъ февраль. У насъ все шло по старому, но въ Россіи совершались крупныя событія. Объ одномъ изъ нихъ мнѣ пришлось узнать при слѣдующихъ своеобразно-починковскихъ обстоятельствахъ.

Въ одинъ изъ холодныхъ вечеровъ съ сильной метелью къ намъ пріѣхалъ старикъ Молосный. За смертью сына обязанности мѣстнаго старосты перешли пока, до выбора новаго старосты, къ нему, и бѣдный старикъ покорно несъ ихъ, развозя по починкамъ разные офиціальные приказы и мірскіе распорядки. Онъ вошелъ къ намъ, поздоровался, посидѣлъ на лавкѣ и уже собрался уходить. Я подумалъ, что онъ заѣхалъ на раздорожіи погрѣться, и нѣсколько удивился, что между нимъ и Гаврей какъ будто нѣтъ никакихъ родственныхъ разговоровъ. Мнѣ казалось даже, какъ будто Гавря избѣгаетъ разговоровъ о новомъ положеніи своей дочери, и только Лукерья часто ѣздила къ Молоснымъ и проводила у нихъ немногіе свободные часы. Посидѣвъ недолго со мной, причемъ Гавря даже не слѣзъ съ полатей, старикъ остановился передъ уходомъ и сказалъ, обращаясь на полати:

— А тебѣ, Гавря, завтра везти бревно...

— Ну-къ-што. Коли такъ, то и повезу я...

— Вези въ воскресенье.

И старикъ двинулся къ выходу безъ дальнѣйшихъ объясненій, но я остановилъ его. «Везти бревно»... Я зналъ, что это значитъ. Въ селѣ Афанасьевскомъ прихожане строили новую часовню (или даже церковь, — теперь не помню).

Лѣсъ доставлялся всѣмъ приходомъ. Это была извѣстнаго рода натуральная повинность, которой не избѣгли и починки. Отъ нихъ должно быть доставлено извѣстное количество бревенъ, и по разверсткѣ одно изъ этихъ бревенъ падало на Гаврю. Повинность была не особенно трудная: Гаврѣ предстояло отправиться въ Афанасьевское, гдѣ-нибудь по близости отъ этого села срубить бревно и приволочь его къ церкви. Все это было мнѣ понятно. Но почему именно въ данное воскресенье?.. Обыкновенно это предоставлялось на усмотрѣніе самихъ хозяевъ. Я остановилъ старика и спросилъ у него объясненія.

— Черемиця приказалъ... Чтобы, баетъ, непремѣнно былъ отъ васъ кто-нибудь... Молебствовать будутъ. Ну, а Гаврѣ, все одно, надо бревно везти. Пущай ѣдетъ.

Для Гаври, значитъ, къ обязанности везти бревно, присоединялась другая: заодно представительствовать отъ починковъ на молебствіи...

— Постой, постой, старикъ! — остановилъ я опять Молоснаго. — А молебствіе по какому случаю?

Онъ оглянулся отъ порога и сказалъ:

— Тамъ, слышь-ты... въ царя, что ли, палили... Такъ приказано молебствовать... — И съ этимъ Молосный вышелъ.

Такъ я услышалъ въ первый разъ о покушеніи на Александра II-го, произведенномъ посредствомъ взрыва на Николаевской дорогѣ.

Близкіе предметы закрываютъ въ перспективѣ предметы отдаленные. Бревно Гаври и не-

обходимость везти его именно въ данное воскресенье, совершенно заслонило въ глазахъ Гаври и старика Молоснаго интересъ къ міровому и потрясающему, но далекому событію...

Совсѣмъ иное впечатлѣніе произвело оно на ссыльныхъ, особенно на ходоковъ. Ко мнѣ то и дѣло заходили и братья Санниковы изъ Афанасьевскаго и Федотъ Лазаревъ, и Богданъ, и Кузьминъ, и Несецкій узнать, не пришли ли столичныя газеты.

Наконецъ, сильно запоздавшія газеты пришли. Въ избѣ стало тѣсно отъ собравшихся ссыльныхъ. Братья Санниковы подошли вплоть ко мнѣ, жадно заглядывая въ газетные листы. Меня особенно интересовало впечатлѣніе этихъ двухъ стариковъ, настоящихъ коренныхъ крестьянъ. Что скажутъ они о людяхъ, такъ святотатственно посягающихъ на основной столпъ крестьянскаго міросозерцанія. Наконецъ, среди общаго жаднаго молчанія я раскрылъ газету, если не ошибаюсь, «Молву».

Къ сожалѣнію, я не имѣю теперь возможности дословно воспроизвести репортерскую замѣтку, воспроизводившую по свѣжимъ слѣдамъ условія покушенія и первые шаги разслѣдованія. Но вся картина этой темной починковской избы, наполненной жадно слушающими мужиками, всѣ ихъ замѣчанія и отдѣльныя слова такъ ярко запечатлѣлись тогда въ моей памяти, что и теперь, почти черезъ сорокъ лѣтъ, я все это вижу и слышу такъ ясно, точно это происходило недавно.

Газета сообщала о томъ, что передъ приходомъ царскихъ поѣздовъ въ Москву порядокъ ихъ слѣдованія былъ измѣненъ: прежде впереди шли вагоны со свитой, а царскіе въ серединѣ. Но передъ Москвой этотъ порядокъ былъ измѣненъ: царь прослѣдовалъ ранѣе, а свита за нимъ. Взрывъ послѣдовалъ тогда, когда царь уже былъ на станціи, и силой этого взрыва вагонъ со свитой былъ поднятъ и поставленъ поперекъ рельсовъ. Тотчасъ же кинулись обслѣдовать ближайшую мѣстность. Полиція вбѣжала въ домъ, занимаемый мѣщанами — мужемъ и женой Сухоруковыми. Скоро стало ясно, что именно отсюда руководили взрывомъ. Домикъ стоялъ недалеко отъ полотна желѣзной дороги. Въ заборѣ, его окружавшемъ, было прорѣзано четырехугольное отверстіе. Отсюда очевидно слѣдили за проходящими поѣздами и былъ поданъ сигналъ для закрытія тока.

Всѣ эти техническія подробности были мало понятны слушателямъ. Но дальше шло описаніе того, какъ слѣдственныя власти и полиція вошли въ самый домикъ, и на этомъ сосредоточилось все вниманіе моей аудиторіи. Когда я кончилъ, одинъ изъ Санниковыхъ попросилъ прочесть еще разъ и сталъ слушать, сдвинувъ брови, стараясь не пропустить ни одной подробности.

Въ комнатѣ Сухоруковыхъ обстановка была чисто мѣщанская. Въ углу передъ иконой теплилась лампадка...

— Съ именемъ Божіимъ, значитъ, — сказалъ старшій Санниковъ. — Ну, читай, читай дальше.

— Въ комнатѣ стоялъ буфетъ... На буфетѣ сидѣлъ большой сѣрый котъ...

Лицо Санникова оживилось.

— Что же они... взяли его?..

— Кого?

— Да кота-то...

— Да зачѣмъ имъ котъ?.. — удивился я.

Лицо сѣдого мужика приняло лукавое выраженіе.

— Да вѣдь это онъ самый и былъ... Котомъ обернулся... Не догадались!.. Колдовство...

— Да что вы, Санниковъ, какое тутъ колдовство.

— Да ужъ я тебѣ говорю... Вѣрно это — безъ колдовства дѣло не обошлось. Прочти еще разъ насчетъ иконы...

Я исполнилъ его желаніе.

— Ну, — кончено его дѣло. Шабашъ.

— Чье дѣло?

— Лександры царя. Видишь: съ именемъ Божіимъ за него принялись. Противъ царя съ нечистою силою ничего не возьмешь. Сказано: помазанникъ. А ужъ коли съ именемъ Божіимъ противъ него пошли, — помяните мое слово, — обратился онъ къ другимъ слушателямъ, — тутъ ужъ ему, раньше ли, позже ли — не сдобровать... Тутъ выйдетъ толкъ.

Я былъ озадаченъ этимъ неожиданнымъ разсужденіемъ и озадаченъ довольно непріятнымъ образомъ. Весь нашъ кружокъ не раздѣлялъ террористическихъ пріемовъ, къ которымъ силою вещей склонялось русское революціонное

движеніе. Я попытался и на этотъ разъ отстоять свои взгляды.

— Никакого толку тутъ не выйдетъ, — сказалъ я. — Дѣло не въ томъ или другомъ царѣ, а въ тѣхъ или другихъ порядкахъ. Убьютъ одного царя, — будетъ другой, и еще неизвѣстно, — лучшій ли...

Санниковъ посмотрѣлъ на меня.

— Другому безъ манифеста не короноватьсяся...

— Ну, такъ что же?

— Ну... — И онъ привелъ извѣстную поговорку о собакѣ и клокѣ шерсти.

— Вѣрно, — подхватили слушатели. — Будетъ манифестъ, авось и насъ отпустятъ...

Эту сентенцію высказалъ богобоязненный сѣдой мужикъ, и такіе же мужики ему сочувствовали. Читатель сильно ошибется, если припишетъ такой рѣзкій переворотъ въ мужицкихъ головахъ моей «зловредной пропагандѣ». Очень можетъ быть, что до послѣдняго времени Санниковы думали о царѣ иначе: царь и радъ бы, да не даютъ господа и начальство. Но, если это и было такъ до послѣдняго времени, то окончательный поворотъ могъ совершиться подъ вліяніемъ яркаго разсказа Федора Богдана: онъ подалъ просьбу въ руки царю — и очутился въ Починкахъ. Это былъ фактъ, и этотъ фактъ, а не чьи либо коварные комментаріи уронили въ этихъ мужицкихъ головахъ обаяніе царскаго имени... Да, это была отдѣльная струйка, но сколько такихъ струекъ просачивалось уже тогда въ народномъ сознаніи подъ вліяніемъ безправія и безсудности рус-

ской жизни... Административный порядокъ, примѣненный къ крестьянскимъ дѣламъ, доставлялъ народной мысли все новые и новые факты въ этомъ родѣ...

CIII

МНѢ ПРЕДЛАГАЮТЪ ЖЕНИТЬСЯ И ОСѢСТЬ ВЪ ПОЧИНКАХЪ

Около этого времени я задумалъ переѣхать въ другой починокъ. Въ избѣ Гаври появилась зыбка-качалка и сталъ часто слышаться крикъ ребенка. Стало безпокойнѣе. Мнѣ надоѣла копоть черной избы и, кромѣ того, я достаточно насмотрѣлся на порядки въ семьѣ Гаври. Во мнѣ чаще и чаще стало просыпаться стремленіе къ писательству. Я уже говорилъ ранѣе о той полосѣ своего настроенія, когда я рѣшилъ отказаться отъ своихъ литературныхъ замысловъ, такъ какъ скоро должны явиться «писатели изъ народа» и это будутъ настоящіе писатели, тогда какъ мы съ своей односторонней культурой можемъ только извращать литературу[1]). Теперь у меня все чаще являлись позывы къ перу и бумагѣ. Въ свободныя минуты, особенно по вечерамъ, я присаживался къ столу. Въ свѣтцѣ свѣтила лучина; отъ нея то и дѣло отламывались угольки и съ шипѣніемъ падали въ корытце съ водой... А я сидѣлъ и писалъ,

---

[1]) См. главу: «Похороны Некрасова и рѣчь Достоевскаго».

подъ храпъ съ полатей или подъ плачъ ребенка. И порой мнѣ хотѣлось пожить гдѣ-нибудь, гдѣ было бы меньше суеты и суматохи, чѣмъ въ семьѣ Гаври.

Такое мѣсто скоро нашлось. Не помню теперь, какъ звали моего новаго хозяина. Знаю, что рядомъ помѣщался починокъ Васьки Филенка, который я успѣлъ срисовать изъ окна своего новаго жилья, и оба починка стояли близъ самаго берега Камы. Съ семьей Гаври мы разстались дружески. Парнишки, Петрованъ и Андрійка, запряглись въ салазки, куда я взвалилъ свою нехитрую «лопоть», и я переѣхалъ въ починокъ надъ самымъ берегомъ Камы.

Семья оказалась тихая, немногочисленная и пріятная. Молодые мужъ и жена, паренекъ лѣтъ семи и маленькая дѣвочка по второму году. Мужъ — одинъ работникъ, очень старательный. Сынъ уже немного помогалъ отцу, и оба они цѣлые дни ковырялись на дворѣ, что-то прилаживая и устраивая. Онъ только недавно помѣнялся съ братомъ усадьбами, перенесъ сюда свою прежнюю избу, и у него было много работы надъ ея устройствомъ. Жена хлопотала со скотиной и тоже часто отлучалась изъ избы. Тогда мы оставались вдвоемъ съ дѣвченкой. Мать пристраивала ее на полатяхъ, но дѣвочка предпочитала сидѣть прямо на полу, и у этого крохотнаго существа были на это свои очень основательныя причины. Она то и дѣло подползала къ брусу и просила знаками снять ее, что я охотно исполнялъ.

Дѣло въ томъ, что на полатяхъ ее въ бук-

вальномъ смыслѣ ѣли тараканы, которыхъ было здѣсь неимовѣрное количество. У Гаври ихъ тоже было много, какъ впрочемъ и всюду въ Починкахъ, да пожалуй и во всей деревенской Россіи. Но у Гаври ихъ вымораживали каждую зиму. Для этого мы на двѣ недѣли переселились въ лѣтнюю избу, а зимнюю оставили нетопленной. Тараканы отъ холода подымались по стѣнамъ все выше и выше, потомъ взбирались на потолокъ, собирались для тепла большими кучами, замерзали и сваливались на полки, на полати, на лавки, на полъ. Отсюда эти мертвыя тѣла выметали метлой.

Въ моемъ новомъ жилищѣ этого почему-то сдѣлано еще не было (кажется не было еще другой избы), и таракановъ было неимовѣрное количество. Изба была бѣлая и довольно теплая, но на полу было все-таки холоднѣе. На полатяхъ же они кишѣли кишмя. Когда бѣдная дѣвочка засыпала, они взбирались на ея личико, расползались радіусами въ уголкахъ губъ, у глазныхъ впадинъ, въ ушахъ, и ѣли ее, поводя своими длинными усами. Постепенно отступая, они оставляли цѣлые участки объѣденной верхней кожицы, что заставляло бѣдную дѣвочку сильно страдать. Я то и дѣло отгонялъ ихъ, но они тотчасъ же сбѣгались опять. Поэтому бѣдняжка предпочитала днемъ сидѣть на холодномъ полу. Засунувъ пальчикъ въ ротъ, она цѣлыми часами смотрѣла, какъ я работаю на своей сѣдухѣ у окна, или пишу у стола.

Между тѣмъ я все больше сживался съ Починками. Начальство было далеко, можетъ

быть уже забыло обо мнѣ, и я мечталъ о томъ, что, когда придетъ весна, начнутся работы и предо мной откроются новыя стороны этой жизни... Я уже получалъ предложенія сняться съ мѣста и попытаться пройти отсюда лѣсами на вольный широкій свѣтъ. Но пока опредѣленно я еще объ этомъ не думалъ...

Однажды взрослые, но не женатые сыновья Микеши предложили мнѣ и Федоту сходить на посидѣлки. Я согласился.

Мы съ Федотомъ пришли, когда вечерка уже началась. Въ просторной бѣлой избѣ ярко свѣтила лучина. Подъ стѣнами сидѣли на лавкахъ парни и дѣвушки, по большей части парами. Когда мы вошли и Федотъ привѣтствовалъ собравшихся какой-то фабричной шуткой, — мы тоже усѣлись на лавкѣ. Парни и дѣвушки сошлись вмѣстѣ, взялись за руки, запѣли пѣсню, которую я теперь забылъ, и стали кружиться, притопывая въ ладъ. Это и былъ очевидно починковскій хороводъ. Все было какъ-то чинно, степенно, флегматично. — «Сѣверное веселье», — подумалъ я, вспомнивъ украинскую пляску. Когда пѣсня и хороводъ кончились, — всѣ опять сѣли по мѣстамъ, парами. Я замѣтилъ Феклушу, дочь Микеши, и двухъ ея взрослыхъ братьевъ. У парней были пары, у Феклуши не было. Дѣвушки, смѣясь, толкали ее по направленію къ намъ. Она прошла черезъ горницу, подошла ко мнѣ, сѣла ко мнѣ на колѣни и поцѣловала въ губы. Очевидно, это было принято. Феклуша была бѣлобрысенькая, какъ и отецъ, дѣвушка лѣтъ 18-ти, съ круглымъ простодушнымъ, довольно миловиднымъ

лицомъ. Когда я бывалъ у Микеши, и мнѣ случалось читать книжки, — она всегда внимательно слушала и выказывала мнѣ расположеніе. Мы разговорились.

— Скажи, Феклуша, тутъ нѣтъ ли твоего жениха?

— Нѣтъ-то, — сказала она, тряхнувъ головой и прибавила, потупясь: — не пойду я замужъ...

— Что жъ такъ?.. Или нѣтъ тебѣ никого по сердцу?

Она посмотрѣла прямо на меня своими простодушными глазами и сказала:

— За тебя-вотъ пошла бы я.

Я засмѣялся.

— Что ты это, Феклуша... За ссыльнаго-то! А что тятька скажетъ?

Я счелъ это объясненіе шуткой. Оказалось, что Феклуша не шутила. Въ первый же разъ, какъ я послѣ этого посѣтилъ семью Микеши, — онъ отозвалъ меня въ сторону и заговорилъ ласково и душевно. Я кажусь ему человѣкомъ хорошимъ и умнымъ. Даромъ, что ссыльный, а лучше иного жителя. Если бы я посватался, онъ не прочь бы отдать за меня дочь...

Я былъ тронутъ этимъ полупредложеніемъ. Семья Микеши была мѣстомъ, куда я приходилъ часто, чтобы отвести душу отъ суровыхъ починовскихъ впечатлѣній, и всегда уходилъ отсюда, освѣженный. Я могъ бы причислить этого славнаго мужика къ тѣмъ искоркамъ-самородкамъ, о которыхъ говорилъ выше. Въ немъ откуда-то залегло начало общественной нравственности, и онъ былъ признаннымъ

авторитетомъ при разрѣшеніи всякихъ споровъ. Однажды, незадолго до моего пріѣзда, вышелъ такой случай. Двое починковцевъ рѣшили помѣняться землей и усадьбами. Эти мѣны, какъ читатель замѣтилъ еще съ вожделѣнія «засѣдателя» помѣняться со мной сапогами, вообще сильно развиты въ той мѣстности. Для такихъ крупныхъ обмѣновъ, какъ обмѣнъ усадьбами, существуетъ извѣстное обычное право: собирается группа домохозяевъ, мѣняющіеся заявляютъ объ условіяхъ обмѣна, и общественное мнѣніе какъ бы утверждаетъ сдѣлку. На этотъ разъ одинъ изъ мѣнявшихся оказался человѣкомъ неосновательнымъ и вздорнымъ и раздумалъ мѣняться, послѣ того, какъ мѣна уже вступила въ силу. Вышелъ споръ. Въ началѣ зимы предстояло свезти съ земли спорщика стожокъ сѣна, накошеннаго уже новымъ владѣльцемъ. Спорщикъ заявилъ, что онъ не позволитъ тронуть сѣна. Вмѣшалось общественное мнѣніе, и вмѣстѣ съ новымъ хозяиномъ къ стогу выѣхало нѣсколько починовцевъ, присутствовавшихъ при обмѣнѣ, въ томъ числѣ Микеша. Спорщикъ, узнавъ объ этомъ, прискакалъ на вершной съ ружьемъ и, ставъ у стога и изступленно сверкая глазами, божился, что онъ застрѣлитъ перваго, кто тронетъ сѣно. Мужики струсили и готовы были отступиться. Но тутъ выступилъ Микеша и сказалъ спокойно изступленному человѣку:

— Дуракъ ты, Иванко, дуракъ... Чѣмъ пугать вздумалъ. Что жъ, пали, коли такой твой нравъ... Аль у меня не на кого семью покинуть? Слава те Господи. Два сына работники, хозяй-

ство справное, баба умная: сыновей женить, дочь выдать замужъ есть кому... Пали, коли охота.

И, спокойно подойдя къ стогу, онъ первый воткнулъ вилы. Его рѣчь произвела такое впечатлѣніе, что Иванко опѣшилъ, подавленный его спокойнымъ самообладаніемъ, и — стогъ былъ свезенъ, то-есть утвержденная общественнымъ мнѣніемъ сдѣлка состоялась.

Приведенный выше мой разговоръ съ нимъ произошелъ послѣ одного небольшого случая. Не помню по какому поводу, — мы своей ссыльной компаніей рѣшили устроить праздникъ и попросили у Микеши позволенія попировать у него. Онъ охотно согласился. Собрались тутъ мы съ Федотомъ, ходоки Санниковы, Богданъ и Кузьминъ, изъ уголовныхъ ссыльныхъ Несецкій и, кажется, еще Лизунковъ. Семью Микеши мы пригласили тоже. Распорядителемъ пирушки былъ Федотъ Лазаревъ. Онъ устраивалъ ее, повидимому, по своему калужскому ритуалу съ пѣснями и величаніями. Пили поочередно, за здоровье участниковъ, причемъ пѣли величаніе, и въ концѣ Федотъ предложилъ «ура». Когда дружное «ура» въ первый разъ огласило избу, — это на починовскую семью произвело совершенно неожиданное дѣйствіе: всѣ ея члены въ страшномъ испугѣ кинулись на печь и на полати, ожидая, что ссыльные сейчасъ кинутся на нихъ. Одинъ Микеша остался на мѣстѣ, хотя и онъ смотрѣлъ на насъ съ недоумѣніемъ и легкимъ испугомъ. Когда дѣло объяснилось, — всѣ стали смѣяться и дальнѣйшія величанія

всѣхъ по очереди, въ томъ числѣ хозяина и хозяйки, уже не вызывали испуга. Пирушка шла чинно и спокойно. Пѣли пѣсни и плясали, пили очень умѣренно, и все это очень понравилось семьѣ Микеши, сильно опасавшейся вначалѣ нашего сборища.

Не помню, въ тотъ самый вечеръ или нѣсколько спустя, Микеша и завелъ со мною разговоръ о сватовствѣ. Вообще наши нравы очевидно пришлись Микешѣ по душѣ, особенно послѣ того, какъ оказалось, что даже недавняя гроза починковъ Несецкій пересталъ совсѣмъ пьянствовать и велъ себя въ нашей компаніи примѣрнымъ образомъ. Микеша и рѣшилъ, что званіе ссыльнаго, гдѣ есть такіе люди, какъ Санниковы, Богданъ, Кузьминъ и я, не можетъ служить препятствіемъ для союза. Меня же они всѣ полюбили.

Тронутый словами Микеши, я объяснилъ ему, что глубоко признателенъ за его отношеніе, что очень цѣню его семью, что Феклуша очень хорошая дѣвушка, но дѣло это не можетъ сладиться. Я вернусь въ свою сторону...

— Нѣтъ, братъ, напрасно, — сказалъ Микеша съ убѣжденіемъ. — Попадали къ намъ съ чужедальной стороны. Тоже баяли: не надолго молъ, а вотъ и живутъ годы... Развѣ убѣгешь... Такъ уже это что и за жизнь бѣглаго...

— Нѣтъ, Микеша... Это все дѣло другое... Кто сосланъ по суду, тому нѣтъ срока. А мое дѣло, дѣло Федота, Богдана, Санниковыхъ — такое: перемѣнится начальство, и насъ мо-

гутъ вернуть... Что жъ мнѣ тогда дѣлать съ женой...

Микеша задумался. Отношенія мои съ этой семьей остались хорошія до тѣхъ поръ, пока мое предсказаніе не исполнилось, и политическія теченія въ Россіи опять подхватили мою утлую лодочку и вынесли ее изъ бисеровскихъ лѣсовъ.

CIV

ОПЯТЬ ДОРОГА. — БЛЮСТИТЕЛЬ ЗАКОНА — КАКЪ Я УЗНАЛЪ О ВЗРЫВѢ ЦАРСКАГО ДВОРЦА — ВѢРНОПОДДАННАЯ РОССІЯ

Это случилось вскорѣ послѣ нашего разговора съ Микешей. Какъ-то ночью, когда я спалъ крѣпкимъ молодымъ сномъ, — я почувствовалъ, что кто-то тормошитъ меня.

— Вставай инò, Володимеръ. Вставай... Пріѣхали за тобой, — говорилъ мой хозяинъ. Я раскрылъ глаза, но долго не могъ сообразить, въ чемъ дѣло. Въ избѣ ярко горѣла лучина. У стола стояли два жандарма въ походной формѣ, съ шашками и револьверами. Моя маленькая пріятельница проснулась и смотрѣла на нихъ широко открытыми, испуганными глазками. Хозяйка слѣзла на полъ и съ серьезнымъ, печальнымъ лицомъ возилась съ чѣмъ-то у печки, чтобы что-нибудь дѣлать.

Жандармы оказались изъ Вятки. Одинъ изъ нихъ, очевидно «старшо̀й» предъявилъ мнѣ предписаніе: доставить немедленно политическаго ссыльнаго такого-то въ губернскій городъ. Онъ былъ замѣтно пьянъ и велъ себя развязно и грубо.

— Покажите свои вещи и бумаги. Я произведу обыскъ.

Я посмотрѣлъ въ предписаніе. Тамъ ничего объ обыскѣ не говорилось.

— Вы умѣете читать? — спросилъ я у старшого.

— Я унтеръ-офицеръ, — заявилъ онъ надменно.

— Такъ посмотрите предписаніе. Гдѣ тутъ сказано объ обыскѣ?

— Ваше дѣло не разсуждать! — И онъ двинулся къ моему ящику.

— Постойте, — остановилъ я его. — Вамъ извѣстно, что при обыскѣ должны по закону присутствовать понятые. Слушай, другъ, — обратился я къ хозяину. — Сбѣгай, пожалуйста, къ Филенку, къ Гавринымъ, еще къ кому-нибудь изъ сосѣдей и зови ихъ сюда. А до прибытія понятыхъ, — обратился я къ жандармамъ, — не смѣйте трогать мои вещи.

Хозяинъ тотчасъ же убѣжалъ исполнять мою просьбу, или мое распоряженіе, и черезъ четверть часа въ мою избу стали входить одинъ за другимъ рослые и непривѣтливые починовцы. Угрюмой толпой они сгрудились у порога, глядя выжидающе на меня и на жандармовъ. У меня были свои причины дѣйствовать такимъ образомъ. Кромѣ постоянной склонности

не уступать незаконнымъ притязаніямъ, я вспомнилъ, что въ моихъ бумагахъ есть начатое письмо къ брату, не назначенное для полицейскаго просмотра, а въ замѣткахъ о починовской жизни тоже есть кое-что, что не надо было читать администраціи. Когда въ избѣ набралось достаточно народа, — я обратился къ мужикамъ и сказалъ:

— Ну, добрые люди, — приходится мнѣ отъ васъ уѣзжать... Не поминайте лихомъ.

— Чё лихомъ поминать, — сказалъ кто-то изъ знакомыхъ мужиковъ. — Жилъ не худо...

— Теперь еще вотъ что: за мной пріѣхали вотъ эти люди. Это жандармы. Одинъ изъ нихъ, вы видите, пьянъ. Онъ хочетъ непремѣнно сдѣлать у меня обыскъ и читать мои бумаги. Но въ предписаніи нѣтъ никакого распоряженія объ обыскѣ... Вотъ слушайте.

Я прочелъ бумагу.

— Такъ вотъ, — если онъ будетъ упрямиться, — я составлю протоколъ, а вы дадите руки...

— Для че не дать, — сказалъ тотъ же мой знакомый.

Жандармы сильно присмирѣли. Младшій изъ нихъ, котораго я впослѣдствіи описалъ въ одномъ изъ своихъ очерковъ, — человѣкъ болѣе разумный и умѣренный, — отозвалъ старшого и сталъ что-то говорить ему. Тотъ сдался.

— Не надо понятыхъ, господинъ. Обыска дѣлать не станемъ.

Дорогой этотъ младшій жандармъ признавался мнѣ, что эти починки въ темныхъ лѣ-

сахъ и видъ этихъ угрюмыхъ людей, такъ охотно исполнявшихъ мои распоряженія, нагналъ на нихъ сильную робость, хотя... Весь секретъ былъ въ моемъ увѣренномъ тонѣ и, если бы они сами держались увѣреннѣе, то еще неизвѣстно, кого бы послушались эти робкіе люди.

— Ну, вотъ, такъ бы сразу, — сказалъ я, и опять обратился къ починковцамъ. — Такъ какъ жандармы отказываются отъ своего незаконнаго требованія, то вамъ больше дѣлать тутъ нечего. Спасибо, что пришли. Теперь прощайте. Скажите Федоту Лазареву, Несецкому, Гавринымъ и Микешѣ, что меня увезли въ Вятку, и можетъ быть и дальше, и что я имъ кланяюсь.

— Дай Богъ счастливо, — послышалось въ толпѣ и, тѣсно столпившись у порога, — мужики ушли одинъ за другимъ, а я принялся укладываться. Старшой захрапѣлъ въ углу, младшій вышелъ зачѣмъ-то къ санямъ, и я успѣлъ передать хозяевамъ кое-что неудобное для полицейскихъ глазъ. Хозяева были искренно опечалены. На глазахъ у хозяйки виднѣлись слезы, когда я на прощаніе поцѣловалъ ея маленькую дочку.

Наконецъ мы вышли. Ночь была тихая, темная. Съ противоположной стороны Камы неслся знакомый мнѣ протяжный шумъ бора. Старшой подошелъ къ повозкѣ, порылся въ ней и приставилъ ко рту бутылку. Послышалось бульканье водки, и онъ тотчасъ же завалился въ сани. Младшій предупредительно расчистилъ мнѣ мѣсто и самъ сѣлъ напротивъ,

на козлы. Сани спустились на Каму и поползли межъ стѣнъ бора.

— Ты знаешь дорогу? — спросилъ я у ямщика.

— Бывалъ со старшиной и урядникомъ.

— Поѣзжай черезъ Дураненковъ дворъ.

— Ладно.

Рядомъ со мной храпѣлъ старшой. Другой жандармъ, сидя, клевалъ носомъ на облучкѣ. Я не дремалъ: меня обступили недавнія воспоминанія. Вотъ, съ берега направо глядятъ темныя окна Молосныхъ. Вотъ часовня Флора-Лавра и чуть видная лѣсина, передъ которой Черемиця кадитъ и поетъ молебны... А вотъ на берегу темныя постройки Дураненкова починка.

— Стой тутъ, — сказалъ я ямщику и, не давъ жандармамъ очнуться, выскочилъ изъ саней. Ко мнѣ сразу кинулись дураненковы собаки, но, признавъ знакомаго, обратили свою ярость на младшаго жандарма, который выскочилъ за мною.

— Сидите въ саняхъ, — крикнулъ я, видя, какъ онъ обороняется отъ собакъ шашкой, а самъ быстро взбѣжалъ на крыльцо и повернулъ въ темный проходъ, который велъ къ зимней избѣ Дураненка, — жилищу Улановской.

— Кто тутъ? — спросила дѣвушка испуганнымъ голосомъ.

Я наскоро объяснилъ, въ чемъ дѣло, и успѣлъ сунуть ей нѣкоторыя бумаги и, помнится, письмо къ брату. Она зажгла свѣчу, и мы

обмѣнялись торопливыми словами: ея предчувствія исполнились, и ей, бѣднягѣ, приходится опять оставаться одной.

Между тѣмъ младшій жандармъ рѣшилъ не отставать отъ меня и пошелъ тѣми же переходами. Не зная ихъ, какъ слѣдуетъ, онъ провалился въ люкъ, куда кидаютъ кормъ скоту, и застрялъ въ немъ со своей шашкой и револьверомъ. Я вышелъ къ нему со свѣчкой и помогъ ему выбраться. Онъ очень обрадовался, видя, что приключеніе окончилось для него благополучно, и не мѣшалъ намъ съ Улановской переговорить на прощаніе. Затѣмъ, мы горячо по-товарищески обнялись съ искренно опечаленной дѣвушкой, и я вышелъ. Старшой безпечно храпѣлъ въ саняхъ, ничего не подозрѣвая о тревогѣ товарища.

Дальнѣйшій путь, къ великой радости младшаго жандарма, обошелся безъ приключеній. Мы ѣхали то по льду Камы и ея Старицѣ, то пересѣкая рѣку и углубляясь въ лѣса. Надо мной, какъ призраки, проплывали то вершины сосенъ, то туманныя облака на небѣ. Въ моемъ расколыхавшемся воображеніи проходили, какъ эти облака, картины, мѣста и люди, которыхъ я оставлялъ позади себя...

А что ждало меня впереди? Я былъ молодъ, здоровъ и силенъ, и мое воображеніе стремилось навстрѣчу туманному, неизвѣстному, но все же, казалось, заманчивому будущему. Подъ эти мысли и подъ ровный скрипъ полозьевъ я незамѣтно заснулъ.

Я очнулся яснымъ зимнимъ утромъ, пропу-

стивъ перепряжку въ Афанасьевскомъ или Бисеровѣ. Наши сани подымались на возвышенный берегъ рѣки по довольно крутому взъѣзду. Мы переѣхали черезъ Вятку. Впрочемъ, не помню теперь, — была ли это Вятка или другая рѣка или рѣчка. Но когда я оглянулся съ высокаго берега, за нами внизу широко и далеко разстилалось море «черни», — лиственныхъ лѣсовъ, какими я ѣхалъ въ Починки... Былъ уже день... Увалы, холмы, уходили вдаль, мѣняя цвѣта и оттѣнки. Я старался угадать среди нихъ далекіе Березовскіе Починки на верхней Старицѣ, гдѣ мнѣ въ такое короткое время пришлось пережить столько яркихъ впечатлѣній. Но угадать ихъ въ этомъ сплошномъ морѣ лѣсовъ было трудно.

Въ Вяткѣ мы остановились, — иначе сказать, меня отвезли изъ канцеляріи губернатора въ тюрьму. Мѣсто мнѣ было знакомое: здѣсь мы съ братомъ по пути въ Глазовъ провели около недѣли. Смотритель, довольно добродушный и неглупый старикъ, предупреждалъ насъ тогда, что Глазовъ — страшная глушь, и теперь съ удивленіемъ узналъ, что я попадаю къ нему изъ Березовскихъ Починковъ... О Починкахъ въ Вяткѣ слышали, и ко мнѣ въ тюрьму нарочно приходили два чиновника губернскаго правленія, пожелавшіе увидѣть человѣка, побывавшаго въ знаменитыхъ починкахъ. У меня не было особенной охоты удовлетворять ихъ любопытство. На мой вопросъ, обращенный къ полицеймейстеру, крупному, хорошо упитанному субъекту, — за что я содержусь въ вятской тюрьмѣ, онъ отвѣтилъ дипло-

матично, что меня вѣроятно рѣшили перевести въ губернскій городъ, но сейчасъ губернаторъ въ отъѣздѣ, и мнѣ придется подождать его пріѣзда. Это была, конечно, явная ложь, и я засмѣялся прямо ему въ лицо.

Дни шли за днями, губернаторъ не пріѣзжалъ. Въ одинъ холодный день, когда снаружи въ окна тюрьмы глядѣлъ слѣпой зимній туманъ — смотритель сообщилъ мнѣ, что сегодня тюрьму посѣтитъ прокуроръ (или товарищъ прокурора, — теперь не помню). Я выразилъ желаніе повидать его. — Онъ, все равно, зайдетъ къ вамъ, такъ какъ будетъ обходить всѣ камеры, — но... — И умный старикъ улыбнулся, давая мнѣ понять, что мое обращеніе къ «представителю закона» будетъ напрасно. Я въ этомъ пожалуй не заблуждался, но все-таки пожелалъ предложить ему свой вопросъ.

Дверь моей камеры широко распахнулась, и на порогѣ появился «представитель прокурорскаго надзора». Это былъ молодой еще человѣкъ, очевидно, изъ какого-то «привилегированнаго» заведенія, вѣроятно лицеистъ. Черты лица его были тонки и изнѣжены. Онъ былъ одѣтъ въ пальто и глубокихъ калошахъ, а шея его была повязана большимъ шарфомъ. Казалось, этотъ молодой человѣкъ не просто обходитъ помѣщеніе, гдѣ живутъ сотни людей, а только старается пройти, по возможности не запачкавшись, по какому-то грязному мѣсту. Войдя въ мою камеру, онъ тотчасъ же скользнулъ поверхностнымъ взглядомъ по стѣнамъ и потолку.

— Господинъ товарищъ прокурора, — сказалъ я, — я имѣю заявленіе.

Взглядъ молодого человѣка съ потолка прошелъ на меня, и онъ вѣжливо сказалъ:

— Я слушаю.

— Если не ошибаюсь, существуетъ законъ, по которому арестуемымъ должно быть въ трехдневный срокъ сообщено о причинахъ ареста.

— Совершенно вѣрно.

— И на лицахъ прокурорскаго надзора лежитъ обязанность слѣдить, чтобы этотъ законъ не оставался мертвой буквой.

— Да.

— И даже своею властью освобождать заключенныхъ, если законъ нарушенъ. Я сижу въ тюрьмѣ уже вторую недѣлю, и единственная причина этого, какъ мнѣ въ присутствіи смотрителя заявилъ полицмейстеръ, та, что изъ города уѣхалъ губернаторъ.

Молодой человѣкъ съ вопросительнымъ взглядомъ повернулся къ смотрителю. Тотъ вытянулся по-военному и отвѣтилъ:

— Въ административномъ порядкѣ-съ...

Это два слова произвели на молодого юриста дѣйствіе электрической искры. Онъ сразу задвигался и сталъ отступать къ дверямъ, двигаясь спиной впередъ и говоря въ то же время...

— Извините... но... тутъ я ничего, ничего не могу сдѣлать...

— Значитъ, — усмѣхнулся я, — достаточно написать на двери мѣломъ «въ административномъ порядкѣ», и дѣйствіе данной статьи за-

кона прекращается. Можно держать человѣка сколько угодно.

— Нич-чего не могу сдѣлать, — сказалъ прокуроръ, уже стоя на порогѣ и съ этими словами — исчезъ со своими шарфами и калошами. Смотритель глядѣлъ на эту сцену со своей умной улыбкой.

Наконецъ за мной явились жандармы. Это были тѣ самые, которые привезли меня изъ Починокъ, — одинъ вѣжливый и довольно пріятный, другой грубый и пьяный. Мы поѣхали съ ними тѣмъ же путемъ, какимъ въ прошломъ году ѣхали съ братомъ, и останавливались на тѣхъ же станціяхъ. На печкахъ и косякахъ я встрѣчалъ надписи, сдѣланныя тогда. Встрѣчалось между прочимъ и имя Клавдіи Мурашкинцевой. На меня пахнуло недавнимъ прошлымъ. Тогда были чудные весенніе дни... Ѣхали мы изъ тюрьмы, и даже ссылка казалась намъ выходомъ на свободу... Вспомнились мнѣ тогдашніе хороводы, пѣсни... Теперь я ѣхалъ навстрѣчу вѣроятно новой тюрьмѣ... Тѣ, кому пришлось бывать въ подобныхъ обстоятельствахъ, вспомнятъ навѣрное то особенное чувство, которое вызываютъ въ душѣ такія напоминанія о прошломъ, въ видѣ какой-нибудь надписи на стѣнѣ, которую прочитываешь въ пути...

Мѣстами ямщики или почтовые писаря узнавали меня и порой спрашивали: «Вы тогда ѣхали вдвоемъ. Два брата, похожіе другъ на друга... А гдѣ же теперь твой братъ?»

Въ одномъ мѣстѣ насъ повезъ молодой веселый парень, который тогда очень восхищался

пѣніемъ Мурашкинцевой. Онъ, очевидно, тоже узналъ меня и все поворачивался, какъ будто собираясь сказать что-то. Но его, очевидно, останавливалъ суровый видъ старшого. Наконецъ, пустивъ лошадей легкою рысцою по ровной дорогѣ, — онъ не выдержалъ. Скручивая папиросу, онъ повернулся на козлахъ и сказалъ:

— Слышь... А безъ тебя тамъ еще подбавили...

Видя мой недоумѣвающій вопросительный взглядъ, онъ лукаво подмигнулъ мнѣ и пояснилъ:

— Царской-отъ дворецъ... въ конецъ, братецъ, нарушили.

Пьяный старшой очнулся отъ дремоты и заворочался.

— Что так-кое?.. Ты какъ можешь!..

Ямщикъ еще разъ подмигнулъ мнѣ и повернулся къ лошадямъ.

Такъ я узналъ, на костромской дорогѣ, о взрывѣ царскаго дворца, произведенномъ Халтуринымъ. Ямщикъ говорилъ веселымъ, но въ сущности безразличнымъ тономъ. Тебѣ, дескать, интересно, а мнѣ наплевать... На меня опять пахнуло починковскимъ безразличіемъ...

Однако, чѣмъ болѣе мы подвигались къ югозападу, оставляя за собой костромскіе лѣса и трущобы, продолженіе вятскихъ трущобъ, — тѣмъ болѣе я чувствовалъ, какъ кончается это безразличіе. На станціяхъ подъ Костромой уже слышались разговоры о Лорисъ-Меликовѣ, о данныхъ ему царемъ особыхъ полномочіяхъ, о покушеніи на него со стороны Млодецкаго.

Въ одномъ мѣстѣ станціонный писарь, молодой и толковый отставной солдатъ, разсказывалъ жандармамъ о Лорисъ-Меликовѣ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ на Кавказѣ. Его отзывы были проникнуты восторгомъ и... политикой. Въ его рѣчахъ слышалось осужденіе террористическихъ покушеній. Онъ посматривалъ при этомъ на меня, но удержался отъ прямыхъ намековъ. Такіе разговоры то и дѣло звучали въ моихъ ушахъ и на другихъ станціяхъ. Черезъ Кострому мы проѣхали утромъ, не останавливаясь. Было какъ разъ 19-е февраля, день царскаго юбилея. Толковали о «Царѣ-Освободителѣ», объ уничтоженіи крѣпостного права, о взрывахъ на желѣзной дорогѣ и во дворцѣ... Казалось, починковское равнодушіе осталось далеко позади. Все, что мнѣ приходилось слышать теперь, — было проникнуто вѣрноподданствомъ и недоумѣннымъ осужденіемъ таинственныхъ людей, невѣдомо изъ за чего посягающихъ на царя и на власти... Процессъ, уже закончившійся въ душахъ Санниковыхъ, Кузьминыхъ и Богдановъ, — еще не начинался въ широкихъ массахъ, ожидавшихъ всего отъ царской милости. Говорили о какомъ-то особенномъ манифестѣ, который долженъ былъ выйти, а теперь уже навѣрное вышелъ въ день царскаго юбилея.

Черезъ нѣсколько дней въ газетахъ стали появляться извѣстія, что день юбилея далеко не вездѣ обошелся спокойно. Въ Петербургѣ на Невскомъ проспектѣ кучки рабочихъ задирали интеллигентныхъ людей и даже кое-гдѣ избивали ихъ. То же повторилось въ нѣкото-

рыхъ другихъ мѣстахъ, особенно въ Саратовѣ. А въ одномъ изъ уѣздовъ, помнится, Тверской губерніи, среди крестьянъ распространились волнующіе слухи, «что господа стремятся извести царя». Подъ «господами» тутъ разумѣлись всѣ представители правящихъ классовъ, и въ одномъ мѣстѣ толпа крестьянъ долго гналась за исправникомъ, проѣзжавшимъ мимо какого-то села съ колокольцами. Звонъ колокольцовъ почему-то на этотъ разъ возмутилъ крестьянъ: начальство дескать радуется въ то время, какъ на царя то и дѣло производятся покушенія. Впрочемъ, газеты объ этихъ случаяхъ писали лишь вскользь, и причины остались невыясненными.

Мнѣ лично въ моемъ пути не пришлось наблюдать такихъ проявленій своеобразной преданности царю. Но, когда я, подъ вечеръ 19-го февраля, подъѣзжалъ къ Ярославлю на тройкѣ, запряженной въ крытый возокъ, то впереди меня весь горизонтъ пылалъ огромнымъ заревомъ, кидавшимъ отсвѣтъ на волжскіе снѣга. Навстрѣчу намъ, а еще болѣе въ обгонку, ѣхали сани, въ которыхъ жители селъ стремились въ городъ, чтобы посмотрѣть царскій праздникъ. Я открылъ окно возка и старался прислушаться къ обрывкамъ разговоровъ. Это удавалось плохо, но все же у меня было ощущеніе, что на этой волжской дорогѣ, а вѣроятно и въ приволжскихъ селахъ, какъ это зарево, стоитъ теперь торжественное настроеніе царскаго праздника и не остывшей еще благодарности къ царю-освободителю.

Россія была тогда еще очень далека отъ оппо-

зиціоннаго настроенія свободолюбивой интеллигенціи. И все-таки было здѣсь что-то, что дѣлало мнѣ это настроеніе болѣе близкимъ, чѣмъ тупое равнодушіе лѣсной стороны. Здѣсь былъ уже интересъ къ тѣмъ же вопросамъ, которые занимали и насъ. Пусть это интересъ враждебный, но все-таки хоть общая почва для спора...

Мнѣ теперь часто вспоминается этотъ далекій вечеръ. Надъ умами народа стояло, какъ это зарево вверху, — фантастическое представленіе о царяхъ, непрестанно пекущихся о народномъ и, главнымъ образомъ, крестьянскомъ благѣ... Нужно было еще почти три десятилѣтія и усилія трехъ царей, объявившихъ своей программой послѣ освобожденія полный застой и остановку жизни великой страны, чтобы разрушить въ русскомъ народѣ эту легенду о царской власти. Я оставилъ за собой начало этого процесса въ душахъ ссыльныхъ ходоковъ, которыхъ деревня посылала къ царю съ наивными ожиданіями. И ихъ исторія знаменовала разочарованіе въ царской власти, постепенно просачивавшееся въ народныя массы.

CV

ВЪ МОСКВѢ — ШПІОНЪ — РАЗГОВОРЫ О ЛОРИСЪ-МЕЛИКОВѢ — ВЕСЕЛЫЙ ЖАНДАРМЪ И ЕГО ДОГАДКИ — ПРІѢЗДЪ ВЪ ВЫШНІЙ-ВОЛОЧЕКЪ

Изъ Ярославля по желѣзной дорогѣ меня привезли въ Москву и опять я попалъ въ ту же Басманную часть, въ которой успѣлъ побывать уже два раза... Я конечно тотчасъ же попытался перестукаться съ сосѣдями, чтобы узнать новости. По одну сторону сидѣлъ нѣкто Устимовичъ, украинецъ, кажется заподозрѣнный въ сепаратизмѣ. Но едва я вступилъ съ нимъ въ разговоръ черезъ стѣнку, — его куда-то увели. Пришлось обратиться къ другой стѣнкѣ. Тутъ сосѣдъ не отвѣтилъ мнѣ обычнымъ стукомъ, а только постепенными ударами кулака показалъ направленіе къ печкѣ. Оказалось, что почему-то тутъ жестяная труба, соединявшая печи двухъ камеръ, испорчена и въ нее можно разговаривать безъ стука. Тотчасъ же въ нее послышался громкій шопотъ:

— Кто вы?.. Когда васъ арестовали?.. — И такъ далѣе. Я въ свою очередь предложилъ такіе же вопросы собесѣднику. Но онъ, не отвѣтивъ, спросилъ меня торопливо:

— Не знаете ли вы Гартмана? Очень бы нужно сообщить ему важныя для него извѣстія. Гдѣ онъ скрывается?

— А кто такой этотъ Гартманъ?

— Ну, развѣ вы не знаете! — сказалъ онъ съ разочарованіемъ и недовѣріемъ.

— Но вѣдь меня только что привезли изъ Вятки...

— Ну, можетъ знали раньше... Можетъ укажете мнѣ его близкихъ знакомыхъ. Мнѣ вы можете вполнѣ довѣрять...

— Да кто же все-таки этотъ Гартманъ?..

— Онъ произвелъ взрывъ на желѣзной дорогѣ, и очень важно сообщить ему кое-что. Понимаете...

Я понялъ: со мной рядомъ сидѣлъ очевидно шпіонъ. Неужели его посадили нарочно для меня?.. Въ это время въ трубу я услышалъ покашливаніе и шаги. Въ камерѣ, очевидно, былъ еще кто-то.

— Кто еще съ вами? — спросилъ я.

— Такъ это... другой, тоже политическій. — Онъ понизилъ голосъ до шопота и прибавилъ: — Бѣдняга помѣшался.

Въ это время мою камеру отперли и служитель пригласилъ меня выйти. Я вышелъ въ коридоръ и очутился среди настоящей сутолоки. Въ коридорѣ было нѣсколько человѣкъ: кого-то уводили, кого-то приводили, ключникъ бѣгалъ съ ключами. Это очевидно онъ выпустилъ меня, но затѣмъ не обращалъ на меня вниманія. Не зная въ чемъ дѣло, я подошелъ къ двери другого моего сосѣда. Устимовичъ былъ уже тутъ. Подойдя къ своему окошечку и оглядѣвъ меня, онъ сказалъ:

— Ого, — какой у васъ дикій видъ!.. За одну такую наружность могли бы арестовать на улицѣ.

Я дѣйствительно все время пребыванія въ Починкахъ не стригъ волосъ. Баня у Гаври была черная: копоть висѣла хлопьями и мыться въ ней было трудно: бѣлье пачкалось въ сажѣ. Копоть черной избы въѣлась въ поры моей кожи, и дѣйствительно видъ у меня былъ совершенно дикій. Я въ свою очередь оглядѣлъ Устимовича. Это былъ человѣкъ лѣтъ 30-ти съ пріятнымъ, спокойнымъ лицомъ и замѣтнымъ украинскимъ выговоромъ.

— Кстати, — сказалъ онъ. — Имѣйте въ виду, что рядомъ съ вами сидитъ сыщикъ доброволецъ. Это какой-то кавалерійскій юнкеръ, поддѣлавшій вексель тетушки. Объ немъ производится дѣло, которое повидимому замнутъ... Онъ уже на свободѣ, но его посадили сюда нарочно: случилась большая кража, надѣлавшая много шуму, и его подсадили къ одному изъ предполагаемыхъ участниковъ...

Въ это время ключникъ торопливо подбѣжалъ ко мнѣ.

— Ваша фамилія? — спросилъ онъ у меня съ тревогой. Я назвался. Онъ открылъ опять мою камеру и сказавъ мнѣ, — «пожалуйте» — тотчасъ опять захлопнулъ дверь.

— Гдѣ тутъ Ивановъ? (за точность фамиліи не ручаюсь) — спросилъ онъ громко въ коридорѣ.

— Я, я Ивановъ! — отвѣтилъ мой сосѣдъ. Замокъ щелкнулъ и сосѣдъ вышелъ. Я съ любопытствомъ взглянулъ на него: невзрачная фигура въ штатскомъ платьѣ съ непріятнымъ и ничтожнымъ лицомъ. Онъ весело ушелъ «на

волю», а я заговорилъ съ оставшимся сосѣдомъ.

— Вы политическій? — спросилъ я.

— Вретъ онъ, — отвѣтилъ мнѣ сиплый, какъ будто съ перепою молодой голосъ и тотчасъ же прибавилъ съ подкупающей откровенностью: — я — жуликъ.

Онъ съ нѣкоторою гордостью разсказалъ о громкой кражѣ, «о которой даже писали въ газетахъ», и затѣмъ сказалъ:

— Подсыпается тоже... дурака нашелъ. Я вамъ нарочно кашлялъ, чтобы вы ему не вѣрили...

На слѣдующій день за мной явились два жандарма и повезли на Николаевскій вокзалъ. Вагонъ Ш-го класса былъ тѣсно набитъ пассажирами. Я сѣлъ на лавочкѣ среди публики. Одинъ изъ провожатыхъ сѣлъ рядомъ, другой — напротивъ. Рядомъ съ нами за узкимъ проходомъ сидѣлъ какой-то благообразный молодой человѣкъ въ русскомъ полушубкѣ, покрытомъ тонкимъ сѣрымъ сукномъ, и въ высокой барашковой шапкѣ. Въ его наружности было что-то аристократическое: членъ какого-то благороднаго семейства, временно вынужденный ѣхать въ 3-мъ классѣ... Противъ него сидѣлъ худощавый и даже тщедушный господинъ съ нервнымъ и желчнымъ лицомъ, то и дѣло заговаривавшій съ своимъ визави, а рядомъ съ нимъ — выпившій купецъ. Господинъ оказался техникомъ изъ Саратова, ѣхавшимъ по дѣламъ въ Петербургъ. Эти три человѣка говорили о послѣднихъ событіяхъ, о состоявшемся назначеніи Лорисъ-Меликова, о выстрѣлѣ и казни

Млодецкаго. Говорилъ больше техникъ. Аристократическій молодой человѣкъ отвѣчалъ сдержанно. Купецъ вмѣшивался громко и экспансивно, вовлекая въ разговоръ остальную, по большей части, сѣрую публику. Вскорѣ поѣздъ тронулся, и разговоръ сталъ общимъ. Говорили о событіяхъ, по большей части осуждая революціонеровъ. На одной изъ близкихъ станцій купецъ собрался уходить и передъ уходомъ кинулъ собесѣдникамъ лукавую реплику:

— Ну, все-таки, господа милостивые, позвольте мнѣ сказать: все это отъ ученыхъ людей происходитъ, вотъ какъ вы, къ примѣру, а не отъ насъ вахлаковъ необразованныхъ. Такъ ли я говорю? — сказалъ онъ, оглядываясь на сѣрыхъ слушателей.

Сѣрая публика, очевидно, была на его сторонѣ. Раздался сочувственный смѣхъ и шуточки. Техникъ и его собесѣдникъ очевидно почувствовали себя неловко. Когда купецъ ушелъ, техникъ заговорилъ тише.

— Да, вотъ каковы сужденія толпы!.. Нѣтъ, какъ хотите, — нельзя не признать: устарѣлъ государь. Не тотъ уже, что былъ прежде... Будь онъ тотъ же, что былъ смолоду, непремѣнно бы далъ (онъ нѣсколько понизилъ голосъ), далъ бы непремѣнно кон-сти-туцію... Написалъ бы: «быть по сему» — и кончено! Разумѣется, разные негодяи, которые кидаютъ бомбы, — этимъ бы не удовлетворились. Но всѣ просвѣщенные люди, какъ вы, я...

Онъ пытливо посмотрѣлъ на меня и благосклонно прибавилъ:

— Вѣроятно — вотъ они — привѣтствовали

бы новую реформу и все вошло бы въ колею. Какъ вы полагаете?

Аристократическій господинъ приподнялъ брови: видимо онъ считалъ разговоръ несовсѣмъ умѣстнымъ. Техникъ перемѣнилъ тему:

— Позвольте спросить: вы зачѣмъ изволите ѣхать въ столицу?..

— Не знаю точно. Дядя зоветъ зачѣмъ-то.

— А... Иванъ Степановичъ N (онъ назвалъ фамилію довольно извѣстную въ чиновничьихъ сферахъ).

— Да... Тамъ, повидимому, наклевывается мѣсто... въ верховно-уголовной комиссіи при Лорисъ-Меликовѣ...

Техникъ почтительно замолчалъ. Очевидно еще не выяснилось вполнѣ, какого курса будетъ держаться Лорисъ-Меликовъ. Я жадно слушалъ эти разговоры, и мнѣ казалось послѣ вятской глуши, что я очутился среди настоящаго кипѣнія политическихъ мнѣній... Вскорѣ однако разговоры стали стихать, публика рѣдѣла. Къ моимъ провожатымъ подошелъ изъ другого вагона молодой жандармъ, очень развязный, выпившій и веселый. Онъ ѣхалъ домой въ отпускъ, очень гордился своей службой писаря въ жандармскомъ управленіи и новыми сапогами, которыми намѣревался пощеголять въ деревнѣ. Когда кондукторъ сталъ штемпелевать билеты, онъ безъ церемоніи взглянулъ на нихъ и радостно свиснулъ:

— Вышній-Волочекъ!.. Такъ это васъ, господинъ, везутъ въ централъ.

Только тутъ я узналъ, что меня везутъ изъ вятской губерніи въ Вышній-Волочекъ. За-

чѣмъ?.. Веселый жандармъ, замѣтивъ на моемъ лицѣ выраженіе сомнѣнія, — прибавилъ тѣмъ же радостнымъ тономъ:

— Въ централъ!.. Это ужъ вѣрно. Не извольте безпокоиться: я ужъ эти дѣла знаю. Въ централъ — и конечно!

Повидимому, это была полная нелѣпость. Въ центрально-каторжную тюрьму нельзя было попасть безъ суда. Но — пути русской жизни неисповѣдимы. Лорисъ-Меликовъ получилъ какія-то экстренныя полномочія и, можетъ быть, наша жизнь докатилась уже до центрально-каторжныхъ тюремъ въ административномъ порядкѣ.

Нельзя сказать, чтобы у меня было весело на душѣ, когда уже темнымъ раннимъ вечеромъ мы ѣхали съ вышневолоцкаго вокзала куда-то довольно далеко за городъ. Была оттепель. Небо затянуло густыми низкими тучами, скрывшими звѣзды. Такія же тучи затянули мое, вообще довольно бодрое настроеніе. Извозчикъ свернулъ съ шоссе и подъѣхалъ къ тюремной оградѣ: вѣтеръ шевелилъ и качалъ висѣвшій надъ широкими воротами фонарь. За стѣной едва виднѣлось двухъ-этажное зданіе тюрьмы, въ которомъ тускло свѣтились нѣсколько оконъ. Послѣ обычныхъ формальностей насъ ввели въ ограду, а затѣмъ — въ тюремную контору, которая показалась мнѣ какой-то мрачной мурьей. Здѣсь мнѣ предложили раздѣться, убрали мое платье и сапоги, а мнѣ дали арестантскіе коты, бушлатъ, штаны и шапку безъ козырька. На спинѣ бушлата были черныя буквы В. П. Т. Обращеніе слу-

жителей, особенно одного, повидимому старшаго, было грубо и непривѣтливо. Онъ предложилъ мнѣ подождать, пока придетъ смотритель. Я сѣлъ на свободный стулъ. Служитель посмотрѣлъ на меня пристальнымъ неодобрительнымъ взглядомъ, какъ будто осуждая эту вольность...

Наконецъ, дверь конторы отворилась, и, сильно согнувшись, въ контору вошелъ человѣкъ огромнаго роста съ очень крупными чертами лица, который въ тогдашнемъ моемъ настроеніи показался мнѣ гориллой. Онъ сѣлъ за столъ и сразу же приступилъ къ осмотру моего чемодана и ящика. Увидѣвъ рукописи, онъ съ интересомъ сталъ ихъ просматривать. Какой-то листокъ, написанный очень мелко, обратилъ повидимому его особенное вниманіе. Брови его сдвинулись.

И вдругъ огромное лицо поднялось отъ стола и на меня взглянули добрые глаза, полные какого-то наивнаго участія:

— Что это? — сказалъ онъ, покрывая листокъ своей огромной ладонью. — Г'опотъ на жизнь?

Я посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Г'опотъ на жизнь, — повторилъ онъ. — У многихъ, знаете, встрѣчается г'опотъ на жизнь...

— Нѣтъ, господинъ смотритель, — отвѣтилъ я, улыбаясь... — Никакого ропота тутъ нѣтъ...

— А я думалъ: непг'емѣнно г'опотъ... Ну, добг'о пожаловать. Пойдемъ...

И онъ повелъ меня въ зданіе тюрьмы. Черезъ минуту я былъ въ большой камерѣ, гдѣ меня встрѣтили новые товарищи, жильцы не центрально-каторжной, а только Вышневолоцкой политической тюрьмы, что и значилось теперь у меня на спинѣ въ видѣ трехъ буквъ В. П. Т.

Въ камерѣ, куда я попалъ, было уже человѣкъ пять. Первымъ подошелъ ко мнѣ молодой человѣкъ съ очевидной военной выправкой и, шаркнувъ такъ, какъ будто на немъ были сапоги со шпорами, отрекомендовался:

— Прапорщикъ Верещагинъ.

— Кожуковъ, — сказалъ за нимъ старообразный коренастый молодой человѣкъ, похожій на плохо выбритаго консисторскаго чиновника.

— Волоховъ, Петръ Михайловичъ.

Волоховъ былъ сильный брюнетъ съ довольно тонкими чертами лица.

— Дорошенко, — произнесъ совсѣмъ юный молодой человѣкъ, похожій на гимназиста.

— Иванайнъ...

Фамилія Волохова напоминала мнѣ два разсказа, недавно напечатанные въ «Отечеств. Запискахъ», «Исторія одной газеты» и «Панфилъ Панфилычъ». Многіе думали, что на литературномъ горизонтѣ появилась новая звѣзда. На мой вопросъ, — Волоховъ отвѣтилъ просто:

— Да, тотъ самый.

Иванайнъ оказался тѣмъ финномъ-рабочимъ, котораго Денисюкъ, смотритель Спасской ча-

сти, билъ по щекамъ, за что получилъ угрозу отъ революціонеровъ. Дорошенко тоже былъ моимъ сосѣдомъ по Спасской части. Когда онъ подошелъ къ глазку въ дверяхъ и сталъ на весь коридоръ оглашать привезенныя мною новости, я сразу узналъ звонкій голосъ юноши, распѣвавшій кощунственныя ектеніи, о которомъ отецъ генералъ разговаривалъ съ Денисюкомъ. Теперь въ немъ не было замѣтно никакихъ признаковъ умственнаго разстройства... Онъ старался выражаться поизящнѣе и фамилію Лорисъ-Меликова произносилъ на французскій ладъ: Лёрисъ-Мэликофъ...

Такимъ образомъ въ В. П. Т. я сразу встрѣтилъ знакомыхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЯГО ТОМА

ВОЛОГДА, КРОНШТАДТЪ, ПЕТЕРБУРГЪ.

LXII. Высылка. — Я становлюсь государственнымъ преступникомъ 5
LXIII. Въ Вологдѣ. — Черты тогдашней ссылки 12
LXIV. Мой провожатый. — Остановка въ Тотьмѣ. — Знаменательная встрѣча 16
LXV. Лѣсными дорогами. — Разсказы о скитникахъ. — Опредѣляющая минута жизни. 22
LXVI. Царская милость. — Встрѣча съ товарищами петровцами. — Статья исправника въ «Голосѣ» 26
LXVII. Въ Кронштадтѣ. — Полицеймейстеръ Головачевъ 35
LXVIII. Среди моряковъ. — В. П. Верховскій и дѣловая философія. — Адмиралъ Поповъ 40
LXIX. Военная молодежь. — Чижовъ и Дегаевъ 49
LXX. Въ Петербургѣ. — Похороны Чернышева и процессъ 193-хъ 54
LXXI. Похороны Некрасова и рѣчь Достоевского на его могилѣ 61
LXXII. Газета «Новости» и ея издатель Нотовичъ 66
LXXIII. Выстрѣлъ Засуличъ. — Настроеніе въ обществѣ и печати 73
LXXIV. Бунтъ въ Апраксиномъ переулкѣ и мои первыя печатныя строки 80
LXXV. Панихида по Сидорацкомъ. 85
LXXVI. Убійство Мезенцева. — Второй арестъ. — Въ третьемъ отдѣленіи 91
LXXVII. Нѣсколько словъ о моей преступности. — Дилетантъ революціи и вольный сыщикъ 97
LXXVIII. Убійство Ренштейна. — Новый арестъ . 110

LXXIX. Въ Спаской части 118
LXXX. Эпизодъ съ Битмитомъ. — Процессъ Качки 123
LXXXI. Императоръ Александръ II и коридорный Перкіяйненъ 129
LXXXII. Единственный допросъ. — Предчувствіе пристава Денисюка 134
LXXXIII. Въ литовскомъ замкѣ 139

ССЫЛЬНЫЯ СКИТАНІЯ

LXXXIV. Дорогой въ Глазовъ 152
LXXXV. Жизнь въ Глазовѣ. — Лука Сидоровичъ — царскій ангелъ 161
LXXXVI. На край свѣта 170
LXXXVII. Первая встрѣча съ Бисеровцами. — «Царская милость» 179
LXXXVIII. Афонасьевскіе ссыльные и ихъ своеобразныя исторіи 191
LXXXIX. Лѣса, лѣса! 201

ЛѢСНАЯ ГЛУШЬ

XC. Въ семьѣ Гаври Бисерова 218
XCI. «Край свѣта живутъ, подъ небо сугорбившись ходятъ» 230
XCII. Починковскіе «боги» 237
XCIII. Лѣсная нежить 241
XCIV. Ссыльные: Ѳедотъ Лазаревъ. — Карлъ Несецкій 246
XCV. Ходоки. — Исторія Федора Богдана, дошедшаго до самого царя 251
XCVI. Религія Богдана и Санниковыхъ 270
XCVII. Дѣвку привезли 274
XCVIII. Господинъ урядникъ 282
XCIX. Искорки 288
C. Трагедія лѣсной глуши. — Какъ меня побѣдила лѣсная нечисть 293
CI. Будни. — Роды. — Первобытная, но неустойчивая добродѣтель 318
CII. Отголоски далекой жизни. — Царскій юбилей. — Какъ я узналъ о взрывѣ на николаевской жел. дор. — Газета въ починкахъ 329

CIII. Мнѣ предлагаютъ жениться и осѣсть въ починкахъ 340
CIV. Опять дорога. — Блюститель закона. — Какъ я узналъ о взрывѣ царскаго дворца. — Вѣрноподданная Россія 348
CV. Въ Москвѣ. — Шпіонъ. — Разговоры о Лорисъ-Меликовѣ. — Веселый жандармъ и его догадки. — Пріѣздъ въ Вышній Волочекъ 362

519755
LR
K8467is
Korolenko, Vladimir Galaktionovich
Исторія моего современника.
v.3
[Transliterated: Istoriya moego sovremennika.]

DATE	NAME OF BORROWER
Oct/23/52	M. Burtniak

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED